

РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

5

...Народное творчество — живой источник, который никогда не иссякнет. Из этого источника черпали свое вдохновение наши величайшие поэты. Обращение к этому жи-

вому источнику народного творчества удес-теряет творческие силы, подобно прикосновению героя греческой мифологии к матери-земле.

Д. Бедный

РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник-
хрестоматия
для
5
класса
средней школы

●
Составители

Т. С. Зепалова, Н. Я. Мещерякова

●
Утвержден
Министерством просвещения
РСФСР

●
издание пятнадцатое, доработанное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

Тексты произведений советских писателей, включенные в учебник с некоторыми сокращениями («Белеет парус одинокий», «Повесть о настоящем человеке»), просмотрены и одобрены их авторами — В. П. Катаевым, Б. Н. Полевым.

В учебнике использованы иллюстрации художников

В. М. Васнецова, Е. А. Кибрика, В. П. Высоцкого,
И. Л. Ушакова, М. М. Салтыкова, И. И. Пчелко;
портреты писателей
выполнены художником В. А. Ермоловым;
оформление художника Б. Л. Рыгмана.

Дорогие пятиклассники!

Вы держите в руках учебник по литературе, которым будете пользоваться в течение года. Он познакомит вас с произведениями замечательных русских и советских писателей.

Чтобы создать эту книгу, трудился большой коллектив людей. Они старались сделать ее интересной и полезной для вас. Отнеситесь же с уважением к их труду, берегите книгу. Обращайтесь с ней аккуратно, не портите ее страниц. Помните, что она должна еще служить вашим младшим товарищам, сестренкам и братишкам. Доставьте им радость хорошо сбереженной книгой!

Р60 Родная литература: Учеб.-хрестоматия для 5 кл. сред. шк. / Сост. Т. С. Зепалова, Н. Я. Мещерякова. — 15-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 1988. — 399 с., л. ил.: ил.
ISBN 5-09-000525-7

Р 4306020300—175
103(03)—88 инф. письмо — 88

ББК 83.3Ря72

ISBN 5-09-000525-7 © Издательство «Просвещение», 1988, с изменениями.

Волшебная сила художественного слова

Прочитайте отрывок из воспоминаний К. Г. Паустовского о поэте В. А. Луговском и ответьте на вопросы, данные после текста.

«Зимой 1935 года мы шли с Луговским по пустынной Масандровской улице в Ялте.

...Было пасмурно, тепло, дул ветер. Обгоняя нас, бежали, шурша по мостовой, высохшие листья клена. Они останавливались толпами на перекрестках, как бы раздумывая, куда бежать дальше. Но пока они перешептывались об этом, налетал ветер, завивал их в трескучий смерч и уносил.

Луговской с мальчишеским восхищением смотрел на перебежку листьев, потом поднял один лист и показал мне:

— Посмотри, у всех сухих кленовых листьев кончики согнуты в одну сторону под прямым углом. Поэтому лист и бежит от малейшего движения воздуха на этих загнутых своих концах, как на пяти острых лапках. Как маленький зверь!..

Вечером в тот день, когда рядом с нами бежали по улицам листья клена, Луговской пришел ко мне и, явно смущаясь, сказал:

— Понимаешь, какой странный случай. Я только что ходил на телефонную станцию звонить в Москву, и от самых ворот нашего парка за мной увязался лист клена. Он бежал у самой моей ноги. Когда я останавливался, он тоже останавливался. Когда я шел быстрее, он тоже бежал быстрее. Он не отставал от меня ни на шаг, но на телефонную станцию не пошел: там слишком крутая для него гранитная лестница, и к тому же это учреждение. Должно быть, осенним листьям вход туда воспрещен. Я погладил его по спинке, и он остался ждать меня у дверей. Но когда я вышел, его уже не было. Очевидно, его кто-то прогнал или раздавил. И мне, понимаешь, стало нехорошо, будто я предал и не уберег смешного маленького друга...»

Вопросы.

1. Почему кленовый листок кажется нам живым и трогательным существом? Что помогло писателю создать у нас такое впечатление? Можем ли мы на примере этого рассказа показать «волшебную силу художественного слова»? В чем она заключается?

Раздел

I

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...

А. С. ПУШКИН

Устное народное творчество

НАРОД-СКАЗИТЕЛЬ

Почти тысячу лет назад в Киевской Руси возникли первые былины — устные народные песни-сказания о подвигах богатырей. В то далекое время тревожно было на Русской земле. Печенеги, половцы нападали на Русь, сжигали села, вытаптывали поля, а людей убивали или уводили в рабство. Непокорно было и внутри страны: воевали между собой русские князья, по дорогам бродили разбойники...

Эти трудные времена нашли отражение в произведениях русского народного творчества. В четвертом классе вы читали героические сказки о борьбе русских людей с врагами. Теперь мы знакомимся с новым видом русского народного творчества — былинами.

Былина — это героико-патриотическая песня-сказание о богатырях и исторических событиях Древней Руси (IX—XIII века). Но в них много вымысла, фантастики.

Главная тема, которая объединяет большинство былин, — героическая борьба русского народа за независимость родной земли, за укрепление ее единства и могущества.

Герои былин — могучие богатыри — воплощают в себе лучшие качества народа: его любовь к родной земле, беззаветное мужество и стойкость. Самые известные среди них — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Могучей силой, бесстрашием, отвагой и самоотверженной преданностью Родине отличается старший богатырь — крестьянский сын Илья Муромец. Мудрость, благородство помыслов и поступков, дальновидность и предусмотрительность характеризуют Добрыню Никити-

ча. Самый младший богатырь — Алеша Попович — смел, удал, хитер, хвастлив, но в бою не уступает старшим своим братьям.

В течение многих веков былины передавались устно от одного поколения к другому. Они исполнялись как песни, на особый мотив. Пели их народные поэты — певцы-сказители. Повсюду пользовались они почетом и уважением. Как на праздник, собирались люди издалека послушать талантливого певца былин. Позднее ученые, любители русской старины со слов народных певцов записали былины и напечатали их.

Вопросы и задания.

1. Перескажите содержание статьи «Народ-сказитель». Когда возникли былины; о чем в них повествуется; кем и как они исполнялись; почему певцы-сказители пользовались таким почетом в народе?
2. Какие былины вы читали или слышали? Каких богатырей, кроме упомянутых в статье, знаете? Расскажите о них.

Илья Муромец и Соловей Разбойник

- 1 Из то́го ли то из го́рода из Му́рома¹,
Из то́го села́ да Карача́рова
Выезжа́л уда́ленький доро́дный добрый мо́лодец.
Он сто́ял зау́треню² во Му́роме,
5 А й к обе́денке³ поспе́ть хотел он в стольный Кие́в-град.

Да й подъе́хал он ко сла́вному ко городу́ к Черни́гову.
У то́го ли го́рода Черни́гова
На́гнано-то си́лушки черны́м-черно,
А й черны́м-черно́, как че́рна во́рона.

- 10 Так пехо́тою⁴ никто́ тут не проха́живат,
На до́бром коне́ никто́ тут не прое́зживает,
Пти́ца черны́й во́рон не проле́тывает,
Се́рый зве́рь да не проры́скиват.

¹ Ударения поставлены над теми словами, которые надо выделить при чтении.

² Зау́треня — утренняя церковная служба.

³ Обе́дня — дневная церковная служба.

⁴ Пехо́тою — здесь: пешком.

- А подъехал как ко силушке великой,
15 Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А и побил он эту силу всю великую.

- Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
20 И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А и зовут его в Чернигов воеводою¹,
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
25 Укажите мне дорожку прямоёзжую,
Прямоёзжую да в стольный Киев-град.

- Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дорóдный добрый мóлодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
30 Прямоёзжая дорожка заколóдела²,
Заколóдела дорожка, замуравела³.
А и по той ли по дорожке прямоёзжею
Да и пехóтою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
35 Как у той ли то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у поклáпья⁴,
Да у той ли речки у Смородины,
У того крестá у Леванíдова⁵
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,

- 40 Сидит Соловей Разбойник Одиxмáнтьев сын.
А то свищет Соловей да по-солóвьему,
Он кричит злодей-разбóйник, по-зверíному.
И от его ли то от пóсвиста солóвьего,
И от его ли то от пóкрика зверíного

¹ Воевóда — в Древней Руси правитель города или начальник войска.

² Дорожка заколóдела — дорога завалена стволами засохших деревьев (колодами).

³ Замуравела — заросла муравой, т. е. травой.

⁴ Поклáпья — пригнутая книзу, искривленная.

⁵ У того креста у Леванíдова — деревянные кресты в старину ставили над могилами погибших в дороге.

- 45 Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазбóревы цветочки осыпáются,
Темны лóсушки к землѣ все приклоняются, —
А что ёсть людѣй — то все мертвы лежат.
Прямоёзжею дороженькой — пятьсòт есть верст,
50 А и окóльной дорожкой — цела тýсяча.

- Он спустил добра коня да и богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоёзжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескáкивать,
55 С холмы на холмы стал перемáхивать,
Мелки реченьки, озѣрка промeж нòг пускал.
Подъезжáет он ко речке ко Смородине,
Да ко тóей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тóю ко берёзе ко поклáпья,
60 К тому славному кресту ко Леванíдову.
Засвистáл-то Соловей да по-солóвьему,
Закричáл злодей-разбóйник по-зверíному —
Так все травушки-муравы уплетáлись,
Да и лазбóревы цветочки осыпáлись,
65 Темны лóсушки к землѣ все приклонíлись.

- Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкáется —
А и как старýй-от казák да Илья Мýромец
Берет плётóчку шелкóвую в белú руку,
70 А он бил коня да по крутým ребрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:

- Ах ты, вóлчья сыть да и травяной мешок!
Али ты идти не хóшь, али нести не можь?
Что ты на корни, собáка, спотыкáешься?
75 Не слыхáл ли пóсвиста солóвьего,
Не слыхáл ли пóкрика зверíного,
Не видáл ли ты удáров богатырских?
А и тут старýя казák да Илья Мýромец
Да берёт-то он свой тóгой лук разрýбчатый¹,

¹ Разрýбчатый — упругий, тугой лук. Когда тетива отпущена, хороший лук издает резкий звук, как бы разрывая воздух.

80 Во свой берет во бѣлы он во рѹчушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрѣлочку калѣную накладывал,

Он стрѣли́л в того-то Соловьѣ Разбойника,
Ему выбил право око со коси́цею¹,
85 Он спусти́л-то Соловьѣ да на сыру́ землю,
Пристегну́л его ко правому ко стремечку булатному,
Он повѣз его по сла́вну по чисту́ полю...

Он приѣхал-то во сла́вный стольный Кі́ев-град
А ко сла́вному ко кня́зю на широкі́й двор.
90 А й Влади́мир-кня́зь он вы́шел со бѣ́жѣй церквѣ́,
Он пришѣ́л в пала́ту белока́менну,
Во столо́вую свою́ во го́ренку,
Он сел ѣ́сть да пить да хлѣ́ба ку́шати,
Хлѣ́ба ку́шати да пообѣ́дати.

95 А й тут ста́рыя каза́к да Ильѣ́ Му́ромец
Стано́вил коня́ да посере́дь двора,
Сам иде́т он во пала́ты белока́менны.
Проходи́л он во столо́вую во го́ренку,
На пята́² он двѣ́рь-то поразма́хивал,

100 Крѣ́ст-от кла́л он по-писа́ному,
Ве́л покло́ны по-уче́ному,
На все на́ три, на четы́ре на сторонки низко кла́нялся,
Самому́ кня́зю Влади́миру в осбо́бину,
Еще́ все́м его кня́зья́м он подко́лённым³.

105 Тут Влади́мир-кня́зь стал мо́лодца выспра́шивать:
— Ты скажи́-тко, ты отку́лешний⁴, дородный добрый
мо́лодец,

Тебя́ ка́к-то мо́лодца́, да и́менем зовут,
Велича́ют, удало́го по оте́честву?

Говори́л-то стары́я каза́к да Ильѣ́ Му́ромец:

110 — Есть я с сла́вного из го́рода из Му́рома,
Из того́ села́ да Карача́рова,
Есть я ста́рыя каза́к да Ильѣ́ Му́ромец,
Ильѣ́ Му́ромец да сын Ива́нович.

Говори́т ему Влади́мир тако́вы слова́:

115 — Ай же ста́рыя каза́к да Ильѣ́ Му́ромец!
Да й да́вно ли ты пове́хал из Му́рома
И кото́рою доро́женькой ты ехал в стольный Кі́ев-град?

Говори́л Ильѣ́ он тако́вы слова́:

— Ай ты сла́вныя Влади́мир стольно-кі́евский!

120 Я сто́ял за́утреню хри́стосскую во Му́роме,
А й к обе́денке поспѣ́ть хоте́л я в стольный Кі́ев-град,
То моя́ доро́жка приза́мешкалась.
А я е́хал-то доро́жкой прямо́е́зжею,
Прямо́е́зжею доро́женькой я ехал мимо-то Черни́гов-град,
125 Ехал ми́мо эту́ Гря́зь да мимо Че́рну́ю,
Мимо сла́вну рече́нку Сморо́дину,
Мимо сла́вную бе́резу ту поклѣ́пую,
Мимо сла́вный е́хал Лева́нидов крест.

Говори́л ему Влади́мир тако́вы слова́:

130 — Ай же мужи́чище-дере́вѣнщина,
Во глаза́х, мужи́к, да подлыга́ешься¹,
Во глаза́х, мужи́к, да насме́хаешься!
Как у сла́вного у го́рода Черни́гова
На́гнано тут си́лы мно́го мно́жество —

135 То пехо́тою никто́ да не про́хаживал
И на добрѣ́м коне́ никто́ да не про́ѣзживал,
Туда се́рый зве́рь да не проры́скивал,
Пти́ца черны́й во́рон не проле́тывал.

А й у то́й ли то у Гря́зи-то у Че́рной,
140 Да у сла́вной у рѣ́чки у Сморо́дины,
А й у то́й ли у бе́резы у поклѣ́пая,
У того́ креста́ у Лева́нидова
Солове́й сиди́т Разбойник Одихма́нтьев сын.
То как сви́щет Солове́й да по-соло́вьему,

145 Как кри́чит злоде́й-разбойник по-зверѣ́ному —
То все тра́вушки-мура́вы уплетѣ́ются,

¹ Коси́ца — висок.

² На пята́ — широко, настежь.

³ Подко́лённые кня́зья — младшие кня́зья, подчиненные кня́зю Влади́миру.

⁴ Отку́лешний — откуда.

¹ Подлыга́ться — лгать.

А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к землё все приклоняются,
А что ёсть людёй — то все мертвы лежат.

- 150 Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею.
И он ко стрёмени булатному прикованный.

- 155 То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножи,

- Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
160 Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-зверёному.

- Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
165 — Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Илья Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

- Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
170 — Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-зверёному.

- Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
175 Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика зверёного...

- Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-зверёному —
Маковки на теремах покривились,
180 А околенки во теремах рассыпались.
От него, от полсвиста соловьего,
А что ёсть-то людешек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

- 185 А й тут старый-от казак да Илья Муромец,
Он скорёшенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

- Говорил Илья да таковы слова:
190 — Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-зверёному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!..

1. Внимательно прослушайте чтение былины учителем. Подготовьтесь к чтению наиболее интересного для вас эпизода былины. Помните, что каждая строка ее имеет три стихотворных ударения, отмеченные в тексте, и заканчивается паузой. Былина читается медленно, как бы нараспев.
2. Подумайте, что заставило Илью Муромца отправиться в стольный Киев-град. Какой предстала перед ним родная земля? Найдите строки, рисующие богатырство Ильи Муромца и силу его врагов.
3. Как ведут себя при встрече Илья Муромец и князь Владимир? Какие особенности каждого из них раскрываются в этом эпизоде? Каково отношение сказителя к Илье Муромцу — крестьянскому сыну и к Владимиру — Киевскому князю? Выразительно прочитайте этот эпизод, основываясь на ваших наблюдениях и выводах.
4. Подготовьте развернутый ответ на тему: «Илья Муромец — любимый народный герой». Вспомните, как выглядит Илья Муромец; в каких подвигах, в каких поступках раскрывается его любовь к Родине, богатырство, бескорыстие. Внимательно рассмотрите картину В. М. Васнецова «Богатыри» и напишите сочинение на тему «Богатырская застава». (Какие богатыри изображены на картине? Что можно рассказать о каждом из них? Какая природа их окружает? Что привлекло их внимание? К чему они приготовились? Что вскоре произойдет?)

А. К. Толстой

Илья Муромец

Под броней¹, с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

¹ Броня — род кованой рубашки из металлических пластинок или колец. У Ильи Муромца броня с простым набором, т. е. без украшений.

Едет бором, — только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?»

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый¹,
Уноси Илью!..

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!..

Душно в Киеве, что в скрине²,
Только киснет кровь!
Государыне пустыне
Поклонюся вновь!

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

¹ Чубарый — конь пятнистой масти.

² Скриня, скрын (старин.) — сундук.

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой, и земляникой
Пахнет темный бор.

Вопросы и задания.

1. Какая природа окружает Илью Муромца? Как она помогает богатырю забыть обиду, нанесенную князем, ощутить близость к родной земле, радость воли и независимости?
2. Выучите стихотворение наизусть. Передайте в выразительном чтении смену настроения Ильи Муромца, а также авторское восхищение былинным богатырем и родным простором.

Вольга и Микула Селянинович

Когда воссияло солнце красное
На тоё ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольгá,
Молодой Вольгá Святославович.

Как стал тут Вольгá растёт-матереть,
Похотелось Вольгé много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-Сóколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темнии леса.

Как стал тут Вольгá растёт-матереть,
Собирал себе дружинишку хорóбрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольгá во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков не лёгченныхих.
Вот посели на добрых коней, поехали,

Поехали к городáм да за полúчкою¹.
Повыехали в раздóльице чýсто поле,
Услыхáли во чистóм поле орáтая²,
Как óрет в поле орáтай, посвистывает,
Сóшка у орáтая поскрипывает,
Омéшики³ по кáмешкам почёркивают.

Ехали-то дéнь ведь с úтра дó вечера,
Не могли до орáтая доéхать.
Они éхали да ведь и дрúгой дéнь,
Дрúгой дéнь ведь с úтра дó вечера,
Не могли до орáтая доéхать.
Как óрет в пóле оратай, посвистывает,
Сóшка у орáтая поскрипывает,
А омéшки по кáмешкам почёркивают.
Тут éхали они трéтий дéнь,
А трéтий дéнь ещё до пáбедьы⁴.
А наéхали в чистóм поле орáтая.

Как óрет в пóле оратай, посвистывает,
А борóздки он да помётывает,
А пенье-корёнья вывёртывает,
А большие-то кáменья в борóздú валит.

У орáтая кобыла солóвая⁵,
Гúжики⁶ у нее да шелкóвые,
Сóшка у орáтая клéновая,
Омéшки на сóшке булатные,
Присóщечек у сóшки серёбряный,
А рога́чик-то у сóшки красна зóлота.

¹ Полúчка — здесь: дань. Вольга поехал собирать дань.

² Рáтай, орáтай — пахарь; орать — пахать.

³ Омéшики — сошники, лемехи у сохи.

⁴ Пáбедье — время, близкое к полудню.

⁵ Солóвая — лошадь со светло-коричневой шерстью, белыми хвостом и гривой.

⁶ Гуж, гúжик — мочальные или ременные петли, которыми оглобли прикрепляются к хомуту.

А у оратая кудри качаются,
Что не скáчен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зéлен сафьян:

Вот шилом пятý, носý востры,
Вот под пятý-пятý воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовать,
А бороздки тебе да помётывать,
А пенья-коренья вывёртывать,
А большие-то камни в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Подй-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка надобна божья помочь крестьянствовать.
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в речке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли целю три меха¹,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд...
А тут стали мужички с меня гробшей просить,
Я им стал-то ведь гробшей делить,

¹ Мех — здесь: мешок.

А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит.
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Ты поедem-ко со мною во товарищах.

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.

Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у неё да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остаётся.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повывернуть,
Из омешиков бы земельку повывтряхнуть
Да бросить сошку за ракитов куст. —

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинишку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повывернули,
Из омешиков земельку повывтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинишка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,

Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи¹ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повывтряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

И тут молодой Вольга Святославович
Посылает-от дружинишку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли вывернуть,
Из омешиков земельки повывтряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинишку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повывернули,
Из омешиков земельку повывтряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повывернуть,
Из омешиков земельку повывтряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле солёвенькой
Приехал ко сошке кленовенькой,
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повывернул,
Из омешиков земельку повывтряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у неё да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остаётся.

¹ Обжи — оглобли у сохи.

Тут Вольга стáл да он покрѣивать,
Колпакóм он стáл да ведь помáхивать:
— Ты постóй-ко ведь, орáтай-оратáюшко!
Кабы этáя кобы́ла конько́м бы была,
За эту́ю кобы́лу пятьсо́т бы дали.

Тут проговорѣл орáтай-оратáюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга́ Святослáвович!
Я купѣл эту кобы́лу жеребѣно́чком,
Жеребѣно́чком да ѣз-под мáтушки,
Заплатѣл за кобы́лу пятьсо́т рублей.
Кабы этáя кобы́ла конько́м бы была,
За эту кобы́лу цены́ нѣ было бы!

Тут проговорѣл Вольга́ Святослáвович:
— Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
Кáк-то тебѣ́ да ѣменем зовут,
Нарекáют тебѣ́ да по отечеству?

Тут проговорѣл орáтай-оратáюшко:
— Ай же ты, Вольга́ Святослáвович!
Я как ржѣ́-то напашу́ да во скѣ́рды сло́жу,
Я во скѣ́рды сло́жу да домой вѣ́волочу,
Домой вѣ́волочу да дóма вѣ́молочу,
А я пѣ́ва наварю́ да мужичко́в напою,
А тут стáнут мужичкѣ́ меня похвáливати:
«Молодо́й Микѹ́ла Селяни́нович!»

Вопросы и задания.

1. Подумайте, о чем повествуется в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» и о чем — в былине «Вольга и Микула Селянинович». Определите тему каждой из былин.
2. Перечитайте, как в былине «Вольга и Микула Селянинович» описывается внешний облик ората́я, его труд. В чем выражаются любовь и уважение народа к пахарю?
3. Былина называется «Вольга и Микула Селянинович». Кто, по вашему, является ее главным героем? Докажите вашу мысль, сопоставив Вольгу и Микулу.

О былине

Былины (от слова «быль»), произведения устной поэзии о русских богатырях и народных героях, «богатырские песни», которые рассказывались нараспев, строятся по определенному плану. Они начинаются кратким вступлением — **з а ч и н о м**, где указывается время и место действия:

Как во славном городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира
Было пированье — почестен пир...

Далее идет основная часть былины — повествование о подвигах богатырей. Оно разворачивается медленно, спокойно.

В былинах много различных повторений: повторяются отдельные слова, строки и даже целые эпизоды.

Так, в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» четыре раза встречается описание страшного свиста Соловья, и от этих повторений крик разбойника кажется еще ужаснее. Дорога Ильи Муромца в Киев представляется еще более трудной, когда мы встречаем повторение слова «заколодела»:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела...

Повторения создают особую плавность и напевность былинной речи:

...Во свои берет во белы он во ручушки...
Да у славной у речки у Смородины...

Былины часто завершаются особой концовкой: «Тут Илье и славу поют» или: «На том былинка и кончилась».

Для былин характерны гиперболы — преувеличения, которые помогают ярче показать богатырей и их подвиги.

Сила богатыря неимоверно преувеличивается: например, Илья Муромец легко, как перышко лебединое, поднимает палицу весом в 90 пудов. Взмахом руки он валит наземь полчища врагов. Микула Селянинович, крестьянин-богатырь, одной рукой легко выдергивает из земли сошку, которую не могла сдвинуть с места вся дружина князя Вольги. Добрыня Никитич играет на гусли в Киеве, а напев слышен в Царьграде. Богатырский конь Ильи скачет «выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего». Так же преувеличенно рисуются в былинах и враги. Обычно богатырь сталкивается с несметными полчищами, ко-

которые «серому волку в три дня не обскакать», «черному ворону в день не облететь».

В былинах, как и в других видах народного творчества, часто встречаются устойчивые сочетания прилагательных с существительными: добрый молодец, красна девица, прямоезжая дорожка, цветики лазоревые, поле чистое и т. д. Эти прилагательные стали постоянными определениями, то есть **постоянными эпитетами**.

Вопросы и задания.

1. Чем отличаются былины от других произведений устного народного творчества? Воспользуйтесь для ответа статьями «Народ-сказитель», «О былине».
2. По какому плану строится былина? Выделите в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» зачин, основную часть.
3. Приведите из прочитанных в классе былин примеры гипербол, повторений, постоянных эпитетов. Каким целям они служат?
4. Найдите в былинах и сказках примеры постоянных эпитетов к словам:

небо... .	конь... .	дружинушка... .
леса... .	стремечко... .	лебедь... .
море... .	стрела... .	травушка-муравушка... .
речка... .	лук... .	головушка... .
поле... .	молодец... .	девица... .
солнце... .	береза... .	
	вброн... .	

Устное народное творчество и литература¹

В глубокой древности слагались народные сказки, былины, пословицы, поговорки, загадки, песни — бессмертные произведения народной мудрости, народной фантазии. Они были созданы в те далекие времена, когда народ не имел письмен-

¹ Слово *литература* происходит от латинского слова *littera* (лittera) — буква.

ности, и передавались **устно** от поколения к поколению как живое, звучащее слово. Кто сочинял их? Имена этих талантливых людей не сохранились, да и не могли сохраниться: ведь каждый, кто передавал другим услышанную сказку или былинку, рассказывал ее по-своему, что-то добавляя, что-то изменяя. Вот почему существует множество вариантов одной и той же сказки, былины, песни. Таким образом, особенности произведений устного народного творчества заключаются в том, что они создавались для рассказывания и слушания, имели много вариантов, а творцом их был народ — коллективный автор.

Около тысячи лет назад возникла русская письменная литература, появились первые книги, написанные от руки. Главная особенность литературного произведения состоит в том, что оно в момент своего создания **записывалось** автором, предназначалось для чтения, поэтому не имело вариантов и обычно сохраняло имя своего создателя.

В наше время, говоря о литературном произведении, мы имеем в виду не всякое произведение письменности, а **художественное произведение**.

В художественном произведении рисуются различные картины жизни, изображаются поступки и взаимоотношения людей, передаются их мысли и стремления, раскрывается сложный мир человеческих чувств и переживаний. При знакомстве с художественным произведением мы можем многое узнать и о его авторе — и его отношении к героям, о том, что он защищает, против чего борется.

Устное народное творчество является богатейшим источником вдохновения для писателей всех времен и народов. Вы знаете, как любил и собирал народные сказки А. С. Пушкин, сколько замечательных картин о богатырях и сказочных героях написал художник В. М. Васнецов. Былинный Садко стал героем оперы Н. А. Римского-Корсакова. «Золушка» — название не только старой сказки, но и современных кинофильма, пьесы, балета.

Вопросы и задания.

1. Чем отличаются произведения письменной художественной литературы от произведений устного народного творчества?

2. Вспомните, какие вы смотрели фильмы, спектакли, в основу которых положены народные сказки или былины. Какие картины на темы сказок и былин создал художник В. М. Васнецов?
3. Соберите коллекцию открыток на темы сказок и былин; сделайте в классе выставку.

Художественная письменная литература

Среди первых произведений русской литературы были летописи, в которых записывались исторические события по годам, или, как говорили в старину, по лѣтам. Кроме этих записей, летописи содержали множество повестей, легенд, сказаний. «Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 году» написана неизвестным автором и является одной из летописных повестей. С особенным воодушевлением пишет автор об отважной дружине могучего воина Евпатия Коловрата.

Евпатий Коловрат

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бесменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые¹ на город, одни с огнями, другие с пороками², а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день... И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекали. А других в реке потопили... И весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили... И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые...

¹ Поганые — так автор называет захватчиков.

² Пороки — орудия для пробивания крепостных стен и метания камней.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще более разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить и веру христианскую искоренить...

И некий из вельмож¹ рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей² убитых и множество народа polegшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек... И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы³ Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые востали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился.

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, воины великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать⁴. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича⁵ своего

¹ Вельможа — родовитый, знатный человек.

² Государы — здесь: вельможи, князья.

³ Стан — военный лагерь, здесь: войска.

⁴ Почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать — здесь насмешливо: оказать тебе почтение.

⁵ Шурич (шурин) — брат жены.

Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого, и обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула *на-полы*¹ до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих

¹ *На-полы* — надвое, пополам.

тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурз¹ами, и князьями, и санча¹кб¹еями¹, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами...» И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатыево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Вопросы и задания.

1. О каком времени и каких событиях рассказывается в повести?
2. Выразительно прочитайте описание разоренной Рязани. Найдите в повести эпизоды, в которых особенно ярко раскрывается отношение автора к русским воинам и их врагам. Какие чувства автор стремится пробудить у читателей повести?
3. Что придавало силы Евпатию Коловрату и его малой дружине в неравной борьбе с ордынцами? Чем похож Евпатий на былинного богатыря? Расскажите о его действиях во время боя, в поединке с Хостоврулом, о его гибели. Что является источником его героизма и богатырства? Какова роль гипербола в изображении героев повести?
4. Составьте план к повести «Евпатий Коловрат» и подготовьте по этому плану пересказ, стараясь сохранить особенности авторского повествования.

¹ *Мурз*а, *санча*кб¹ей — татарские вельможи.

КУРГАН

В степи, на равнине открытой
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт...

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть...

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?..

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах.

Задания.

Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения «Курган». Подумайте, какого темпа чтения и какой интонации требует это стихотворение.

РАЗДЕЛ

2

Кто, служа высоким целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет.

Н. А. НЕКРАСОВ

Иван
Андреевич
КРЫЛОВ
(1769—1844)

Великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова наш народ издавна зовет дедушкой Крыловым. У его памятника в Летнем саду¹ в Ленинграде всегда собираются дети. Они внимательно рассматривают сидящего в кресле поэта, с интересом вглядываются в изображенных на памятнике героев басен — разных зверей и птиц.

¹ Летний сад — старинный парк в Ленинграде.

Отец И. А. Крылова был бедным армейским офицером. Он рано умер, оставив в наследство детям лишь сундук с книгами. Мать Крылова, простая женщина «без всякого образования, но умная от природы», по словам баснописца, вынуждена была отдать мальчика на службу в канцелярию. В трудах, лишениях и скитаниях по России прошла юность Крылова. Только к сорока годам он смог устроить свою жизнь, поступив в Петербурге на службу в Публичную библиотеку, где прослужил библиотекарем свыше 30 лет.

Крылов был не только талантливым баснописцем, драматургом, поэтом, но и прекрасно играл на скрипке, хорошо рисовал. В нем особенно явно чувствовалась богатырская природа русского человека, его трезвый и ясный ум. А. С. Пушкин высоко ценил И. А. Крылова, считая его «самым народным нашим поэтом, превзошедшим всех баснописцев».

Много горькой правды говорил баснописец о несправедливых порядках в царской России, о жестоких помещиках, корыстных чиновниках, чванных вельможах.

Мы смеемся над героями басен — потешными зверями, иногда хитрыми и злыми, иногда глупыми. Но мы хорошо понимаем, что Крылов высмеивает и разоблачает человеческие пороки и недостатки: лень, зависть, невежество.

Герои басен Крылова — добродушный увалень Медведь, хитрая, лживая Лиса, тупой, упрямый Осел и другие — как будто пришли из народных сказок. Многие строки его басен стали пословицами и поговорками: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?», «Недаром говорится, что дело мастера боится», «Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на Слона» и многие другие.

Язык басен Крылова удивительно прост и ясен. Стихи звучат как живой, непринужденный разговор. Баснописец так рассказывает о различных поучительных происшествиях, что читатель видит перед собой яркую живую сценку.

Уже при жизни баснописца его сочинения знала вся Россия. Русский писатель Н. В. Гоголь назвал басни Крылова «книгой мудрости самого народа».

Известный советский поэт М. В. Исаковский посвятил Крылову стихи:

Кто не слышал его живого слова?

Кто в жизни с ним не встретился своей?

Бессмертные творения Крылова
Мы с каждым годом любим все сильнее.
Со школьной парты с ними мы сжились,
В те дни букварь постигшие едва,
И в памяти навеки оставались
Крылатые крыловские слова.
Сокровищница мудрости народной
В них людям открывалась до конца,
И голос их прямой и благородный
К добру и правде призывал сердца.
Все знал и видел ум певца пылливый,
Всего сильнее желая одного,
Чтоб жили жизнью вольной и счастливой
Народ его и родина его.

Вопросы и задания.

1. Что вы можете рассказать о жизни Крылова?
2. Какие произведения прославили имя И. А. Крылова? Чем они интересны?
3. Запомните высказывания А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя о И. А. Крылове и его баснях.
4. Прочитайте выразительно стихотворение М. В. Исаковского о И. А. Крылове. Найдите в нем те строки, которые можно взять эпиграфом к рассказу о русском баснописце.

Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим.
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.

Ягненка видит он, на добычу стремится;

Но, делу дать хотя законный вид и толк,

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питье
Мое

С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший¹ Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью,
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в прошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил;
Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне еще и от роду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум или сват,

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите;
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать.
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

Вопросы и задания.

1. Как показывает Крылов хищную натуру Волка и беззащитность Ягненка?
2. В каких строках басни автор дает оценку происшедшему? Подтвердите примерами (из литературы и жизни), что она имеет обобщающий смысл.
3. Подготовьтесь к выразительному чтению басни в лицах.
4. Рассмотрите иллюстрацию к басне. Как передал художник характер и повадки героев басни?

Квартет

Проказница-Мартышка,
Осел,
Козел

Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартет¹.
Достали нот, баса, альты², две скрипки
И сели на лужок под липки —
Плестя своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой!» — кричит Мартышка. — «Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

¹ *Квартет* — музыкальное произведение для четырех инструментов или ансамбль из четырех музыкантов.

² *Бас, альт* — струнные или духовые музыкальные инструменты с низким звучанием.

¹ *Светлейший* — почетное обращение к особенно знатным вельможам.

Ты с басом, Мишенька, садись против альта;
Я, прима¹, сяду против вторы;
Тогда пойдет уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он все-таки на лад нейдет;

«Постойте ж, я сыскал секрет, —

Кричит Осел, — мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла — уселись чинно в ряд;

А все-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, — говорят, — возьми на час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привести:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,

Скажи лишь, как нам сесты!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, —

Им отвечает Соловей, —

А вы, друзья, как ни садитесь,

Всё в музыканты не годитесь».

Вопросы и задания.

1. Что высмеивает И. А. Крылов в басне «Квартет»? Определите, в каких словах заключена главная мысль, мораль басни.
2. Выразительно прочитайте басню, стремясь передать горячность спора неудачливых музыкантов и мудрость совета Соловья.
3. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?
4. Рассмотрите иллюстрацию к басне. Как показал художник музыкальное невежество ее героев?

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,

Попал на псарню.

Поднялся вдруг весь псарный двор.

Почуя серого так близко забияку,

Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.

Псары кричат: «Ахти, ребята, вор!»

И вмиг ворота на запор;

В минуту псарня стала адом.

Бегут: иной с дубьем,

Иной с ружьем.

«Огня! — кричат. — Огня!» Пришли с огнем.

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.

Зубами щелкая и ошетиная шерсть,

Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;

Но, видя то, что тут не перед стадом

И что приходит наконец

Ему расчесться за овец, —

Пустился мой хитрец

В переговоры

¹ Прима — здесь: первая скрипка. Втора — здесь: вторая скрипка.

И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосед, —
Тут Ловчий¹ перервал в ответ, —
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой». —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Вопросы и задания.

1. Басня «Волк на псарне» была написана И. А. Крыловым во время Отечественной войны 1812 года. Французы заняли Москву. Наполеон, считая себя победителем, предложил Кутузову заключить мир. Но это предложение было отвергнуто: русские не собирались мириться с врагом — и вскоре началось изгнание французов из России. Иван Андреевич Крылов послал эту басню Кутузову в действующую армию. Кутузов прочитал басню перед воинами. При словах «Ты сер, а я, приятель, сед...» он снял головной убор, обнажив свои седины. Как вы думаете, что хотел сказать Кутузов этим жестом? Каковы были намерения Волка?
2. Сравните, как ведет себя Волк, попав вместо овчарни на псарню, с тем, что он говорит. Внимательно вчитайтесь в басню и покажите злобность, лживость и лицемерие Волка.
3. Как характеризует Ловчего его ответ Волку?
4. Прочитайте басню в лицах.
5. Какие строки басни стали пословицами и поговорками?

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». —
«Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ущица, ей-же-ей, на славу сварена!» —
«Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарем подернулась она.
Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.

¹ Ловчий — главный псарь, ведавший всей псовой охотой.

Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И — очищает всю. «Вот друга я люблю! —
Вскричал Демьян. — Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку

Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой —
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Вопрос и задания.

1. Что осмеивает Крылов в басне? Выразительно прочитайте басню.
2. Придумайте небольшой рассказ, к содержанию которого можно было бы применить крылатое выражение «демянова уха».

О басне

Вы знаете много басен — коротких занимательных рассказов в стихах и прозе, где действуют не только люди, но и животные, растения, различные предметы. Однако басня не сказка.

Каждый герой басни олицетворяет собой определенные качества: Волк — жестокость, коварство, грубость, жадность; Ягненок — слабость, беззащитность, искренность; Лиса — хитрость, лицемерие, лживость; Осел — невежество, упрямство, тупость и т. д.

Такое изображение жизни, которое таит в себе иной, скрытый смысл, называется аллегорией. Аллегория — слово греческое, в переводе оно означает иносказание.

Забавные события и смешные герои басен заставляют нас смеяться, но, если вдуматься, смеемся ведь мы не над самими животными, а над теми пороками и недостатками, которые осуждает баснописец. Главная мысль басни всегда серьезна. Автор высказывает ее в форме нравоучительного вывода, который дается обычно в начале или в конце басни и называется моралью.

Таким образом, басня — небольшой аллегорический рассказ с поучительным смыслом, чаще всего стихотворный.

Вопросы и задания.

1. Среди помещенных ниже литературных текстов найдите басню. Вспомните, каковы основные признаки басен. А нет ли среди текстов сказки? Чем сказка отличается от басни?

Лиса и кувшин

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Пробралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала, пора бы и домой, да вот беда — голову из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет. Отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл, да и полно.

Не отстаёт кувшин, хоть что хочешь. Рассердилась лиса:
— Погоди же ты, проклятый! Не отстаешь честью, так я тебя утоплю. — Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

Крестьянин и его сыновья

В предсмертный свой час призвал крестьянин своих сыновей и, желая приохотить их к занятию земледелием, говорит им: «Дети мои, я умираю. Обыщите наш виноградник, в нём вы найдёте спрятанным, что я имел».

«Должно быть, там зарыт клад», — думают сыновья и после смерти отца перерыли весь виноградник. Клад они, правда, не нашли, зато хорошо вскопанная почва дала сбор винограда обильней прежнего.

Истинное сокровище для людей — умение трудиться.

2. Назовите басни, из которых взяты следующие выражения, ставшие пословицами и поговорками. Объясните их смысл. В каких случаях жизни ими пользуются? Запомните эти крылатые слова¹:

- 1) Слона-то я и не приметил.
- 2) Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?
- 3) Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку.
- 4) Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт.
- 5) А воз и ныне там.
- 6) А Васёк слушает да ест.
3. Подберите из знакомых вам басен выражения, по которым можно судить об отношении автора к своим героям.
4. Прочитайте в книге «В мире русской литературы» (V кл.) басни И. А. Крылова «Ларчик» и «Лжец». Какими словами выражена мораль в басне «Ларчик»? Определите, какой нравоучительный смысл скрыт в басне «Лжец».

¹ Крылатые слова — слова и выражения, взятые из литературных произведений и употребляющиеся как пословицы и поговорки.

**Александр
Сергеевич
ПУШКИН
(1799—1837)**

Пушкин — самый любимый писатель в нашей стране. Его имя сопровождает нас всю жизнь. Мы впервые слышим его в самом раннем детстве и, ещё не умея читать, повторяем наизусть со слов матери: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет».

Мир пушкинских сказок живет с нами и позже, в школьные годы:

Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит...

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...

Когда мы читаем в поэме «Руслан и Людмила» о подвигах богатыря Руслана, о его встрече с живой головой и о сражении с волшебником Черномором, о прекрасной княжне Людмиле и о трусливом, коварном Фарлафе, мы попадаем в увлекательный мир сказочных приключений. Когда же мы знакомимся с печальной судьбой семьи Дубровских, с историей молодого Дубровского, ставшего разбойником, чтобы отомстить за свои обиды и разорение, мы с волнением следим за событиями, разделяя чувства и переживания главного героя, именем которого названа повесть.

Пушкин не только изображает людей и события своего времени, но показывает и далекое прошлое...

...В «Песни о вещем Олеге» мы читаем о старине, о древних русских князьях... Описывает он и время царя Бориса Годунова и Петра Великого, восстание Пугачева, нашествие Наполеона...

Пушкин — один из самых умных людей на свете — и нас делает умнее. Читая его книги, мы начинаем много видеть в жизни, на что раньше не обращали внимания, и многое глубже понимать в окружающем мире. И самих себя мы начинаем лучше понимать со всеми нашими желаниями, чувствами. Читая Пушкина, мы становимся взрослее, сознательнее, серьезнее...

...Когда мы испытываем какое-нибудь сильное чувство: радости или, наоборот, горя, любви к людям или презрения и ненависти к врагам, страха или гордости, — нам нужно непременно как-нибудь выразить эти чувства: рассказать о них, или пожаловаться, или порадоваться. Нам хочется найти самые нужные... слова. И как трудно найти такие слова!

И вот здесь нам помогает поэзия, здесь нам помогает Пушкин. Он, так же, как и мы, радовался, страдал, любил и ненавидел, и об этих своих чувствах он рассказал такими верными, точными и такими прекрасными словами, что, читая их, мы испытываем радость; мы повторяем эти слова, как свои собственные, потому что они точнее, лучше и правдивее всего выражают то, что и мы чувствуем...

Чудесные стихи Пушкина открывают нам его благородную душу и сердце, его любовь к родной земле, гордость за русский народ, восхищение природой, привязанность к друзьям, к своей няне, познававшей его с сокровищами народной поэзии, народной речи.

Читая Пушкина, мы становимся лучше. Под влиянием его поэзии в нас пробуждаются светлые, добрые, благородные чувства.

Поэзия Пушкина — неисчерпаемый источник, который, как в сказке, поит живою водою всех, кто прикоснется к нему. Всем своим творчеством Пушкин служил родному народу, и народ платит ему ответной любовью.

Вопросы и задания.

1. Вспомните, что вы знаете о детстве А. С. Пушкина. Чем вы объясните постоянный интерес поэта к устному народному творчеству?
2. Назовите сказки, написанные Пушкиным. Какая из них вам больше всего нравится? Как вы разьясните смысл строчек: «Сказка — ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок»?
3. Какие стихи А. С. Пушкина вы любите с детства и знаете наизусть? Прочитайте их в классе своим товарищам.

*

Москва!.. как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок¹. Мрачно он
Недавною гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной² головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе³, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

(Из романа «Евгений Онегин»)

¹ Петровский замок, который сейчас находится в черте города, раньше был недалеко от въезда в Москву. В 1812 году, во время похода в Россию, Наполеон останавливался в нем.

² Повинная — здесь: покорная.

³ Отселе (устар.) — отсюда.

Вопрос и задание.

Какие чувства вызывает у поэта Москва? Постарайтесь передать их в своем чтении.

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный, —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!

Вечор², ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу

¹ Аврора — здесь: заря.

² Вечор — вчера вечером.

Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Вопросы и задание.

1. Какие картины возникают в вашем воображении при чтении стихотворения? Каким настроением они проникнуты?
2. Как пушкинские эпитеты помогают нам воспринять красоту нарисованных поэтом картин и глубину его чувств?
3. Выразительно прочитайте стихотворение, стараясь воспроизвести разнообразие его интонаций.

Няне

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

Вопросы и задание.

1. Какая картина возникает в воображении поэта, когда он вспоминает свою няню?
2. Выразительно прочитайте стихотворение, стараясь передать чувство любви поэта к няне.
3. Чем дорого нам стихотворение «Няне»?
4. Расскажите, какой эпизод из жизни А. С. Пушкина избрал для своей картины «А. С. Пушкин в селе Михайловском» художник Н. Н. Ге. Чем увлечены Пушкин и Пущин? Как художник изобразил отношение няни к беседе друзей с лицейских лет? (См. цветную вклейку.)

Об эпитете

Перечитаем пушкинские строки:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела...

Простые имена прилагательные получили в этих строках удивительную силу: они не только «раскрашивают» картину, которую рисует поэт, но и заставляют нас переживать то, что переживал Пушкин.

Мутное небо, луна, как бледное пятно, среди мрачных туч — какое тоскливое зрелище зимней вечерней непогоды! А рядом совсем другая картина: яркое, солнечное зимнее утро, которое радует и бодрит человека:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...

И в этой картине очень велика роль прилагательных-определений: они передают и цвет неба (голубые небеса), и восхищение поэта белоснежными коврами сугробов (великолепные ковры).

В поэтической речи имя прилагательное нередко становится художественным определением, то есть эпитетом.

Эпитеты (художественные определения) выделяют в предметах такие свойства, которые производят особенно сильное впечатление, действуют на воображение, чувство:

Вся комната янтарным блеском
Озарена...

Всякое ли прилагательное — эпитет?

Вот простая фраза:

«Неприветливый, угрюмый каменный дом стоит у дороги».

Все три первых ее слова с точки зрения грамматики — прилагательные. Но и «неприветливый», и «угрюмый» мы можем при этом считать еще и эпитетами. Этими словами автор выразил свое отношение к «дому». А будет ли слово «каменный» тоже эпитетом? Нет, конечно. Это слово является простым определением. Оно означает постоянное и неизменное свойство предмета. Каменный дом при всех обстоятельствах остается

каменным. Но только от автора зависит увидеть его «угрюмым» или «радостным», «неприветливым» или «гостеприимным».

То же прилагательное «каменный» может стать эпитетом, если мы скажем «каменное сердце», желая указать на его жестокость, или «каменное лицо», подчеркивая его неподвижность.

С помощью эпитета автор выражает все оттенки своего отношения к предмету изображения.

Итак, эпитет — это художественное определение, выделяющее в предмете или явлении те его качества, свойства или признаки, на которые писатель хочет обратить наше особое внимание.

Художественные определения, как вы уже знаете, широко употребляются и в устном народном творчестве, однако там они называются постоянными эпитетами: они как бы «прирастают» к определенным словам и постоянно с ними сочетаются (море синее, поле чистое, стрела каменная, добрый молодец, красная девица и т. д.).

Вопросы и задания.

1. Как помогают эпитеты сделать речь яркой и выразительной?
2. Найдите эпитеты, которыми поэт характеризует Наполеона («Москва!.. как много в этом звуке...»). Почему к слову «пламень» (в последней строке) дан эпитет «грозный»?
3. Какие эпитеты (в стихотворении «Зимнее утро») передают радость поэта и восхищение прекрасной зимней природой?
4. Найдите эпитеты в стихотворении «Няне». Какие чувства выразил с их помощью поэт?
5. Выпишите из данных ниже сочетаний слов те, где есть эпитеты: прозрачный тюль — прозрачный намек, железная воля — железный лом, горькое лекарство — горькие слезы, сладкий пирог — сладкий сон.

Песнь о вещем¹ Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам²,
Их села и нивы за буйный набег

¹ Вещий — мудрый.

² Хазары, хозары — народ, живший в VIII—XI веках в низовьях Волги и на Северном Кавказе.

Обрѣк он мечам и пожарам¹.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник²,
Покорный Перуну³ старик одному,
Забетов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий⁴ на светлом челе⁵».

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда⁶;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ¹, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча² ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег умехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;

¹ Обрѣк он мечам и пожарам — решил разрушить и сжечь.

² Кудесник — волхв, волшебник, колдун, предсказатель, прорицатель.

³ Перун — главное божество у древних славян, бог грома и молнии.

⁴ Жребий — здесь: будущее, судьба.

⁵ Челó (устар.) — лоб.

⁶ По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Цареграда в знак победы. Царьградом (Цареградом) называли на Руси Константинополь — столицу Византии.

¹ Пращ, или пращá — сложенный петлею ремень или веревка для метания камней.

² Сеча — здесь: бой, битва.

И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други¹, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый²?
Здоров ли? Все так же лёгк его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доньше носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,

¹ *Отроки-други* — здесь: слуги князя.

² *Ретивый* — здесь: быстрый, бойкий.

И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалеко,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Вопросы и задания.

1. Какие картины можно нарисовать к стихотворению? Что бы вы на них изобразили? Придумайте названия к ним.
2. Какую судьбу предсказывает кудесник Олегу? Как звучит его обращение к князю? Прочитайте выразительно предсказание кудесника, передавая торжественность и величавость его речи.
3. Что переживает Олег, услышав предсказание? Подтвердите свой ответ словами текста.
4. Как относится князь-воин к своему коню? Прочитайте выразительно прощальное обращение Олега к коню, передавая в чтении чувства князя.
5. Найдите в стихотворении слова и выражения, характеризующие князя Олега. А как характеризует кудесника его ответ князю?

6. Обычно большие стихотворения состоят из строф. Что такое стихотворная строфа? — Строфа представляет собой группу стихотворных строк (их может быть и четыре, и шесть, и восемь и т. д.), которые объединены между собой одной законченной мыслью и определенным сочетанием рифм. Подготовьте для чтения вслух две-три строфы, продумайте, какая мысль выражена в каждой из них и какие строки рифмуются между собой.
7. Расскажите, какими изображены на иллюстрации художника В. Васнецова князь Олег и кудесник. Какие строки стихотворения передают содержание рисунка?

О летописном источнике «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина

Многие поэты и писатели обращались к прошлому и находили в нем немало увлекательных преданий и легенд, на основе которых создавали свои произведения. Особенно интересный материал давали древнерусские летописи.

Одна из летописных легенд — о смерти киевского князя Олега, жившего во второй половине IX — начале X века, привлекла внимание и Пушкина. Вот как рассказывается о смерти Олега в летописи:

«Олег княжил в Киеве и жил в мире со всеми странами. Наступила осень, и вспомнил Олег про своего коня, которого он поставил кормить и не садился на него. Потому что он перед тем спрашивал волхвов, кудесников: «От чего мне суждено умереть?» И один из кудесников сказал ему: «Князь! Тебе умереть от того коня, которого ты любишь и на котором ездешь». Олегу это запало в ум, и он сказал: «Никогда больше не сяду на этого коня и даже не буду на него смотреть». И велел он кормить его и не приводить к себе. И прошло уже несколько лет, как он не видал его, вплоть до похода на греков. И вернувшись в Киев, он прожил еще четыре года, на пятый год вспомнил про своего коня, от которого волхвы предсказывали ему смерть. И призвал Олег своего старшего конюха и сказал ему: «Где мой конь, которого я велел кормить и беречь?» Конюх сказал: «Он умер». Олег же посмеялся и попрекнул кудесника, говоря: «Неправду говорят волхвы, все это ложь: конь умер, а я жив». И велел оседлать себе коня: «Посмотрю на его кости». И приехал он на место, где лежали голые кости коня и его голый череп, и слез Олег

с коня и посмеялся такими словами: «Не от этого ли черепа мне умереть?» и наступил ногою на череп; и выползла оттуда змея и ужалила ему ногу, он от этого разболелся и умер. И все плакали о нем великим плачем, и понесли его, погребли на горе, которая называется Щековица. Эта могила цела до сих пор: она слывет Олеговой могилой. Всего он княжил 33 года».

Задания.

- Прочитайте отрывок из летописи и сравните его с «Песнью о вещем Олеге» Пушкина.
Пользуйтесь в работе следующими вопросами:
 - В какой последовательности разворачиваются события в летописном повествовании и у Пушкина?
 - В чем сходство и различие между летописным рассказом и стихотворением Пушкина в описаниях встречи с кудесником, предсказания Олегу, гибели Олега? Обратите внимание на картинность и выразительность деталей в художественных описаниях Пушкина и краткость изложения в летописи.
 - В «Песни о вещем Олеге» Пушкин старался сохранить дух старины и как бы подражал летописцу, толкуя события. О каких обычаях и верованиях наших предков рассказал поэт в этом произведении?
- Сделайте вывод на основании проделанной работы: чем отличается художественное описание событий в стихотворении Пушкина от летописного?

Дубровский

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГЛАВА I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобиюстрастия¹ как

¹ Подобострастие — лстивость, угодливость.

надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почетом в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от ожорства и каждый вечер бывал навеселе... С крестьянами и дворянами обходился он строго и своенравно, но они тщеславились¹ богатством и славой своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространственных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом избираемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик² гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный³ в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной⁴ своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф⁵, приехал в свое поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, за-

езжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовались отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели...

Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; да-ром, что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай все расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле¹. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным² быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пяти-сот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своем собачьем языке. Тут же

¹ Тщеславились — хвалились, кичились.

² Поручик — один из низших офицерских чинов.

³ Надменный — высокомерный, подчеркивающий свое превосходство перед другими, презрительно к ним относящийся.

⁴ Остальная деревня — последняя оставшаяся деревня.

⁵ Генерал-аншеф — высший генеральский чин.

¹ Отъездное поле — отдаленное от поместья поле, куда выезжали на охоту.

² Стремянный — крепостной слуга. Ухаживал за лошадью барина, во время охоты был неотлучно около своего господина.

находился и лазарет для больных собак под присмотром штаб-лекаря¹ Тимошки, и отделение, где благородные суки щенялись и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он рассказывал по псарне, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался перед некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения.

«Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная — вряд людям вашим житье такое же, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее».

Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа², а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псара могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова.

В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, во-

ротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что дескать Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псара Парамошку с повинною; а будет моя воля наказывать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорный ко услугам.

Андрей Дубровский»...

«Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, — наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, چگونه иди на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили¹. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничижило и последнюю надежду на примирение.

¹ Протравили — здесь: не поймали, упустили. Травить зверя — охотиться на него с собакой.

¹ Штаб-лекарь — здесь: главный лекарь.

² Холоп — крепостной слуга.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприязельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит, прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владения.

Зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку (так называлась деревня его соседа), разорить ее дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковы подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели¹ вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя² Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отвечивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-либо документы или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поинчи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую¹, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! Что ж вам лучше? — в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения сельцом Кистеневкою.

¹ Фризловая шинель — шинель из грубого сукна с длинным ворсом.

² Заседатель — здесь: служащий суда, помощник судьи.

¹ Купчая — документ на приобретенное, купленное имущество.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в котором объявлял он, что селцо Кистеневка досталась ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание¹ на сию его собственность есть ябеда² и мошенничество. Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени³, но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему

в голову. С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затеянного дела, Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страдая и подкупая судей и толкуя кривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к** земскому судье¹ для выслушивания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

ГЛАВА II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие² уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресло из уважения к его чину, летам и породности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда...

«...Суд и полагает: означенное имение,** душ, с землею и угодьями... утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова...»

Какое решение подписали все присутствующие того суда.

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольст-

¹ *Земский судья* — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

² *Присутствие* — здесь: помещение, где находился уездный суд.

¹ *Притязание* — здесь: попытка присвоить.

² *Ябеда* — здесь: судебная клевета, наговор.

³ *Чернильное племя* — презрительное название чиновников.

вие, если паче чаяния¹ чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции² куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь божию! прочь, хамово племя!» — Потом, обращаясь к Кирилу Петровичу: «Слышано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в божию церковь! Собаки бегают по церкви. Я вас ужó проучу...» Сторожа сбежалась на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи³. К вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского все еще было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме нее, не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увиде-

ла необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находившегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе¹ и выпущен был корнетом² в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и курия из его янтарей³, Гриша, его камердинер⁴, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решила тебе доложить о здоровье папенькином! Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под началь Кирилу Петровичу Троекурову, потому что ты — дескать ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. — Остаюсь твоя верная раба, нянька
Орина Егоровна Бузырева.

Посылаю мое материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот ужó другая неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

¹ Кадетский корпус — закрытое военное училище для детей дворян.

² Корнет — младший офицерский чин в кавалерии.

³ Курия из янтарей — курия из дорогих трубок с янтарными мундштуками.

⁴ Камердинер — комнатный слуга.

¹ Паче чаяния — вопреки ожиданию.

² Апелляция — обжалование судебного приговора.

³ Шпанские мухи — пластырь из высушенного и измельченного жучка, известного под названием *шпанская муха*.

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал эти довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически¹ был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нем осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель² осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистеневки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей.

Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтра-

ка и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а, ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибешь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник¹ у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымает он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужó приберет вас к рукам Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы божьи да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашешь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерет. Нет, дай бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж бог его приберет, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнулся кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием:

«Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зе-

¹ Романтически — здесь: необыкновенно сильно и нежно.

² Смотритель — здесь: начальник почтовой станции.

¹ Исправник — начальник местной полиции.

ленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер¹ огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями...

Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилося. Перед собой видел он Кистеневку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изб² и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он продрасться сквозь их усердную толпу и вбежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника.

«Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего.

Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддерживал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он сился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом...

¹ Бельведёр — башенка над крышей дома.

² Изб (устар.) — род. пад. мн. ч. от слова изба — изб.

ГЛАВА IV

Где стол был аста¹, там гроб стоит.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного². Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное, из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклоном и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретенным имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища, к чему привязаться, чтоб его выбранить, но не нашел достаточного к тому предлога, сказал ему сердито:

— Пошел вон, не до тебя.

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки³, оделся потеплее (эта было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора. Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец востор-

¹ Аста (устар.) — кушанья.

² Поверенный — человек, которому доверено вести судебное дело.

³ Беговые дрожки — легковая двухместная открытая тележка с низкой спинкой.

жестовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустил рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальне у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошел! Слуга радостно побежал исполнять приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». — Егоровна вышла.

В передней никого не было. Все люди сбежались во двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцы и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его, сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир, правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уже и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взывала,

слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

ГЛАВА V

Похороны совершились на третий день...

Гроб понесли рощю. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидели кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери; там подле могилы ее накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса¹, он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился, Владимир первый пошел прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слезы кулаком. Владимир и те же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в нее по горсти песка, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистеневскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет² церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. Приезд Троекурова и прием, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные оному последствия...

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостью стараясь заглушить душевную скорбь. Он шел не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапа-

¹ Клірос — место в церкви, где стоят певчие.

² Причет (причт) — служители церкви.

ли его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнаженных осенью. Владимир остановился, сел на холмистый дерн, и мысли одна другой мрачнее стеснились в душе его... Сильно чувствовал он свое одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достоинство могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представляющего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома... Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услыхал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чем-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик, задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными¹ переговорю». — «Переговори, батюшка! — кричали ему из толпы, — да усовести окаянных».

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес хриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то,

что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайтесь его во всем, что ни прикажет...» Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным холоднокровием у веселого исправника. «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирила Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» — «А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперед.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил? но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!» — И вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собой дверь.

«Ребята, вьзате!» — закричал тот же голос, и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошелся, двор опустел. Члены сидели в сенях. Наконец Шабаш-

¹ Приказный — здесь: мелкий служащий канцелярии.

кин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего позволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и

ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет мы отправимся восвояси».

— Делайте что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

ГЛАВА VI

«Итак, все кончено, — сказал он сам себе, — еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченную на перила, в белом утреннем платье с алой розой в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предмет насмешек и замечаний его псарей, а в ее спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик... Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих¹ доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец все утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частью состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время Турецкого похода и были адресованы в армию из Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала² на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъясляла ему свое беспокойство насчет здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл все

¹ Подъячий — делопроизводитель и писарь в канцелярии.

² Сетовала — жаловалась, горевала.

на свете, погружаясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю. Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением.

— Я хотел... я пришел... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выспись.

— Я пьян! Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» — спросил Дубровский. «Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья». — «Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно». — «Шабаш», — промолвил Архип. «Спасибо, кормилец», — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...»

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светелке, — отвечал Гриша.

— Поди, приведи ее сюда да выведи из дому всех наших людей, чтобы ни одной души в нем не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушел и через минуту явился с своей матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подьячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню! Архип открыл фонарь, Дубровский зажег лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорее отпори их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отпори!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрем, не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришей в телегу и назначил им место свидания Кистеневскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла затрещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздавался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». — «Как не так», — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли. Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь все ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки поминутно смеялись, смотря на ее отчаяние. «Чему смеетесь, беснята? — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущенной дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушел; пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистеневки.

ГЛАВА VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником всего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий¹ и пи-

сарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип, пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный виновник пожара.

На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору¹ подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, развезжали днем по всей губернии, оставивали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса; имя Дубровского было у всех на устах, все были уверены, что он, а не кто другой предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместия Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведенной в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчет губернаторов, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1 октября — день храмового праздника² в Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию

¹ Стряпчий — ходатай по судебным делам.

¹ Губернатор — начальник губернии.

² Храмовый праздник — церковный праздник.

сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомиться читателя с лицами, для него новыми или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

ГЛАВА VIII

...Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты¹ и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернером². Кирила Петрович все это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместимым с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение. Француз ей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своем переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель³, где назначена была ему комната.

¹ Аттестаты — здесь: документы.

² Гувернёр — воспитатель, а иногда и учитель (обычно иностранец), которого нанимали богатые люди для своих детей.

³ Флигель — боковая пристройка при главном здании или домик во дворе большого здания.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведенного на m-r¹ Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не устаивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нем совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, сставляя их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травмы. Изредка их выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал ее, потом тихонько до нее дотрагивался, колот себе лапы, осердясь толкал ее сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с ревом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в нее гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткой почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил

¹ M-r (франц.) — мосье (господин).

о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с собой темными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Всё сбежалось, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвел еще большее впечатление на Марию Кириловну. Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию¹, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее...

ТОМ ВТОРОЙ

ГЛАВА IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные оставались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвертые у зажиточных кре-

стьян. Конюшни были полны дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами.

В девять часов утра заблаговестили к обедне, и все потянулось к новой каменной церкви, построенной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почетных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти¹ и в ограде.

Обедня не начиналась — ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернею и торжественно пошел на свое место, сопровождаемый Мариею Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на нее; первые удивлялись ее красоте, вторые со вниманием осмотрели ее наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на клиросе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево...

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошел ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним.

...Слуги суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «кушание поставлено», — и Кирила Петрович первый пошел садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам... Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей. Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу² и вполне наслаждался счастьем хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряженная шестью лошадьми. «Это кто?» — спросил хозяин. «Антон Пафнutyч», — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнutyч Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти, с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, свалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться...

«Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович. — Милости

¹ Паперть — крыльцо и площадка перед входом в церковь.

² Трапеза — здесь: праздничный обед.

¹ То есть дворянам.

просим, Антон Пафнютыч, садись, да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже, ты и богомолен, и покушать любишь». — «Винovat, — отвечал Антон Пафнютыч, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти верст, как вдруг шина у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до нее дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-как уладили, прошло ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путем через Кистеневский лес я не осмелился, а пустился в объезд...»

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадешься ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? А за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, т. е. по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистеневкою без всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе бог миловал. Всего-навсего разграбили у меня один анбар, да того и гляди, до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я чай, красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнютыч. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкой Антон Пафнютыч, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнютыч стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз

к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку все-таки нет. Да правда, зачем и ловить его. Разбой Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Сушая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирила Петрович, — а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и веселый нрав. Все с любопытством приготвоились услышать ее рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хотя бы и хотела; однако сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь, как могу, своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь верст, авось бог пронесет. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш — я так и ахнула. «Что такое? что с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня; да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь, и телегу». Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшей? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему свое благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мной увидаться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульнева¹, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем бог послал, разговорились о том, о сем, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему свое горе. Генерал мой нахмурился. «Это странно, — сказал он, — я слышал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться. «Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай: где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после потребовал он письмо и деньги». — «Ну?» — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он? Ну — а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?..» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с богом — отдай это на почту». — «Ну, ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучерá привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увез с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку...

¹ Кульнев Я. П. — русский генерал, знаменит своими победами в русско-шведской войне 1808—1809 годов.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский? — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать?

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребенком; не знаю, почернели ль у него волосы, а тогда он был кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следственно, ему не тридцать пять лет, а около 23-х.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду 23-й год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы, авось в глаза попадется, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев.

«Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам¹ бывших его дворовых людей.

От роду 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем бог тебя свел. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой...

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушел ни один человек из всей шайки. Он бы

¹ По сказкам — здесь: по словам.

всех до единого переловил — да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступить в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они очистят воровскую рошу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит — от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович, — сказал Антон Пафнutyч, вспомня при сих словах о своем косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович, — умер славною смертью от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа, — выменяй образ моего француза. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнutyч, почесываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу, жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением поглядывали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шел о его храбрости, спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания своему воспитаннику...

ГЛАВА X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселенный пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загрела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостью молодежи. Старушки играли в карты. Кавалеры, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбира-

ли его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужин, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирила Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять места подле дам. Девушки смеялись и перешептывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнutyч сидел пасмурен и молчалив на своем месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнutyч, призывая господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость ко всем и вечную боязнь. Будучи принужден остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединенной комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надежного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнutyч не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнutyч стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что изволите видеть...

— *Que désire, monsieur?*¹ — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эк беда, ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве муа, ше ву куше², понимаешь ли?

¹ Что угодно, сударь?

² Я хочу у вас спать.

— Monsieur, très volontiers, — отвечал Дефорж, — veuillez donner des ordres en conséquence¹.

Антон Пафнutyч, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошел тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собой, и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнutyч пошел с учителем во флигель. Ночь была темная. Дефорж освещал дорогу фонарем. Антон Пафнutyч шел за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаенную суму, дабы удостовериться, что деньги его при нем. Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнutyч похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сем неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкою, окна не имели еще двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнutyч принужден был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?² — закричал Антон Пафнutyч, спрягая с грехом пополам русский глагол *тушу* на французский лад. — Я не могу дормир в потемках³. — Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закуты-ваясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле⁴. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

«Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнutyч, — а мне так сон в ум нейдет. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, бестию, и пушками не добудишься».

— Мусье, а мусье! дьявол тебя побери.

Антон Пафнutyч замолчал, усталость и винные пары малопомалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал

сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки. Антон Пафнutyч открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа; француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстегивал заветную суму. Антон Пафнutyч обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се?¹ — произнес он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я Дубровский.

ГЛАВА XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы еще рассказать.

На станции** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца² или иностранца, т. е. человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и пошвыстывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эх пошвыстывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свистит.

— Что за беда? — возразила сердитая супруга. — А разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? что свист деньгу выживает. И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег все нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к черту.

— Подождет, Пахомовна: на конюшне всего три тройки, четвертая отдыхает. Того и гляди, подоспеют хорошие проез-

¹ Что это значит, сударь, что это значит?

² Разночинец — здесь: человек небогатый и недворянского происхождения.

¹ Сделайте одолжение, сударь, извольте соответственно распорядиться.

² Почему вы тушите, почему вы тушите?

³ Я не могу спать в потемках.

⁴ Я хочу с вами говорить.

жие, не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Э-ге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинели и в белой фуражке вошел к смотрителю; вслед за ним слуга внес шкатулку и поставил ее на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — ответил смотритель. — Пожалуйста подорожную¹.

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаешь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперед по комнате, зашел за перегородку и спросил тихо у смотрительши: кто такой проезжий.

— Бог его ведает, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уж пять часов как дожидается лошадей да свистит. Надоед, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближайший город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но г-н смотритель, кажется, судил иначе. В этой земле трудно достать лошадей, г-н офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.

— К г-ну Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? Кто такой этот Троекуров?

— *Ma foi, mon officier*²... я слышал о нем мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителем (*avec les outchitels*) он не церемонится и уже двух засек до смерти.

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

— Что ж делать, г-н офицер. Он предлагает мне хорошее

жалование, 3000 р. в год, и все готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалования буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда *bonsoir*³, еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты⁴.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель. — Меня он выписал из Москвы чрез одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондиторы⁵, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее... Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал офицер, — что если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж.

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — ответил офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски. — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций⁶.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением, — вот мои бумаги, но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до этого. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, все еще не веря своим ушам, протянул бумаги свои молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш паспорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте.

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

¹ Подорбжня — документ, дававший право на получение почтовых лошадей.

² Право, господин офицер.

³ До свидания.

⁴ Пускаюсь в коммерческие обороты — начинаю заниматься торговлей.

⁵ Кондитор (устар.) — кондитер.

⁶ Ассигнации — бумажные деньги.

— Я было забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что все это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное мое слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровье.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поскакал.

— Смотритель смотрел в окошко и, когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием: «Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский».

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно: Дубровский был уже далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, все казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане и красноречиво твердили ему о сущности удивительного происшествия.

Он решил нанять лошадей до города. Ямщик повез его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошел пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку...

Дубровский, овладев бумагами французa, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саша, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следил за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя, Кирила Петрович — за его смелое проворство на охо-

те, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом одного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного праздника, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Всё это время Дубровский не отлучался от Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло статься и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего он мог почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решил ее завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиную, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казалось так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел как ни в чем не бывало. Через несколько минут слуга вошел и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и несмотря на увещания хозяина вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и все вошло в обыкновенный порядок.

ГЛАВА XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, про-

¹ Повесничать — бездельничать.

гулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась с невольной досадой, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал ее гордость и боязливые сомнения...

Однажды, пришед в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкой записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее.

«Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство ее было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чем она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку. Она решила идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон¹ с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал ей он тихим и печальным го-

лосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленной фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец... — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Все кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пересечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце мое смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья, их воспоминание будет отрадой печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался легкий свист, и Дубровский умолк. Он схва-

¹ Бостон — карточная игра.

тил ее руку и приложил к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. Он отошел, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял ее руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбежались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирила Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтобы отсутствие ее не было замечено. В зале встретил ее Кирила Петрович, гости окружили исправника, нашего знакомого, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооруженный с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и светлым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты m-г Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застрашал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Вранье, — решил Кирила Петрович, — сейчас я все выведу на чистую воду. Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги. — Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это еще ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться. Марья Кириловна была ни жива, ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постель и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели ее, насилу-насилу успели ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, ее уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперед по залу, громко насвистывая «Гром победы раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупрежден. Но кем и как? это оставалось тайною.

Было одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету ж тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Добровский. Отправляйся-ка восвояси да вперед будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирилы Петровича.

В 30-ти верстах от него находилось богатое поместье князя Вере́йского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду еще не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своем приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около 50-ти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирилы Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повел на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады¹ и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришел доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своем посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волонтер был поражен ее красотой. Троекуров посадил гостя подле нее. Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирилы Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой²; он предпочел прогулку в

¹ Английские сады — сады с озерами, прудами, искусственными развалинами и скалами.

² Подъгра — болезнь суставов.

линейке¹, с тем чтоб не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроем и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала ластивые и веселые приветствия светского человека, как вдруг Вере́йский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирилы Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нем погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Вере́йский, — как, этому славному разбойнику?..

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо²? жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, прошлого году он, кажется, что-то сжег или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним: он целые три недели учил ее музыке, да слава богу не взял ничего за уроки. — Тут Кирилы Петрович начал рассказывать повесть о своем французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках.

Вере́йский выслушал с глубоким вниманием, нашел все

¹ Линейка — открытая многоместная коляска.

² Ринальдо — благородный разбойник, герой популярного в то время итальянского романа «Ринальдо Ринальдони».

это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды¹ и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому...

После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холодея. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал ее и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождем, звездами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, как дитя. Князь Верейский радовался ее восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*² князя как знаки уважения и желанья ему угодить.

Ужин в своем достоинстве ничего не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведенные, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

¹ Звезды — орден, которым награждались самые высокопоставленные сановники.

² Все расходы.

ГЛАВА XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком... Под ее иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то ее мысли не следовали за работой, они были далеко.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошел и позвал ее к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством, для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал ее руку, вдруг слезы побежали по ее бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слезы и воротись к нам веселешенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал ее как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него.

В самом деле, оно было написано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 часов на прежнем месте».

ГЛАВА XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробежал по всему саду.

Как легкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я все знаю, — сказал он тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне свое покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Еще есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда они идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчета; что, если возьмет он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явьтесь за мною, я буду вашей женой.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он оста-

нется неумолим, то... то вы найдете ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам ни одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Если ж не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задохнулся, Маша плакала...

Время летело.

«Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал ее руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для общества. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объяснение. Между тем обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решила действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от ее руки и самому защитить ее от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочел его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почел нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и в виду, что он уведомлен о ее письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решил не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашел сие весьма благоразумным, пошел к своей невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что

он надеется со временем заслужить ее привязанность, что мысль ее лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал ее руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец ее вошел и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Вереяского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда все решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаете человеку нелюбимому? разве я вам надоела? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, еще грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька; не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл свое смущение и, оттолкнув ее, сказал сурово:

— Все это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша, — боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня стращать защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник!

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на нее с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой

комнате, ты из нее не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка, воображая все, что ожидало ее, но бурное объяснение облегчило ее душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для нее: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для нее раем в сравнении со жребием¹, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и еще раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдет она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась, но дверь ее заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал ее выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорбленная, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на темное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон ее был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас ее положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы ее отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать ее из ее комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ее слова ожесточили молодую затворницу, голова ее кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всем Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба, в это время камушек ударился в окно ее, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела

¹ Жребий — здесь: судьба.

маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовешь?

— Я пришел, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе какое дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — закричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски!

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во все горло: «Воры, воры, сюда, сюда...»

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по-видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увертливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетиные волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведем его на расправу к приказчику.

Садовник повел пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал все происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всем или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька...

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую березовую розгу...

— Пойдите, папенька, я все вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, и я спрятал его в дупло и... и... этот рыжий мальчишка хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбежать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбежал и положил, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «Чей ты?»

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаешь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моем саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход, и малина разве растет у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всем признаешься, так я тебя не высеку,

дам еще пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурака.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего домашкуру спущу. !

Степан отвел мальчика на голубятню, запер его там и поставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы». — Может быть, я наконец, нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошел в комнату весь запыленный.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлен, увидев тринадцатилетнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая однако ж о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повел его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетью и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его! — Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник.

Мальчик подошел к Кирилу Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперед не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистеневку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избышки, первой с края, и постучался в окошко — окошко поднялось, и старуха показалаась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где же ты пропадал, бесенок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради бога хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбежать еще в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба!

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на, вот тебе ломтик, — и сунула в окошко ломоть черного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и жуя мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистеневскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянувшись во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывистым и стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

ГЛАВА XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки сутились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом дама, окруженная служанками, убирала блед-

ную, неподвижную Марью Кириловну, голова ее томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С богом, — отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос ее замирал. Кирила Петрович спешил ее благословить, ее подняли и почти понесли в карету. С нею села посаженная мать² и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражен ее бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря³ и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видела, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор ее быстро их обожал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в

¹ Образ — здесь: икона.

² Посаженная мать — женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

³ Алтарь — небольшое возвышение с приступками в глубине церкви, отделенное перегородкой.

Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женою князь нимало не был смущен ее холодным видом. Он не стал докучать ей притворными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит, — закричал князь, — кто ты такой?..» — «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского!

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обедало, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть, по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбовался заплатой, приколол к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во все горло меланхолическую старую песню¹:

¹ Меланхолическая песня — грустная, печальная песня.

Не шуми ты, мати зеленая дубравушка,
Не мешай мне, молодцу, думу думать.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, появилась у порога. «Полно тебе, Степка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости». — «Виноват, Егоровна, — отвечал Степка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка, почивает да выздоравливает». Старушка ушла, а Степка стал рассказывать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет¹ и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Степка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка Владимир Андреевич, — закричал он, — наши знак подают, нас ищут». — Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. — «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определенное место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам, Дубровский пошел к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запретить ворота и сам пошел освидетельствовать пушечку. По лесу раздались несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам.

«Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова все утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтора-два солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выст-

рел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали и сбегали в ров, разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался — солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки

¹ Туалет — здесь: столик с зеркалом.

и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минутой недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велел отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мертвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ними не было. Несколько дней после сражения он собрав всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид¹, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

Вопросы и задания.

1. О каком времени говорится в повести? Назовите героев повести и расскажите о существующих между ними взаимоотношениях. Вспомните, где происходят события, и прочитайте вслух описания трех имений: Кистеневки, Покровского, Арбатова (гл. 1, 3, 13). Как эти описания помогают понять имущественное положение их владельцев?

¹ Вид — в данном случае — паспорт, «вид на жительство».

2. Какие отношения сложились у Троекурова с окрестными помещиками и чиновниками? Чем это объяснить? Каких людей подбирал Троекуров для исполнения своих намерений и прихотей?

- а) Расскажите о дружбе и ссоре Троекурова с Андреем Гавриловичем Дубровским.
б) Перечитайте эпизод «Шабашкин у Троекурова» (гл. 1) по ролям (Троекуров, Шабашкин, автор).
в) Рассмотрите иллюстрацию на с. 60. Как передал художник в рисунке взаимоотношения действующих лиц (обратите внимание на их позы, жесты, выражение лиц)?
г) Перечитайте сцену суда (гл. 2). Проследите по тексту за поведением судей. О чем оно свидетельствует?

3. Расскажите о Владимире Дубровском:

- а) Как жил Владимир Дубровский в Петербурге?
б) Чем встретил его родной дом?
в) Если бы вы рисовали иллюстрации к эпизодам «Владимир Дубровский в Кистеневской роще» и «Последняя ночь в родном доме», как бы вы изобразили Владимира? Какое настроение героя стремились бы передать в рисунках? Готовя ответ, воспользуйтесь авторскими описаниями.
г) Какой путь в жизни мог избрать Владимир Дубровский после смерти отца и потери имения? Какое решение он принял? Чем оно было продиктовано?

4. Как относились крепостные крестьяне к Троекурову и Дубровским?

- а) Рассмотрите иллюстрацию на с. 72. Как на ней изображено столкновение Дубровского и его крестьян с приказными и Шабашкиным (группировка фигур, позы, жесты, выражение лиц)?
б) Оцените поведение дворовых и Архипа-кузнеца до, во время и после пожара (эпизод «Пожар в Кистеневке»).
в) Что побудило крестьян Дубровского присоединиться к нему?
г) Сравните действия «разбойников» с поведением и поступками «защитников закона». К какому выводу вы приходите?

5. Что заставило Дубровского проникнуть в дом Троекурова под чужим именем?

- а) Как завоевал молодой «француз» расположение Кирилы Петровича?

- б) Чем доказал Дубровский глубину своих чувств к Маше?
- в) Какие чувства испытывала Марья Кириловна к Дубровскому и почему она в конце концов отказалась от его помощи?

6. Расскажите о лесной «крепости», ее обитателях; какие взаимоотношения сложились между ними?

Если в последнем бою с солдатами победу одержали разбойники, то почему же Дубровскому пришлось покинуть родные места, а его сторонникам скрыться?

7. Подготовьтесь к уроку выразительного чтения по ролям. Разделитесь на пять групп для инсценирования следующих эпизодов: «На псарне», «Самодур и угодник» (угovor Троекурова с Шабашкиным), «Приказные в Кистеневке», «На почтовой станции», «Стычка Саши с Митькой».

8. Расскажите о Кириле Петровиче Троекурове, его характере и поступках. Готовясь к ответу, опирайтесь на план:

а) Назовите те особенности характера Троекурова, которые Пушкин выделяет как основные.

б) Расскажите о поступках Троекурова, которые обнаруживают его самодурство и жестокость.

в) Охарактеризуйте взаимоотношения Троекурова с окружающими его людьми.

г) За что Троекуров подверг гонениям и преследованиям и старого и молодого Дубровских?

д) Какие обстоятельства делали Троекурова полновластным хозяином губернии, а его поведение безнаказанным?

9. Составьте рассказ на тему: «Жизнь и судьба семьи Дубровских».

**Михаил
Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ
(1814—1841)**

М. Ю. Лермонтов родился в Москве, в семье отставного капитана Ю. Лермонтова. Невеселым было детство мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и голос матери, которая умерла, когда ребенку не исполнилось и трех лет. Детство будущего поэта прошло среди холмистых полей и березовых рощ — в пензенском имении его бабушки. Отца он видел редко — бабушка не любила зятя. Так Лермонтов и рос: круглым сиротой при живом отце и баловнем бабушки, не чаявшей души во внуке. Он любил русские сказки, народные песни, заслушивался рассказами о Пугачеве, о недавней героической борьбе с Наполеоном. Глубоко взволновали юного Лермонтова вести из Петербурга о декабрьском восстании на Сенатской площади, об отважных людях, осмелившихся протестовать против крепостного права и царской власти.

Получив отличное домашнее образование, М. Ю. Лермонтов поступил в Московский университетский пансион, а затем и в университет. В это время он уже много писал, но о его увлечении поэзией знали лишь близкие друзья.

Поэт полюбил Москву: каждый памятник старины в этом городе говорил ему о славном прошлом русского народа.

В своих стихах он не раз изображал события 1812 года, гордясь величием подвига русского народа. Первым стихотворением Лермонтова, появившимся в печати, было «Бородино» — оно было напечатано в связи с 25-летием Бородинской битвы. Лермонтов в это время жил уже в Петербурге и готовился стать офицером лейб-гвардейского гусарского полка. Известие о гибели А. С. Пушкина потрясло его. На непоправимую потерю он отозвался стихотворением «Смерть поэта», которое вызвало гнев царя и его приближенных. Лермонтов был сослан на Кавказ — сначала на год, а затем, спустя некоторое время, ссылка повторилась.

С Кавказа поэт уже не вернулся: он был убит на дуэли 27 июля 1841 года...

Природа одарила Лермонтова многими талантами. Он обладал редкой музыкальностью, был прекрасным художником, легко решал сложные математические задачи и слыл сильным шахматистом. Он был великолепно образован, начитан, владел несколькими иностранными языками. Все давалось ему легко. И все же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом: он мечтал вступить в литературу со стихами, достойными занять место рядом с пушкинскими. И этого он достиг, хотя прожил всего двадцать шесть лет.

Лермонтова угнетало бесцельное и праздное существование окружавшего его дворянского общества, к которому он принадлежал по рождению. Он стремился к жизни, полной борьбы и тревог. Неугасимой любовью к родному народу, призывом к свободе, к свершению героических подвигов во имя народа и Родины проникнуты многие стихи Лермонтова.

Вопросы и задания.

1. Что вы можете рассказать о круге интересов М. Ю. Лермонтова?
2. Вспомните, в каком стихотворении М. Ю. Лермонтов рисует картины героического сражения русского народа с наполеоновскими полчищами. Какие строки запечатлелись в вашей памяти?

3. Прочитайте в книге для внеклассного чтения «В мире русской литературы» (5 кл.) произведение М. Ю. Лермонтова «Панорама Москвы». Как выразил в нем поэт свою любовь к древней столице России — Москве? Какие чувства поэта раскрываются нам при чтении стихотворения «Пленный рыцарь»? Прочитайте это стихотворение выразительно. Какое впечатление произвело оно на вас?

Парус

Белеет парус одинокой¹
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный², просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Вопросы и задания.

1. В стихотворении парус назван «одиноким» и «мятежным». Что хотел поэт выразить этими эпитетами? Раскройте их смысл и значение. О каких стремлениях и переживаниях автора говорит нам стихотворение? Прочитайте его выразительно.

¹ В словах «одинокой» и «скрипит» (вместо «одинокий» и «скрипит») сохранено старинное написание.

² *Мятежный* — здесь: мятущийся, беспокойный.

Два великана

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.

Но улыбкой роковою¹
Русский витязь отвечал;
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Вопросы.

1. Стихотворение «Два великана» посвящено Лермонтовым Отечественной войне 1812 года. В нем говорится о военных событиях того времени, поражении Наполеона и его ссылке на остров Святой Елены. Какие строки стихотворения передают силу и мощь «русского витязя»? Как характеризуется пришелец «из далеких чуждых стран»?
2. Какие еще произведения о войне 1812 года вы знаете?
3. Какой эпизод войны 1812 года изобразил художник И. М. Прянишников? Что он хотел выразить своей картиной «В 1812 году»? (См. цветную вклейку.)

¹ Роковой — здесь: предвещающий неизбежную гибель врага.

Николай
Алексеевич
НЕКРАСОВ
(1821—1878)

Великий русский поэт Н. А. Некрасов родился на Украине, но детство провел в имении отца под Ярославлем. Вы уже знаете, что отец Некрасова был суровым и грубым человеком, жестоким помещиком, который тиранил не только крепостных, но и свою семью. Особенные страдания выпали на долю матери поэта, которой он впоследствии посвятил много прекрасных стихотворений и память о которой свято хранил всю жизнь.

...Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей...

Учился Н. А. Некрасов в Ярославской гимназии, но из пятого класса отец, не желая расходовать средства на содержание и учение сына, взял его обратно в деревню. Через два года отец отправил Н. А. Некрасова в Петербург для определения в военное учебное заведение, где детей дворян содержали на казенный счет. Но будущий поэт не захотел быть военным. Узнав об этом, отец лишил его всякой материальной поддержки, и юноша

был вынужден много лет бедствовать в чужом, неприветливом городе...

Н. А. Некрасов рано начал писать стихи. В них он с глубоким сочувствием изображал горькую долю бедняков и гневно протестовал против общественной несправедливости.

Его произведения быстро нашли живой отклик в среде передовых людей того времени и были признаны народом.

Поэзия Некрасова стала выражением революционных идей борцов за свободу народа.

Много стихов поэт посвятил детям, природе. Вы давно знаете и любите стихи «Дедушка Мазай и зайцы», «Зеленый шум», «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети». Детские воспоминания Н. А. Некрасова связаны и с великой русской рекой Волгой, которую он называл «благословенной рекой, кормилицей народа». Но здесь, на этой «благословенной реке», ему довелось испытать первое глубокое горе. Рано открылось ему «зрелище бедствий народных», к которому были так нечувствительны многие дворянские дети...

В своих воспоминаниях о Н. А. Некрасове современники, хорошо знавшие поэта, отзывались о нем как о человеке мягком, добром, независтливом, щедром, гостеприимном и простом.

Чудесные душевные свойства Некрасова отразились в его поэзии. Ее основной источник — горячее сочувствие угнетенным людям. Он призывал служить народу:

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

Эту свою заповедь Некрасов не нарушал никогда. Он хорошо понимал, что всякий, кто по-настоящему любит народ, должен отдать все свои силы революционной борьбе за его свободу, за его счастье. Поэт горячо верил, что народ русский «широкую, ясную грудь дорогу проложит себе».

Вопросы и задания.

1. Расскажите о детстве Н. А. Некрасова. Что вспоминает поэт о своих детских годах в стихотворении «Крестьянские дети», с которым вы познакомились в IV классе?
2. Выразительно прочитайте строки, посвященные поэтом своей матери.
3. Чем дорога поэзия Некрасова народу и людям, боровшимся за свободу и справедливость?

На Волге

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу...

.....

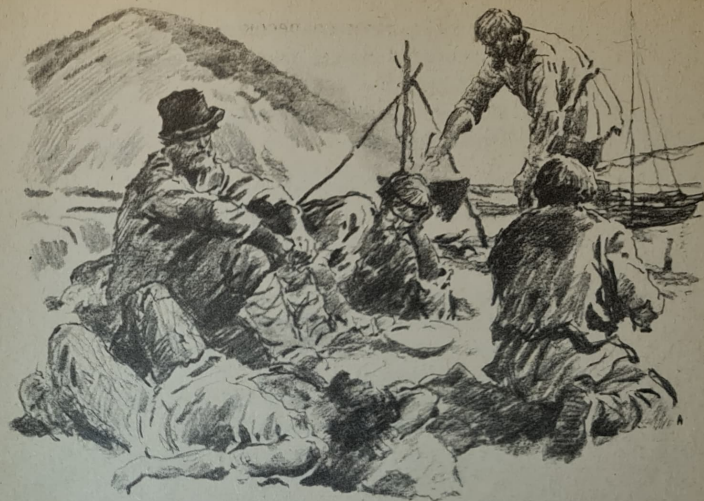
О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была...

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темноглубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,

С высокой кручи на песок
 Скачусь, то берегом реки
 Бегу, бросая камешки,
 И песню громкую пою
 Про удаль раннюю мою...
 Тогда я думать был готов,
 Что не уйду я никогда
 С песчаных этих берегов.
 И не ушел бы никуда —
 Когда б, о Волга! над тобой
 Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
 Его услышав в первый раз,
 Я был испуган, оглушен.
 Я знать хотел, что значит он, —
 И долго берегом реки
 Бежал. Устали бурлаки,
 Котел с расшивы¹ принесли,
 Уселись, развели костер
 И меж собою повели
 Неторопливый разговор.
 — Когда-то в Нижний попадем? —
 Один сказал: — Когда б попасть
 Хоть на Илью²... — «Авось придем, —
 Другой, с болезненным лицом,
 Ему ответил: — Эх, напасть!
 Когда бы зажило плечо,
 Тянул бы лямку, как медведь,
 А кабы к утру умереть —
 Так лучше было бы еще...»
 Он замолчал и навзничь лег,
 Я этих слов понять не мог,
 Но тот, который их сказал,
 Угрюмый, тихий и больной,
 С тех пор меня не покидал!
 Он и теперь передо мной:
 Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможенные черты

И выражающий укор
 Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
 Лишь поздно вечером домой
 Я воротился. Кто тут был —
 У всех ответа я просил
 На то, что видел, и во сне
 О том, что рассказали мне,
 Я бредил. Няню испугал:
 «Сиди, родименький, сиди!
 Гулять сегодня не ходи!»
 Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
 Я не узнал реки родной:
 С трудом ступает на песок
 Моя нога: он так глубок;
 Уж не манит на острова
 Их ярко-свежая трава,
 Прибрежных птиц знакомый крик
 Зловещ, пронзителен и дик,
 И говор тех же милых волн
 Иною музыкою полн!

¹ Расшива — большое плоскодонное судно.

² Церковный праздник в конце лета.

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

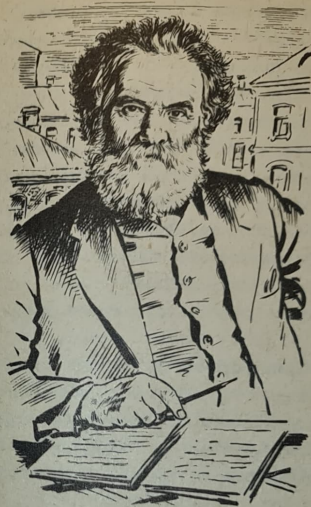
Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца...

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям,
И, как ему, — не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..

Вопросы и задания.

1. Какое настроение создается у вас при чтении стихотворения?
2. Почему Н. А. Некрасов обращается к родной реке со словами: «О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я?» — и в то же время называет ее «рекою рабства и тоски!..»? Раскройте смысл этих поэтических определений.
3. Что потрясло мальчика в момент первой встречи с бурлаками? На какие размышления натолкнула поэта новая встреча с бурлаками? Объясните смысл последней строфы стихотворения.
4. Рассмотрите картину И. Репина «Бурлаки». Чем близка она стихотворению «На Волге»? Напишите сочинение по этой картине, введите в него строки из стихотворения Некрасова.

Владимир
Галактионович
КОРОЛЕНКО
(1853—1921)

«Дорогие ребята!.. В. Г. Короленко — один из любимейших моих писателей. Из каждой строчки его сочинений видна его большая любовь к людям... Пользуюсь случаем, ребята, чтобы послать вам свой привет и пожелать стать такими же людьми, каким был В. Г. Короленко, — людьми, которые будут бороться с темнотой и несправедливостью, будут бороться за светлое будущее...» — так писала Н. К. Крупская, лично знавшая писателя, воспитанника колонии имени Короленко.

Владимир Галактионович родился еще при крепостном праве, когда купля-продажа людей была привычным, будничным явлением. На его глазах крепостная неволя сменилась капиталистическим гнетом, беспощадной эксплуатацией и обнищанием народных масс, безудержным хищничеством чиновников и предпринимателей.

Детство и юность Короленко провел на Украине. Его отец, уездный судья, отличался среди всех судейских чиновников исключительной честностью и неподкупностью. Большая семья с трудом существовала на убогое жалованье, но зато пользовалась огромным уважением среди бедняков. Родители В. Г. Короленко воспитывали у своих детей честность, правдивость, стойкость и мужество. С самого раннего детства Владимир Галактионович думал о том, как помочь бедным, бесправным людям.

Всю свою жизнь В. Г. Короленко боролся с притеснениями, беззакониями и несправедливостью царских властей. Ни тюрьмы, ни далекие сибирские ссылки не сломили его убеждений, не погасили его горячего сочувствия к обездоленным людям.

Любовь к народу, сочувственное отношение к его бедственному положению Короленко выразил в своих произведениях. Он написал много рассказов и повестей о тяжелой жизни бедняков, о тех, кто, несмотря на нищенское, полуголодное существование, сохранил в душе и доброту, и отзывчивость к чужому горю, и человеческое достоинство. Короленко рассказывал о хищных, невежественных чиновниках, которые вкривь и вкось толковали законы и самовластно распоряжались судьбами зависевших от них людей.

Писал он и о тех, кто вставал на путь борьбы за новый, справедливый порядок жизни, кто не боялся ни тюрем, ни ссылок.

Детские воспоминания писателя о горькой жизни бедняков легли в основу повести «В дурном обществе» (в сокращенном издании для детей — «Дети подземелья»).

Вопросы и задание.

1. В какое время жил В. Г. Короленко? В какой среде рос и воспитывался будущий писатель?
2. Как относился В. Г. Короленко к угнетенным и обездоленным людям? Какой путь борьбы за справедливость выбрал он?
3. Прочитайте выразительно высказывание Н. К. Крупской о В. Г. Короленко. Почему Надежда Константиновна считала писателя образцом для подражания?

Дети подземелья

Из детских воспоминаний моего приятеля

1. РАЗВАЛИНЫ

Мать моя умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшийся своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено или, проще, Княж-городок.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кричит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит уныло, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У нее кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулко медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений... Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали свое существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям... Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода.

Привлеченные шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлевших изгнанию жильцов...

Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные темные личности, запахиваясь изорванными донельзя лохмотьями, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник¹, тоже с увесистой дубинкой в руках.

...С того вечера и замок и Януш явились передо мной в новом свете... Замок стал мне противен... Я не мог забыть холодной жестокости, с которой торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о темных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце. Несчастные изгнанники нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишенные всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

...Наружность пана Тыбурция не имела в себе ничего аристократического². Роста он был высокого, крупные черты лица были грубо-выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперед нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая пронизательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда было безотчет-

но жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. Под ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Никто не знал, откуда у пана Тыбурция явились дети: мальчик лет семи, но рослый и развитый не по летам, и маленькая трехлетняя девочка.

Мальчик по имени Вáлек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц¹. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что сжималось сердце.

II. Я И МОЙ ОТЕЦ

С тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало еще угрюмее, меня очень редко видели дома. В поздние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений свое окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестренка еще не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

А утром, чуть свет, когда в доме еще спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шел к пруду, где меня ждали с удочками такие же со-

¹ Будочник — полицейский.

² Аристократический — здесь: свойственный аристократам (дворянской знати).

¹ Калачницы — торговки калачами.

рванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы¹ и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в лотки² и бодро принималась за дневную работу.

Я шел далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясунок, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шепотом ленивой дремоты.

Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди, мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребенок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь мамушку?

Помнил ли я ее? О да, я помнил ее! Я помнил, как бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте ее нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил ее, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу ее любящую, милую ласку.

Да, я помнил ее!.. Но на вопрос высокого, угрюмого человека, в котором я желал, но не мог почувствовать родную

душу, я съеживался еще более и тихо выдергивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил ее, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжелое горе.

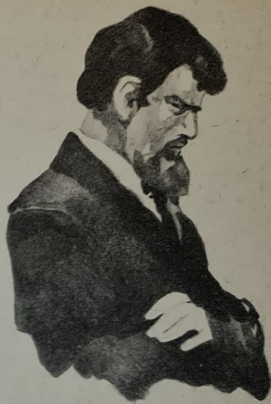
И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась все шире и глубже... Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, все ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце загоралось жадностью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочел его в моем смущенном лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил ее страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшаяся, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне всклоченную насадку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыпленком. Мне становилось очень горько и досадно. Не мудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню

¹ Шлюзы — здесь: ворота в плотине для пропуска воды.

² Лотки — лопасти мельничного колеса.

моими преступными играми, а еще через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить.

Мне все казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но только не знал, что именно. Я притерпелся к упрекам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаюсь по улицам, я всматривался детски-любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проводов на шоссе, стараясь уловить, какие вести несутся по ним из далеких, больших городов, или в шелест колосьев, или в шепот ветра на высоких гайдамацких¹ могилах...

Когда все углы города сделались мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдали, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть ее всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трех сорванцов, привлеченных обещанием булок и яблоков из нашего сада.

III. Я ПРИОБРЕТАЮ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы вышли в экскурсию после обеда. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зеленую мураву старого кладбища, играли на старых, покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над

¹ Гайдамацкие могилы — могилы украинских казаков, участников восстания против польских помещиков.

землею; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошел ко всем чертам, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на нее, потом он выпрямился, и я стал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убеждаясь в ее крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом. Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовали ярким золотом старые, ободранные стены. Углы были затканы паутиной. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то предметов, еле выделявшихся на полу странными очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на темный предмет, видневшийся рядом с престолом¹.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нем когда-то были угли для кадила².

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нем спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полежай сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полежай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но

¹ Престол — высокий стол, стоящий в передней части церковного алтаря.

² Кадило — сосуд на цепочках, в который клали на горячие угли душистую смолу; кадило употреблялось во время богослужения.

взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в ее темных углах. Нескольким воробьев вспорхнули с насиженных мест на хорах¹ и вылетели в большую прореху в крыше.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающим дух любопытством и участием.

— Ты подойдешь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завожилось сверху, тряхнуло в воздухе тучей пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей возней, вылетела из темного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролете и шархнула вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно² оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Темный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трех пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шепот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара черных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — послышался опять шепот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завожилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура. Это был мальчик, лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Темные курчавые волосы лохматились над черными задумчивыми глазами.

Хоть незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но все же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился еще более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось еще грязное личико, обрамленное белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски-любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на мое к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повел плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня.

Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперед.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

¹ Хоры — галерея или балкон внутри церкви.

² Инстинктивно — непроизвольно.

Между тем девочка, упершись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподнималась и наконец направилась нетвердыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивленным и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твое имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Вáлек... Я тебя знаю: ты живешь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла свое лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренно огорченный грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Валек покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... ты, кажется, славный хлопец, но все-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдет с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, опустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно еще село за гору. Город утонул в лиловотуманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полную грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнес Валек.

— Вы все здесь живете? — спросил я, когда мы втроем стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеек по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул ее также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что же, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуйста, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда отошел несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твердо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел черта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звезды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шепотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется, черти... А вы — трус.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

IV. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С этих пор я весь был поглощен моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите¹ на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительной целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и если темные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, берегая для сестры, но Маруся всякий раз всплескивала ручонками, и глаза ее загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в ее пользу.

¹ Визит — посещение.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил ее белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слезы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал ее с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в темные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех ее звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье ее было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у нее были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валек, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. В первые же дни я внес свое оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валек серьезно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил ее бегать со мной в запустки, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил ее и заставил бежать, Марусю, слышав мои шаги за собой, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала.

Я совсем растерялся.

— Вот, видишь, — сказал Валек, — она не любит играть.

Он усадил ее на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие коло-

кольчики. Я тоже присмирел и лег рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невеселая? — переспросил Валеk и затем сказал тоном совершенно убежденного человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— Серый камень высосал из нее жизнь, — пояснил опять Валеk, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка, — Тыбурций все знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, однако убеждение Валека, что Тыбурций все знает, произвело и на меня свое действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил ее Валеk, и все так же перебирала цветы; движения ее тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция, хотя я и не понимал их значения, заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на ее месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Что-то бесформенное, неумолимое, твердое и жесткое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из нее румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив ее где-нибудь на траве, собирали для нее цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьев. Иногда же, растянувшись около нее на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над дохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днем все больше закрепляли нашу

дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чем я раньше и не думал. Слыша, как он отзывается о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валеk. — Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа... А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валеk, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоятся прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха с костылем, он велел принести ей стул. Вон он какой!

Все это заставило меня глубоко задуматься.

Валеk указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека задели в моем сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да еще от имени Тыбурция, который «все знает»; но вместе с тем дрогнула в моем сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

Прошло еще несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шел с опущенною головою по пыльной улице, Валека вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боялся... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминании о яблоках Валека быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут найду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошел тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валека меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошел к часовне, а его все не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стертые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаюсь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный склеп¹. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нему, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стеклами, и сквозь эти стекла зияла темная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валека. В руках у него была большая булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живем. Пойдем к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним. Между стволами черемухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валека спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землей. Взяв мою руку, Валека повел меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, пораженный невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на темном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено таким же образом; стены были сложены из камня. Большие широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком.

Под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на ее белокурую голову, заливая ее всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывется и исчезнет. Когда там, сверху, над землей, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жесткими холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотною фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси ее веселье.

— Валека! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в ее глазах блеснула живая искорка. Я отдал ей яблоки, а Валека, разломив булку, часть подал ей. Я переминался и ежился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдем... уйдем отсюда, — дернул я Валека. — Уведи ее...

И мы втроем поднялись из подземелья. Валека был грустнее и молчаливее обыкновенного.

¹ Склеп — гробница.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал еще, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидел их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. А при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заняло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это еще хуже! — с уверенностью сказал Валек. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз, — где же застаться на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валек.

— Да, уйду.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лег в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VI. НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ПАН ТЫБУРЦИИ

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придешь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Около полудня небо насупилось, надвинулась темная туча, и под веселые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошел туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и

мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и шлепала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать ее, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее еще оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что еще, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я все-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только еще сильнее сжала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — и при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты меня еще не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросенка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допраши-

вать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовольствие.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому еще не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и вперед. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и «судья»... А нас судить будешь, скажи-ка?

Он говорил довольно добродушно, но я все-таки чувствовал себя глубоко оскорбленным и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьей, — не теперь, так после... Твой отец меня судит, — ну и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Не правда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого урода, а он ласково гладил жилистой рукой ее белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперед не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Каждый идет своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но все же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб,

если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копченого окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчет окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками. Он распоряжался, как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домо-
чадцам¹.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Затем Валеку уже один умелыми руками принялся за страпню. Через полчаса закипело в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валеку поставил на трехногий столик сквороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валеку ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданною роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурций ел с расстановкой, повинувшись неодолимой потребности говорить. Из странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишен проницательности, — продолжал Тыбурций. — Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты все-таки еще глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сделал, что принес тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В темной аллейке сада я нечаянно наткнул-

¹ Домочадцы — члены семьи.

ся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперед. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда ты?

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, зашагал по аллее.

Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моем знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаза от стыда.

VII. ОСЕНЬЮ

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худела, лицо ее все бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом. Девочка большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы ее слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз мое появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валеку обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него бежали тучи, и над просыхающей землей, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках ее загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший ее своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец, он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Сердце мое дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относится к моим друзьям и, быть может, также ко мне. Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу.

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдет оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяться ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» — с этого момента судья тотчас запирает свое сердце на ключ, и тогда у судьи такие твердые лапы, что скорее мир повернется в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда моя в том, что у меня с законом вышло когда-то давно уже некоторое столкновение... То есть, понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял на руки Марусю и, отойдя с ней в дальний угол, стал целовать ее. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека.

VIII. КУКЛА

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять ее она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали ее смеха. Я стал носить в подземелье

свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне.

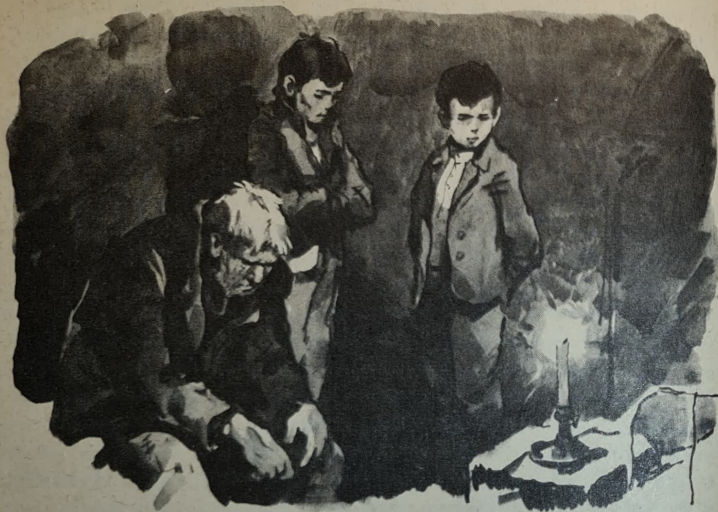
У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне ее на время. Я так убедительно просил ее об этом, так живо описал ей бедную, больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне ее и обещала в течение двух-трех дней играть другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, вода за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлепая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нес ее за пазухой, направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом дня через два старуха няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего еще не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан — на этот раз с еще большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец еще спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже; лицо ее горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук ле-

жавшей в забытии девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости ее недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала буззубым, шамкающим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был очень решителен; ослушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто еще не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжелое предчувствие. Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошел и робко остановился у притолки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своем кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слушал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжелый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчетливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл ее?..

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл ее и снес!.. Кому ты снес ее?.. Говори!

Он быстро подошел ко мне и положил мне на плечо тяжелую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съежился.

— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Скажешь, скажешь!

Я чувствовал, как дрожала его рука, и все ниже опускал голову; слезы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я все повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей

груди, навстречу его угрозам, подымалось едва осознанное оскорбленное чувство покинутого ребенка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне.

Отец тяжело перевел дух. Я съезился еще более, горькие слезы жгли мои щеки. Я ждал. В эту критическую минуту раздался вдруг резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении.

Отец встретил его мрачным и удивленным взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Он был серьезен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребенка. Видит бог он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднякам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьетесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам все, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я все еще стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попроститься с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушел из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашел что-то родное, чего тщетно искал в нем прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, бу-

ря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжелый туман, нависший над душой отца. И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал ее целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в мое сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, — ласково проговорил он все еще с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, стой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушел в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше про-

шу его, понимаешь?... покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?... Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руки данные отцом деньги. Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в темном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет еще полного значения для детского слуха, и горькие слезы только теперь, при виде этого безжизненного тела, давили мне горло...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валеки совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у нее провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала еще мрачнее; еще громче завывает в ней филин, а огни на могилах темными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дерном, пестрела цветами.

Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей березы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилкой свои обеты¹.

¹ Обет — обещание, клятва.

Вопросы и задания.

1. От чьего имени ведется рассказ? Как вы думаете, с какой целью писатель избрал такую форму повествования? Знаете ли вы еще произведения, где главным героем является рассказчик?
2. Перечитайте описание Княж-городка. Если бы вам предстояло изобразить его на картине, какие детали описания выделили бы вы как самые главные для характеристики города?
3. Расскажите, как произошла встреча Васи с детьми подземелья. Как вел себя каждый из мальчиков во время знакомства? Какое впечатление произвели дети друг на друга? Почему Вася так привязался к своим новым друзьям? Что переживает он, узнав о нищенской жизни Валеки и Маруси? Как относились дети подземелья к Васе?
4. Сравните, в каких условиях жила семья судьи и семья Тыбурция. Рассмотрите иллюстрацию на с. 148 и составьте рассказ-изложение на тему «Среди «серых камней». Какие отношения сложились внутри каждой семьи между детьми и родителями? Почему? Кто из мальчиков был счастливее? Подтвердите ваше мнение примерами из главы 6 «На сцену является пан Тыбурций».
5. Как вы думаете, что за человек был Тыбурций и почему он вынужден был вести нищенский образ жизни? Как понять слова Тыбурция, обращенные к Васе: «...может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу»?
6. Что скрывалось за внешней суровостью отца Васи? Кто понимал его правильнее: Вася или Валеки и Тыбурций? Приведите в качестве доказательств высказывания этих героев.
 - а) За что судья невзлюбил Януша, но с симпатией и уважением относился к Тыбурцию?
 - б) Выразительно прочитайте эпизод объяснения судьи с сыном. Перед чтением обдумайте, что переживал каждый из героев в этот момент. Как характеризуют судью слова, обращенные к сыну: «Я виноват перед тобой, мальчик...»?
7. Напишите сочинение на тему «Как дружба Васи, Валеки и Маруси скрасила их жизнь». При работе можно пользоваться следующим планом:
 - а) Почему у Валеки и Маруси до встречи с Васей не было друзей среди ровесников? Были ли настоящие друзья у Васи?
 - б) Как завязалась дружба детей? Что они ценили друг в друге?

- в) В чем проявлялись дружеские чувства детей?
- г) Каким испытаниям подвергалась их дружба?
- д) Какой след в жизни Васи оставила дружба с детьми подземелья?

О портрете литературного героя

Читая художественное произведение, мы знакомимся с разными героями книги. В жизни первое представление о людях мы получаем, вглядываясь в их глаза, лицо, наблюдая за их манерой держаться, говорить. Писатель также стремится к тому, чтобы читатели смогли увидеть его героев, поэтому он описывает их внешность: лицо, мимику, фигуру, жесты, позы, одежду, походку и т. д., — рисует портреты действующих лиц.

Вот впервые Вася видит Валека. «Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Темные волосы лохматились над черными задумчивыми глазами».

Что узнали мы, читатели, о появившемся впервые на страницах повести мальчике? О чем говорит нам его портрет?

Не только о росте Валека, не только о цвете его глаз и волос, не только об одежде. Одновременно мы узнали о его бедности, о том, что за ним нет материнского ухода (грязная рубашонка, узкие и короткие штанишки, волосы лохматились), о том, что он уже испытал много горя, много пережил (задумчивые глаза).

Портрет не всегда дается в одном месте, при первом появлении героя. Дальше о Валеке мы читаем: он «подходил... с беспечно-зазорным видом, с каким всегда... подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку...» — и сделаем вывод, что Валека совсем не трус. Не раз Короленко пишет о его грустном голосе, «обычном грустном виде», и мы догадываемся, что в жизни мальчика есть трудности, которые он не может преодолеть.

Портрет позволяет писателю выразить свое отношение к действующим лицам его книги. Сравнение «тонкий, как тростинка», эпитет «задумчивые глаза», слова с оттенком ласки (рубашонка, штанишки) — все это выражает сочувствие автора своему герою.

Таким образом, портрет помогает увидеть внешность литературного героя, понять его переживания, особенности характера, представить его положение в обществе. В портрете проявляется отношение автора к своему герою.

Вопросы и задания.

1. Найдите в повести портреты Тыбурция, судьи, Сони и Маруси. Что можно сказать об этих людях по их портретам? Какие сравнения помогают нам ярче представить, как выглядят Соня и Маруся?
2. Почему в повести нет портрета Васи? Расскажите, какой вы представляете себе его внешность. Устно нарисуйте портрет Васи в эпизодах: «Знакомство с детьми подземелья», «Вася узнает, что его друзья — нищие», «Примирение в отцом».

Н. И. Рыленков

...Я помню руки матери моей,
Что утирали слезы мне когда-то,
В пригорошнях приносили мне с полей
Все, чем весна в родном краю богата.

Я помню руки матери моей,
Суровой ласки редкие мгновенья.
Я становился лучше и сильнее
От каждого ее прикосновенья...

Я помню руки матери моей,
И я хочу, чтоб повторяли дети:
«Натруженные руки матерей,
Святее вас нет ничего на свете!»

Вопросы и задание.

1. Найдите в повести «Дети подземелья» В. Г. Короленко (гл. 2) строки, перекликающиеся со стихотворением. Что заставляет нас читать с таким волнением каждое из этих поэтических высказываний?
2. Задумывались ли вы о своем отношении к близким людям? Помогают ли вам эти произведения осознать свои чувства?

Мать земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

**Валентин
Петрович
КАТАЕВ**
(1897—1986)

В. П. Катаев родился в 1897 году в городе Одессе в семье учителя. Его родители горячо любили литературу, музыку, театр. Такую же любовь они старались пробудить в своих детях. В. П. Катаев вспоминал: «Отец страстно любил русскую художественную литературу. У него была маленькая, но великолепно подобранная библиотека. С малых лет отец привил мне вкус к русским классикам. Он научил меня любить Пушкина, Толстого, Чехова, Лескова, Лермонтова, Полонского, Тютчева, Фета, Некрасова.

я буквально зачитывался ими». Мать писателя увлекалась музыкой, хорошо играла на рояле. В доме Катаевых любили петь, особенно часто звучали украинские песни.

В. П. Катаев прожил большую и сложную жизнь. Он сражался на фронтах первой мировой войны, участвовал в гражданской, во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом.

Еще юношей В. П. Катаев начал заниматься литературным творчеством и отдал ему всю свою жизнь. Его произведения (стихи, рассказы, повести, романы, сказки) всегда вызывали большой интерес у читателей. В. П. Катаев много писал для детей и о детях. Все вы знаете его веселые поучительные сказки «Дудочка и кувшинчик», «Цветик-семицветик», «Голубок», «Жемчужина», его повести «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Сын полка» и его рассказы «Флаг», «Третий танк» и многие другие.

В своих книгах В. П. Катаев часто возвращался к событиям, очевидцем которых он был в детстве и юности. Он писал: «Мое детство совпало с революцией 1905 года. Мне было восемь лет. Но я хорошо помню, как встретили восставший броненосец «Потемкин», как он прошел под красным флагом мимо берегов Одессы. Я был свидетелем баррикадных боев, видел опрокинутые конки, упавшие провода, браунинги, ружья, человеческие трупы. Через много лет я написал «Белеет парус одинокий». Это произведение было навеяно свежим дыханием жизни, рожденной первой революцией».

Повесть «Белеет парус одинокий» нашла широкий круг читателей. Ее с увлечением читают и дети и взрослые. Радости и горести двух одесских мальчишек — Пети и Гаврика — писатель изобразил в тесной связи с миром подпольщиков-революционеров, с событиями 1905 года.

В. П. Катаев хотел, чтобы эта книга увлекала, воспитывала лучшие качества ума и сердца, заставляя юных граждан мечтать и действовать, радоваться, сострадать, вступаться за правду.

Раздумывая о своей жизни, В. П. Катаев писал:

«Если бы мне каким-нибудь чудом вернули мою молодость и сказали: перед тобою опять твоя жизнь — ты властен сделать ее такой, какой пожелаешь. Приказывай. Все будет исполнено по твоей воле. Хочешь быть знаменитым, сказочно красивым, несметно богатым? Все это делается по одному твоему мановению».

нию¹, но только при том условии, что ты навсегда останешься по эту сторону, то есть в старом, обветшалом мире бедных и богатых, сильных и слабых, господ и рабов, и никогда не будешь дышать воздухом коммунизма, никогда не услышишь музыки мировой справедливости... То я бы ответил:

— Нет, ничего мне от вас не нужно. Пусть я лучше останусь такой, как я есть, и таким, каким я был. Пусть я лучше еще раз переживу мою чудесную нищую молодость, овеванную октябрьскими бурями. Пусть лучше я еще раз переживу мою беспокойную, трудную, сложную зрелость. И пусть я опять остановлюсь на пороге старости и снова увижу так близко перед собой зарю коммунизма».

Вопросы.

1. Какое влияние оказали родители на духовное развитие В. П. Катаева?
2. Свидетелем и участником каких исторических событий был писатель? Почему он с такой гордостью и любовью вспоминает о пережитом?
3. Какие кинофильмы по произведениям В. П. Катаева вы видели? Читали ли вы эти книги?

Белеет парус одинокий

МОРЕ

Низкое солнце ослепительно било в глаза. Море под ним во всю ширину горело, как магний. Степь обрывалась сразу.

Серебряные кусты дикой маслины, окруженные кипящим воздухом, дрожали над пропастью.

Крутая дорожка вела зигзагами вниз. Петя привык бегать по ней босиком. Вотинки стесняли мальчика. Подметки скользили. Ноги бежали сами собой. Их невозможно было остановить.

До первого поворота мальчик еще кое-как боролся с силой земного притяжения. Он подворачивал каблуки и хватался за сухие нитки корней, повисших над дорожкой. Но гнилые корни

¹ Мановѣние — здесь: желание.

рвались. Из-под каблуков сыпалась глина. Мальчик был окружен облаком пыли, тонкой и коричневой, как порошок какао.

Пыль набивалась в нос, в горле першило. Пете это надоело. Э, будь что будет!

Он закричал во все горло, взмахнул руками и очертя голову ринулся вниз...

Между тем солнце еще немножко поднялось над горизонтом. Теперь море сияло уже не сплошь, а лишь в двух местах: длинной полосой на самом горизонте и десятком режущих глаза звезд, попеременно вспыхивающих в зеркале волны, осторожно лежащей на песок.

На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубизной августовского штиля, что невозможно было не вспомнить:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

хотя и паруса нигде не было, да и море ничуть не казалось туманным.

Петя залюбовался морем.

Сколько бы ни смотреть на море — оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Оно меняется на глазах каждый час.

То оно тихое, светло-голубое, в нескольких местах покрытое почти белыми дорожками штиля. То оно ярко-синее, пламенное, сверкающее. То оно играет барашками. То под свежим ветром становится вдруг цвета индиго¹, шерстяным, точно его гладят против ворса.

То налетает буря, и оно грозно преображается. Штормовой ветер гонит крупную зыбь. По грифельному² небу летают с криками чайки. Взмаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцевитое тело дохлого дельфина. Резкая зелень горизонта стоит зубчатой стеной над бурными облаками шторма. Малахитовые³ доски прибора, размашисто исписанные белыми зигзагами пены, с пушечным громом разбиваются о берег.

¹ Цвета индиго — синего цвета (индиго — тропическое дерево, из листьев которого изготовляют синюю краску).

² По грифельному небу — по мутно-серому небу.

³ Малахитовый — ярко-зеленый (малахит — минерал ярко-зеленого цвета).

Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе. Тонкий туман брызгает кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов.

Но главное очарование моря заключалось в какой-то тайне, которую оно всегда хранило в своих пространствах.

Разве не было полным тайны видение взбунтовавшегося броненосца, появившегося однажды очень далеко в море?

Его появлению предшествовал пожар в одесском порту. Зарево было видно за сорок верст. Тотчас разнесся слух, что это горит эскада.

Затем было произнесено слово: «Потемкин».

Несколько раз, таинственный и одинокий, появлялся мятежный броненосец на горизонте в виду бессарабских берегов.

Батраки бросали работу на фермах и выходили к обрывам, старались разглядеть далекий дымок. Иногда им казалось, что они его видят. Тогда они срывали с себя фуражки и рубахи и, с яростью размахивая ими, приветствовали инсургентов¹.

Но Петя, как ни щурился, как ни напрягал зрение, по совести говоря, ничего не видел в пустыне моря.

Только однажды, в подозрную трубу, которую ему удалось выпросить на минуточку у одного мальчика, он разглядел светло-зеленый силуэт трехтрубного броненосца с красным флажком на мачте.

Корабль быстро шел на запад, в сторону Румынии.

А на другой день горизонт вдруг покрылся низким, сумрачным дымом. Это вся черноморская эскадра шла по следу «Потемкина».

Рыбаки, приплывшие из гирла Дуная на своих больших черных лодках, привезли слух о том, что «Потемкин» пришел в Констанцу, где ему пришлось сдать румынскому правительству. Команда высадилась на берег и разошлась — кто куда.

Прошло еще несколько тревожных дней.

И вот на рассвете горизонт снова покрылся дымом.

Это шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника.

Пустой, без команды, с машинами, залитыми водой, со спущенным флагом восстания, тяжело ныряя в острой зыби, «Потемкин» медленно двигался, окруженный тесным конвоем

¹ Инсургент — повстанец, участник вооруженного восстания против правительства.

дыма. Он долго шел мимо высоких обрывов Бессарабии, откуда молча смотрели ему вслед рабочие с экономий¹, солдаты пограничной стражи, рыбаки, батрачки... Смотрели до тех пор, пока эскадра не скрылась из глаз. И опять стало море таким ласковым и тихим, будто его облили синим маслом.

Между тем на степных дорогах появились отряды конных стражников, высланных к границе Румынии на поимку беглых потемкинцев.

...Петя решил на прощанье наскоро выкупаться.

Но едва мальчик, разбежавшись, бултыхнулся в море и поплыл на боку, расталкивая прохладную воду коричневым атласным плечиком, как тотчас забыл все на свете.

...Вдруг он увидел на обрыве отца.

Отец размахивал соломенной шляпой и что-то кричал.

Обрыв был так высок и голос так гулко отдавался в обрыве, что до Пети долетело только раскатистое:

— ...дядй-дядй-дядй-дядй!..

Однако Петя очень хорошо понял значение этого «дядй-дядй-дядй». Оно означало следующее:

— Куда ты провалился, гадкий мальчишка? Я тебя ищу по всей даче! Дилижанс² ждет! Ты хочешь, чтобы мы из-за тебя опоздали на пароход? Сейчас же вылезай из воды, него-дядй!

Голос отца вернул Петю к горькому чувству разлуки, с которым он встал сегодня. И мальчик закричал таким отчаянно громким голосом, что у него зазвенело в ушах:

— Сейчас иду! Сейчас!

А в обрыве отдалось раскатистое:

— ...айс-айс-айс!

Петя быстро надел костюм прямо на мокрое тело — что, надо признаться, было очень приятно, — и стал взбираться наверх...

БЕГЛЕЦ

Верст за десять до Аккермана начались виноградники. Уже давно и дыню съели, и корки выбросили в окно. Становилось скучно... И вдруг произошло событие, до такой степени стреми-

¹ Экономия — помещичье хозяйство.

² Дилижанс — многоместная крытая карета для перевозки пассажиров.

тельное и необычайное, что трудно было даже сообразить, что случилось сначала и что потом.

Во всяком случае, сначала раздался выстрел. Но это не был хорошо знакомый, нестрашный гулкий выстрел из дробовика, столь частый на виноградниках. Нет. Это был зловеющий, ужасающий грохот трехлинейной винтовки казенного образца.

Одновременно с этим на дороге показался конный стражник с карабином в руках.

Он еще раз приложился, прицелился в глубину виноградника, но, видно, раздумал стрелять. Он опустил карабин поперек седла, дал лошади шпоры, пригнулся и махнул через канаву и высокий вал прямо в виноградник. Пришлепнув фуражку, он помчался, ломая виноградные кусты, напрямик и вскоре скрылся из глаз.

Дилижанс продолжал ехать.

Некоторое время вокруг было пусто.

Вдруг позади, на валу виноградника, в одном месте закачалась дерева¹. Кто-то прыгнул в ров, потом выкарабкался из рва на дорогу.

Быстрая человеческая фигура, скрытая в облаке густой пыли, бросилась догонять дилижанс.

Вероятно, кучер заметил ее сверху раньше всех. Однако, вместо того чтобы затормозить, он, наоборот, встал на козлах и отчаянно закрутил над головой кнутом. Лошади пустились вскачь.

Но неизвестный успел уже вскочить на подножку и, открыв заднюю дверцу, заглянул в дилижанс.

Он тяжело дышал, почти задышался.

Это был коренастый человек с молодым, бледным от испуга лицом и карими не то веселыми, не то насмерть испуганными глазами.

На его круглой, ежиком стриженной большой голове неловко сидел новенький люстриновый картузик с пуговкой, вроде тех, какие носят мастера в праздник. Но в то же время под его тесным пиджаком виднелась вышитая батрацкая рубаша, так что как будто он был вместе с тем и батраком.

Однако толстые, гвардейского сукна штаны, бархатистые от пыли, уж никак не шли ни мастерскому, ни батраку.

Одна штанина задралась и открыла рыжее голенище грубого флотского сапога с двойным швом.

«Матрос!» — мелькнула у Пети страшная мысль, и тут же на кулаке неизвестного, сжимавшего ручку двери, к ужасу своему, мальчик явственно увидел голубой вытатуированный якорь.

Между тем неизвестный, как видно, был смущен своим внезапным вторжением не менее самих пассажиров.

Увидев остолбеневшего от изумления господина в пенсне и двух перепуганных детей, он беззвучно зашевелил губами, как бы желая не то поздороваться, не то извиниться. Но, кроме кривой застенчивой улыбки, у него ничего не вышло.

Наконец он махнул рукой и уже собирался прыгнуть с подножки обратно на дорогу, как вдруг впереди показался разъезд¹. Неизвестный осторожно выглянул из-за кузова дилижанса, увидел в пыли солдат, быстро вскочил внутрь кареты и захлопнул за собой дверь.

Он умоляющими глазами посмотрел на пассажиров, затем, не говоря ни слова, стал на четвереньки и, к ужасу Пети, полез под скамейку, прямо туда, где были спрятаны колесики.

¹ Разъезд — здесь: небольшая конная часть, посылаемая для разведки, охранения или поддержания связи между воинскими частями.

¹ Дереза — колючий кустарник.

Мальчик с отчаянием посмотрел на отца, но тот сидел совершенно неподвижно, с бесстрастным лицом, немного бледный, решительно выставив вперед бородку. Сцепив на животе руки, он крутил большими пальцами — один вокруг другого.

Весь его вид говорил: ничего не произошло, ни о чем не надо расспрашивать, а надо сидеть на своем месте как ни в чем не было и ехать.

Не только Петя, но даже и маленький Павлик поняли отца сразу. Ничего не замечать! При создавшемся положении это было самое простое и самое лучшее.

Что касается кучера, то о нем нечего было и говорить. Он знай себе нахлестывал лошадей, даже не оборачиваясь назад.

Словом, это был какой-то весьма странный, но единодушный заговор молчания.

Разъезд поравнялся с дилижансом.

Несколько солдатских лиц заглянуло в окно. Но матрос уже лежал глубоко под скамейкой. Его совершенно не было видно.

По-видимому, солдаты не нашли ничего подозрительного в этом мирном дилижансе с детьми и баклажанами. Не останавливаясь, они проехали мимо.

По крайней мере, полчаса продолжалось общее молчание. Матрос неподвижно лежал под скамейкой. Вокруг все было спокойно.

Наконец впереди в жидкой зелени акаций показалась вереница крайних домиков города.

Тогда отец первый нарушил молчание. Равнодушно глядя в окно, он сказал как бы про себя, но вместе с тем и рассчитанно громко:

— Ого! Кажется, мы подъезжаем. Уже виднеется Аккерман. Какая ужасная жара! На дороге ни души.

Петя сразу разгадал хитрость отца.

— Подъезжаем! Подъезжаем! — закричал он.

Он схватил Павлика за плечи и стал толкать его в окно, фальшиво-возбужденно крича:

— Смотри, Павлик, смотри, какая красивая птичка летит!

— Где летит птичка? — спросил Павлик с любопытством, высовывая язык.

— Ах, господи, какой ты глупый! Вот же она, вот.

— Я не вижу.

— Значит, ты слепой.

В это время позади раздался шорох, и сейчас же хлопнула дверь. Петя быстро обернулся. Но все вокруг было как прежде. Только уже не торчал из-под скамейки сапог.

Петя в тревоге заглянул под скамейку: целы ли коллекции? Коробки были целы. Все в порядке...

Колеса застучали по мостовой. Дилижанс въехал в тенистую улицу, обсаженную акациями...

Судя по солнцу, времени было уже больше часа. А пароход «Тургенев» отходил в два.

Отец велел, не останавливаясь в гостинице, ехать прямо на пристань, откуда как раз только вытек очень длинный и толстый пароходный гудок.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

...Петя уже успел облазить весь пароход. Он выяснил, что подходящих детей нет и завести приятное знакомство почти не с кем...

Тогда Петя нашел очень интересное занятие: он стал ходить по пятам за одним пассажиром. Куда пассажир — туда и Петя.

Это было очень интересно, тем более что пассажир уже давно обратил на себя внимание мальчика некоторой странностью своего поведения.

Может быть, другие пассажиры ничего не заметили. Но Пете бросилась в глаза одна вещь, сильно поразившая его.

Дело в том, что пассажир ехал без билета. А между тем старший помощник отлично это знал.

Однако он почему-то не только ничего не говорил странному пассажиру, но даже как бы молчаливо разрешал ему ходить куда угодно, даже в каюту первого класса.

Петя ясно видел, что произошло, когда старший помощник подошел к странному пассажиру со своей проволочной кассой.

— Ваш билет, — сказал старший помощник.

Пассажир что-то шепнул ему на ухо. Старший помощник кивнул головой и сказал:

— Пожалуйста.

После этого никто уже больше не тревожил странного пассажира. А он стал прогуливаться по всему пароходу, заглядывая всюду: в каюты, в машинное отделение, в буфет, в уборную, в трюм.

Кто же он был? Помещик? Нет. Помещики так не одевались и так не вели себя...

Может быть, он какой-нибудь чиновник с почты или учитель?

Вряд ли.

Хотя у него и была под пиджаком чесучовая рубашка с отложным воротником и вместо галстука висел шнурок с помпончиками, но зато никак не подходили закрученные вверх черные, как вакса, усы и высоболенный подбородок.

И уже совсем не подходило ни к какой категории пассажиров небывалой величины дымчатое пенсне на мясистом, вульгарном¹ носу с ноздрями, набитыми волосом.

Сперва странный пассажир постоял в узком проходе возле машинного отделения, рядом с кухней...

Затем странный человек, не торопясь, обошел нижние палубы.

Мальчику показалось, что незнакомец незаметно, но крайне внимательно осматривает пассажиров, примостившихся на своих узлах и корзинах вокруг мачты, у бортов, среди груза...

Какой-то человек спал на досках палубы, прикрыв щеку картузиком и уткнувшись головой в ту веревочную подушку, которую обычно спускают с борта, чтобы смягчить удар парохода о пристань.

Он лежал, раскинув во сне руки и совсем по-детски поджав ноги.

Вдруг мальчик нечаянно посмотрел на эти ноги в задранных штанах и остолбенел: на них были хорошо знакомые флотские сапоги с рыжими голенищами.

Не было сомнения, что именно эти самые сапоги Петя видел сегодня под скамейкой дилижанса.

Но даже если это и было простым совпадением, то, уж во всяком случае, не могло быть совпадением другое обстоятельство: на руке у спящего, как раз на том самом мясистом треугольнике под большим и указательным пальцами, Петя разглядел маленький голубой якорь.

Мальчик чуть не вскрикнул от неожиданности.

Но сдержался: он заметил, что усатый пассажир тоже обратил внимание на спящего.

Усатый прошел несколько раз мимо, стараясь заглянуть

в лицо, прикрытое картузиком. Однако это ему никак не удавалось. Тогда он, проходя мимо, как бы нечаянно наступил спящему на руку.

— Виноват.

Спящий вздрогнул. Он сел, испуганно озираясь ничего не понимающими, заспанными глазами.

— А? Что такое? Куда? — бессмысленно бормотал он и тер кулаком щеку, на которой отпечатался коралловый рубец каната.

Это был он, тот самый матрос!

Петя спрятался за выступ трюма и, затаив дыхание, стал наблюдать, что будет дальше.

Однако ничего особенного не произошло. Еще раз извинившись, усатый отправился дальше, а матрос перевернулся на другой бок, но уже не спал, а смотрел по сторонам с тревогой и, как показалось Пете, с какой-то нетерпеливой досадой.

Что делать? Бежать к папе? Рассказать все старшему помощнику?

Нет, нет!

Петя хорошо запомнил поведение отца в дилижансе. Очевидно, во всем этом происшествии было нечто такое, о чем никому не надо говорить, никого не надо расспрашивать, а молчать, делая вид, что ничего не знаешь.

Тогда мальчик решил отыскать усатого и посмотреть, что он делает.

Он нашел его на почти пустой палубе первого класса. Тот стоял, прислонившись к спасательной лодке, туго обтянутой зашнурованным брезентом...

За пароходом, все расширяясь и тая, далеко тянулась широкая, как бы маслянистая, санная, хорошо разметенная дорога.

Слева уже шел высокий глинистый берег Новороссии.

А усатый держал в руке и украдкой рассматривал какую-то вещь.

Петя незаметно подошел сзади, стал на цыпочки и увидел ее. Это была небольшая, так называемого визитного формата, фотографическая карточка матроса в полной форме, в лихо заломленной бескозырке с надписью на ленте: «Князь Потемкин - Таврический».

Матрос был не кто иной, как тот самый, с якорем на руке.

И тут же в силу какого-то непонятого течения мыслей Пе-

¹ Вульгарный — здесь: грубый.

тя вдруг совершенно ясно понял, что именно было странного в наружности усатого: усатый, так же как и тот, с якорем, тоже был переодет.

«ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ!»

Ветер дул свежий, попутный. Чтобы помочь машине и на-верстать время, потерянное при затянувшейся погрузке, капитан приказал поставить парус.

Никакой праздник, никакие подарки не привели бы Петю в такой восторг, как эта безделица.

Впрочем, хороша безделица!..

Я думаю, что и вы бы, товарищи, пришли в восторг, если бы вам вдруг выпало счастье прокатиться по морю на настоящем пароходе, да, кроме того, еще и под парусом.

Даже и в те времена парус ставили только на самых старых пароходах, и то чрезвычайно редко. Теперь же этого и вовсе никогда не случается.

Так что легко себе представить, как переживал это событие Петя.

Разумеется, мальчик сразу забыл и про усатого, и про беглого. Он, как очарованный, стоял на носу, не сводя глаз с босого матроса, который довольно лениво возился возле люка, вытаскивая аккуратно сложенный парус...

Наконец поставили кливер¹.

Пароходик побежал еще быстрее. Уже чувствовалось приближение к Одессе. Впереди виднелась белая коса Сухого лимана...

Все мысли Пети были тут, на берегу, в Одессе...

Скорее, скорее в каюту торопить папу, собирать вещи!

Петя повернулся, чтобы бежать, и вдруг похолодел от ужаса... Тот самый матрос с якорем на руке сидел на ступеньке носового трапа, а усатый шел прямо на него, без пенсне, руки в карманах, отчетливо скрипя «скороходами».

Он подошел к нему вплотную, наклонился и спросил не громко, но и не тихо:

— Жуков?

¹ Кливвер — косой треугольный парус, который ставится в носовой части корабля.

— Чего — Жуков? — тихо, как бы через силу произнес матрос, заметно побледнев и встав на ступеньки.

— Сядь. Тихо. Сядь, я тебе говорю.

Матрос продолжал стоять. Слабая улыбка дрожала на его посеревших губах. Усатый нахмурился.

— С «Потемкина»? Здравствуй, милый. Ты бы хоть сапожки, что ли, переменял. А мы вас ждали, ждали, ждали... Ну, что скажешь, Родион Жуков? Приехали?

И с этими словами усатый крепко взял матроса за рукав.

Лицо матроса исказилось.

— Не трожь! — закричал он страшным голосом, рванулся и изо всех сил толкнул усатого кулаком в грудь. — Не трожь большого человека, мор-рда!

Рукав затрещал.

— Стой!

Но было поздно.

Матрос вырвался и побежал по палубе, увертываясь и вилляя между корзинами, ящиками, людьми. За ним бежал усатый.

Глядя со стороны, можно было подумать, что эти двое взрослых людей играют в салки.

Они, один за другим, нырнули в проход машинного отделения. Затем вынырнули с другой стороны. Пробежали вверх по трапу, дробно стуча подошвами и срываясь со скользких медных ступенек.

— Стой, держи! — кричал усатый, тяжело сопя.

В руках у матроса появилась оторванная откуда-то на бегу рейка.

— Держи, держи-и-и!

Пассажиры со страхом и любопытством сбились на палубе. Кто-то пронзительно засвистел в полицейский свисток.

Матрос со всего маху перепрыгнул через высокую крышку люка. Он увернулся от усатого, обежавшего сбоку, вильнул, перепрыгнул через люк обратно и вскочил на скамейку. Со скамейки — на перила борта, схватился за флагшток кормового флага, изо всей силы шархнул усатого рейкой по морде и прыгнул в море. Над кормой взлетели брызги.

— Ах!

Пассажиры все, сколько их ни было, качнулись назад, будто на них спереди дунуло.

Усатый метался возле борта, держась руками за лицо, и хрипло кричал:

— Держите, уйдет! Держите, уйдет!

Старший помощник шагал вверх по трапу через три ступеньки со спасательным кругом.

— Человек за бортом!

Пассажиры качнулись вперед к борту, будто на них дунуло сзади.

Петя протиснулся к борту. Уже довольно далеко от парохода, среди взбитого белка пены, на волне качалась, как поплавок, голова плывущего человека.

Но только он плыл не к пароходу, а от парохода, изо всех сил работая руками и ногами. Через каждые три-четыре взмаха он поворачивал назад злое, напряженное лицо.

Старший помощник заметил, что человек за бортом, видать, не имеет ни малейшего желания быть «спасенным». Наоборот, он явно старается уйти как можно дальше от спасителей. Кроме того, он превосходно плавает, а до берега сравнительно недалеко.

Так что все в порядке.

Нет никаких оснований волноваться.

Напрасно усатый хватал старшего помощника за рукав, делал зверские глаза, требовал остановить пароход и спустить шлюпку.

— Это политический преступник. Вы будете отвечать!

Помощник флегматично¹ пожимал плечами:

— Не мое дело. Не имею приказанья. Обратитесь к капитану.

Капитан же только махнул рукой. И так опаздываем. Куда там, батюшка! Очень нужно. Вот через полчаса пришвартуемся, тогда и ловите своего политического. А у нас пароходство коммерческое² и частное. Оно политикой не занимается, и на этот счет нет никаких инструкций.

Тогда усатый, ругаясь сквозь зубы, с ободранной мордой, стал пробираться сквозь толпу приготовившихся к высадке пассажиров третьего класса к тому месту, куда должны были податься сходи.

Он грубо расталкивал испуганных людей, наступал на ноги, пихал корзины и, наконец, очутился у самого борта, с тем чтобы первому выскочить на пристань, как только причалят.

¹ Флегматично — здесь: равнодушно, безразлично.

² Коммерческое — торговое, не военное.

Между тем голова матроса уже еле-еле виднелась в волне среди флажков, качавшихся над рыбацкими сетями и переметами.

ГАВРИК

В этот же день другой мальчик, Гаврик... проснулся на рассвете от холода.

Он спал на берегу возле шаланды¹, положив под голову гладкий морской камень и укрыв лицо старым дедушкиным пиджаком. На ноги пиджака не хватило.

Ночь была теплая, но к утру стало свежо. Босые ноги озябли, Гаврик спросонья стянул пиджак с головы и укутал ноги. Тогда стала зябнуть голова.

Гаврик начал дрожать, но не сдавался. Хотел пересилить холод. Однако заснуть было уже невозможно...

Конечно, Гаврик свободно мог спать с дедушкой в хибарке. Там было тепло и мягко. Но какой же мальчик откажется от наслаждения лишний раз переночевать на берегу моря под открытым небом?..

Гаврик встал, сладко растянул руки, закатал штаны и, зевая, вошел по щиколотку в воду.

С ума он сошел, что ли? Ноги и так озябли до синевы, а тут еще лезть в море, один вид которого вызывает озноб!

Однако мальчик хорошо знал, что он делает. Вода только на вид казалась холодной. На самом деле она была очень теплой, гораздо теплее воздуха. Мальчик просто-напросто грел в ней ноги...

Зевая и жмурясь на восходящее солнце, Гаврик насухо вытер рубашкой маленькое пестрое лицо с лилово-розовым носиком, облупленным, как молодая картофелка.

— Ох-ох-ох... — сказал он совершенно как взрослый, не топясь перекрестил рот, где до сих пор еще не хватало двух передних зубов, подобрал пиджак и побрел вверх валкой, цепкой походочкой одесского рыбака.

Он продирался сквозь густые заросли сильно разросшегося бурьяна, осыпавшего мокрые ноги и штаны желтым порошком цветения.

Хибарка стояла шагах в тридцати от берега на бугорке красной глины, мерцавшей кристалликами сланца.

¹ Шаланда — здесь: плоскодонная парусная рыболовная лодка.

Собственно, это был небольшой сарайчик, грубо сколоченный из всякого деревянного старья: из обломков крашенных лодочных досок, ящиков, фанеры, мат. Плоская крыша была покрыта глиной, и на ней росли бурьяны и помидоры.

Когда еще была жива бабушка, она обязательно два раза в год — на пасху и на спаса — белила мелом хибарку, чтобы хоть как-нибудь скрасить перед людьми ее нищенский вид. Но бабушка умерла, и вот уже года три как хибарку никто не белил. Ее стены потемнели, облезли. Но все же кое-где остались слабые следы мела, вьвшегося в старое дерево. Они постоянно напоминали Гаврику о бабушке и о ее жизни, менее прочной, чем даже мел.

Гаврик был круглый сирота. Отца своего он совсем не помнил. Мать помнил, но еле-еле: какое-то распаренное корыто, красные руки, киевское печатное кольцо на скользком, разбухшем пальце и множество радужных мыльных пузырей, летающих вокруг ее железных гребенок.

Дедушка уже встал. Он ходил по крошечному огороду, заросшему бурьяном, заваленному мусором, где ярко теплилось несколько больших поздних цветков тыквы — оранжевых, мясистых, волосатых, со сладкой жидкостью на дне прозрачной чашечки.

Дедушка собирал помидоры в подол стираной-перестираной рубахи, потерявшей всякий цвет, но теперь нежно-розовой от восходящего солнца.

Между задранный рубахой и мешковатыми штанами виднелся худой коричневый живот с черной ямкой пупа.

Помидоров на огороде оставалось совсем мало. Поели почти все. Дедушке удалось собрать штук восемь — маленьких, желтоватых. Больше не было.

Старик ходил, опустив сивую голову. Поджав выскобленный по-солдатски подбородок, он пошевеливал босой ногой кусты бурьяна — не найдется ли там чего-нибудь? Но ничего больше не находилось.

Взрослый цыпленок с тряпочкой на ноге бегал за дедушкой, изредка поклевывая землю, отчего вверху вздрагивали зонтики укропа.

Дедушка и внучек не поздоровались и не пожелали друг другу доброго утра. Но это вовсе не означало, что они в ссоре. Наоборот. Они были большие приятели.

Просто-напросто наступившее утро не обещало ничего, кроме тяжелого труда и забот. Не было никакого резона обманывать себя пустыми пожеланиями.

— Все поели, ничего не осталось, — бормотал дед, как бы продолжая вчерашний разговор. — Что ты скажешь! Восемь помидоров — куда это годится? На смех курам.

— Поедем, что ли? — спросил Гаврик, посмотрев из-под руки на солнце.

— Надо ехать, — сказал дед, выходя из огорода.

Они вошли в хибарку и степенно напились из ведра, аккуратно прикрытого чистой дощечкой.

Старик крикнул, и Гаврик крикнул. Дедушка потуже подтянул ремешок штанов, и внучек сделал то же самое.

Затем дедушка достал с полочки кусок вчерашнего ситника и завязал его вместе с помидорами в ситцевый платок с черными капочками.

Кроме того, он взял под мышку плоский бочоночек с водой, вышел из хибарки и навесил на дверь замок.

Это была излишняя предосторожность. Во-первых, красть было нечего, а во-вторых, у кого бы хватило совести воровать у нищих?

Гаврик снял с крыши весла и взвалил их на маленькое, но крепкое плечо.

Сегодня дедушке и внучку предстояло много дела. Третьего дня бушевал шторм. Волна порвала переметы. Рыба не шла.

Улова не было никакого. Денег не осталось ни копейки. Вчера море улеглось, и на ночь поставили перемет.

Сегодня его надо было выбрать, успеть с рыбой на привоз, наживить перемет и вечером обязательно его опять поставить, чтобы не пропустить хорошей погоды:

Они, натужась, стащили шаланду по гальке к воде и осторожно толкнули в волну.

...Каждый из них работал одним веслом. Это было легко и весело: кто кого перегребет? Однако оба они равнодушно хмурились и только побрякивали.

...Тем временем уже все море покрылось рыбацкими шаландами, вышедшими на лов.

Высоко подсакивая и с маху шлепаясь в волну плоским рубчатым дном, высунутым из воды на треть, пронеслась под полным парусом новая синяя красавица шаланда «Надя и Вера»...

Ведь и у него, у дедушки, была когда-то прекрасная шаланда с новеньким, прочным парусом. Ловил на ней дедушка на самодур¹ скумбрию. Да еще как ловил! В иной день по две, по три сотни тащила покойная бабушка на привоз.

Но жизнь прошла. И остались у дедушки лишь нищенская хибарка на берегу да старая шаланда без паруса.

Парус пролечили, когда заболела бабушка. Да и то напрасно: все равно померла. Теперь такого паруса больше никогда не справишь. А без паруса какая же лодка? На смех курям! Разве только бычков на перемет. Грустно!

Гаврик прекрасно понимал, о чем думает дедушка. Но и виду не подавал. Наоборот. Чтобы отвлечь старика от горьких мыслей, он стал деловито возиться возле перемета: вытаскивать первый флажок.

Дедушка тотчас перебрался через банки, стал рядом с внучком, и они начали в четыре руки травить² мокрый конец перемета. Вскоре пошли крючки. Однако бычков на них было мало, да и то мелочь...

— Не идут на креветку³, — сокрушенно бормотал дедушка. — Ну что ты скажешь! Одна мелочь. Надо мясом наживлять. На мясо обязательно пойдут. А где это взять тое мясо, если оно на привозе по одиннадцать копеек фунт⁴! Просто курям на смех.

Но тут вдруг навалилось что-то громадное, с коричневым дымом. Пролетели по воде две косые тени. Страшно зашумела вода... И совсем близко от шаланды прошел пароход, хлопотливо мелькая красными лопастями колес.

¹ Самодур — рыболовное приспособление.

² Травить — ослаблять, отпускать понемногу.

³ Креветка — маленький морской рачок.

⁴ Фунт — старая единица веса, равная 409,5 г.

Лодку подбросило, потом уронило, опять подбросило.

Флажки перемета запрыгали почти под самыми колесами. Еще немножко, и их смолело бы в щепки.

— Эй, на «Тургеневе»! — заорал дедушка не своим голосом и растопырил руки, как бы желая остановить несущуюся лошадь. — Что у вас, повылазило? Не видите переметов! Паршивые сволочи!

Но пароход уже благополучно пронесло...

Значит, было уже семь часов утра.

«Тургенев» заменял рыбакам часы. В восемь часов вечера он проходил обратно из Аккермана в Одессу.

Надо было торопиться, чтобы не опоздать с бычками на привоз...

МАДАМ СТОРОЖЕНКО

...Мальчик шел, отыскивая знакомую торговку, мимо корзин, кишевших прозрачными светло-зелеными раками...

Солнце жгло. Рыба засыпала.

Знакомая торговка сидела на детской скамеечке под парусиновым зонтиком великанши, окруженная корзинами с товаром.

Громадная, одетая, несмотря на двадцатиградусную жару, в зимнюю жакетку с буфами, накрест обвязанная песочным платком и с увесистым кошельком через плечо, она как раз в этот момент торговалась с покупательницей.

Гаврик почтительно остановился поодаль, дожидаясь, когда она освободится.

Он прекрасно понимал, что они с дедушкой всецело зависят от этой женщины. Значит, надо быть как можно скромнее и вежливее. Он непременно снял бы шапку, если бы она у него была. Но шапки не было.

Мальчик ограничился тем, что тихонько поставил садок¹ на землю, опустил руки и поглядывал на свои босые переминающиеся ноги, по щиколотку одетые серой замшевой пылью...

Гаврик терпеливо дожидался, когда его заметят. Но тор-

¹ Садок — здесь: устройство для хранения живой рыбы.

говка, хотя давно увидела мальчика, продолжала делать вид, что не замечает его.

Таков был базарный обычай. Кому нужны деньги, тот пусть и ждет. Ничего. Не сдохнет — постоит.

— Кому свежей рыбы? Живые бычки! Камбала, камбала, камбала! — закричала торговка, передохнув, и вдруг, не глядя на Гаврика, сказала: — Ну? Покажь!

Мальчик открыл дверцу садка и придвинул его к торговке.

— Бычки, — сказал он почтительно.

Она запустила в садок пятерню и проворно вытащила несколько бычков; посмотрела на них вскользь и уставилась на Гаврика круглыми глазами, черными и синими, как виноград «изабелла».

— Ну? Где ж бычки?

Гаврик молчал.

— Я тебя спрашиваю: где бычки?

Мальчик в тоске переступил с ноги на ногу и скромно

улыбнулся, желая превратить неприятный разговор в шутку.

— Так вот же бычки, тетя. У вас в руках. Что вы, не видите?

— Где бычки? — закричала вдруг торговка, делаясь от гнева красной, как свекла. — Где бычки? Покажи мне, где? Я не вижу. Может быть, вот это, что я держу в руках? Так это не бычки, а воши! Тут разве есть, что жарить? Тут даже нет, чего жарить! Что вы мне все носите мелочь и мелочь?..

Гаврик молчал.

Конечно, нельзя сказать, что бычки были крупные, но, уж во всяком случае, и не такая мелочь, как кричала торговка. Однако возражать не приходилось.

Окончив кричать, торговка совершенно спокойно принялась перекладывать бычки из садка в свою корзину, ловко отсчитывая десятки.

Ее руки мелькали так быстро, что Гаврик не успевал следить за счетом. Ему казалось, что она хочет его обдурить. Но не было никакой возможности проверить. В ее корзине лежали другие бычки.

Поди разберись!

Гаврика охватил ужас. Он вспотел от волнения.

— Для ровного счета две с половиной сотни, — сказала торговка, закрывая корзину рогожкой. — Забирай садок. До свиданья. Скажешь деду, что с него еще остается восемьдесят копеек. Чтoб он помнил. И пускай больше не присылает мелочь, а то не буду брать!

Мальчик остолбенел. Он хотел что-то сказать, но горло сжалось.

А торговка уже кричала, не обращая на него ни малейшего внимания:

— Камбала, камбала, камбала! Бычки, бычки, бычки!

— Мадам Стороженко, — наконец с большим трудом выговорил мальчик, — мадам Стороженко...

Она нетерпеливо обернулась:

— Ты еще здесь? Ну?

— Мадам Стороженко... сколько же вы даете за сотню?

— Тридцать копеек сотня, итого семьдесят пять копеек, да вы мне остались один рубль пятьдесят пять, значит еще с вас восемьдесят. Так и скажешь дедушке. До свиданья.

— Тридцать копеек сотня!

Гаврику хотелось кричать от обиды и злости. Дать бы ей изо всей силы кулаком в морду, так, чтоб из носа потекла юшка. Обязательно чтоб потекла. Или укусить...

Но вместо этого он вдруг заискивающе улыбнулся и проговорил, чуть не плача:

— Мадам Стороженко, вы же всегда давали по сорок пять...

— Скажите спасибо, что даю за такую рвань по тридцать. Иди с богом!

— Мадам Стороженко... Вы же сами торгуете по восемьдесят...

— Иди, иди, не морочь голову! Мой товар. По сколько надо, по столько и торгую. Ты мне можешь не указывать... Камбала, камбала, камбала!

Гаврик посмотрел на мадам Стороженко. Она сидела на своей детской скамеечке — громадная, неприступная, каменная.

Он мог бы ей сказать, что у них с дедушкой совершенно нет денег, что надо обязательно купить хлеба и мяса для наживки, что требуется всего-навсего копеек пятнадцать-двадцать, — но стоило ли унижаться?

В мальчике вдруг заговорила рыбацкая гордость.

Он вытер рукавом слезы, щипавшие облупленный носик, высморкался двумя пальцами в пыль, вскинул на плечо легкий садок и пошел прочь своей цепкой, черноморской походочкой.

Он шел и думал, где бы раздобыть мяса и хлеба.

ШАЛАНДА В МОРЕ

Заметив, что пароход не остановился и не спустил шлюпки, а продолжает прежний курс, матрос немного успокоился и пришел в себя.

Он почти не спал двое суток, прошел пешком верст сорок или пятьдесят, переволновался. В глазах было темно-важно...

Иногда ему казалось, что он теряет сознание. Иногда начинало тошнить. А то вдруг его охватывал короткий припадок страха. Одиночество и глубина пугали его.

Раньше с ним этого никогда не бывало. Похоже на то, что он заболел.

Новый приступ страха охватил матроса. Вот-вот разорвется сердце, и он пойдет ко дну. Он хотел крикнуть, но не мог разжать зубы.

Вдруг он услышал нежный всплеск весел и немного погодя увидел почти черный силуэт шаланды.

Он собрал все силы и двинулся за ней, отчаянно толкая воду ногами. Он догнал ее и успел схватиться за высокую корму.

Перехватывая руками, кое-как добрался до борта, где было пониже, натужился и заглянул в шаланду.

— А ну, не балуйся! — закричал Гаврик сумрачным басом, увидев мокрую голову, высунувшуюся над качнувшимся бортом.

Появление этой головы несколько не удивило мальчика. Одесса славилась своими пловцами.

Иные из них, случалось, заплывали версты за три, за четыре от берега и возвращались назад поздним вечером. Вероятно, это один из таких пловцов.

Но уж если ты такой герой, так не хватайся за чужую шаланду и не отдыхай, а плыви сам! А здесь люди и без тебя усталые, только что с работы.

— А ну, не валяй дурака, отцепляйся! А то сейчас веслом как двину!..

И мальчик для пушней остратки даже сделал вид, что снимает весло с колышка, точь-в-точь как это делал в подобных случаях дедушка.

— Я... больной... — задыхаясь, сказала голова.

Из-за борта протянулась дрожащая рука в налипшем рукаве вышитой рубахи.

Тут Гаврик сразу сообразил, что это не пловец: пловцы в вышитых рубахах по морю не плавают.

— Ты что, тонул?

Матрос молчал. Его руки и голова безжизненно висели внутри шаланды, в то время как ноги в подштанниках волежались снаружи по воде. Он был в обмороке.

Гаврик и дедушка побросали весла и с трудом втащили вялое, но страшно тяжелое тело в шаланду...

Дедушка покрутил головой:

— История!..

— Дядя, откуда вы? — спросил мальчик.

Матрос опять проглотил слюну, хотел сказать, но только протянул руку вдаль и тотчас уронил ее в бессилии.

— Ой, ну его к черту! — пробормотал он неразборчивой скороговоркой. — Не показывайте меня людям... Я матрос... схватите где-нибудь... а то повесят... ей-богу, правда... святой истинный...

Он хотел, видимо, перекреститься, но не смог поднять руку. Хотел улыбнуться своей слабости, но вместо улыбки по его глазам прошла поволока.

И он опять потерял сознание.

Дедушка и внучек переглянулись, но не сказали друг другу ни слова.

Время было такое, что лучше всего — знать да помалкивать.

Они осторожно положили матроса на решетчатом настиле, в клетках которого хлюпала невычерпанная вода, подсунули ему под голову бочонок и сели на весла.

Гребли они помаленьку, не спеша, с таким расчетом, чтобы добраться до берега, когда уже совсем стемнеет. Чем темнее, тем лучше. Они даже, прежде чем пристать, покрутились немного между знакомых скал.

К счастью, на берегу никого не было.

Стояла теплая глубокая тьма, полная сверчков и звезд. Дедушка и внучек вытащили шаланду на берег. Таинственно зашуршала галька.

Дедушка остался охранять больного, а Гаврик сбегал посмотреть, нет ли кого поблизости.

Он скоро вернулся неслышными шагами. По этим шагам дедушка понял, что все в порядке. Они с большим трудом, но осторожно вытащили матроса из шаланды и поставили его на ноги, поддерживая с обеих сторон.

Матрос обнял Гаврика за шею и прижал к своему уже обсохшему, необыкновенно горячему телу. Он грузно навалился на мальчика, едва ли что-нибудь соображая.

Гаврик расставил ноги крепче и прошептал:

— Идти можете?

Матрос ничего не ответил, но сделал, шатаясь, несколько шагов, как лунатик.

— Потихонечку, потихонечку, — приговаривал дед, поддерживая матроса за спину.

— Тут недалеко, дядя... два шага...

Они наконец поднялись на горку. Их никто не видел. А если бы даже и увидел, то вряд ли обратил бы внимание на белую шатающуюся фигуру, ведомую стариком и мальчиком.

Картина известная. Пьяного рыбака ведут родственники до дому. А что рыбак при этом не ругается и не орет песен, так это просто потому, что уж чересчур много хватил монопошки¹.

Едва матроса ввели в пахучую, жаркую тьму хибарки, как он тотчас рухнул на дощатую койку...

«БАШЕННОЕ, ОГОНЬ!»

Ночь прошла очень тревожно.

Матрос рвал на груди рубаху. Ему было душно.

Дедушка потушил коптилку и отворил дверь, чтобы впустить свежего воздуха.

Матрос увидел звездное небо и не понял, что это такое. Ночной ветерок влетел в хибарку и освежил его голову.

Гаврик лег на бурьян возле двери, прислушиваясь к каждому шороху.

До утра мальчик не сомкнул глаз. Отлежал локоть. Дедушка устроился на земляном полу хибарки и тоже не спал, слушая сверчков, волну и стоны больного, который иногда вдруг взволнованно вскакивал, крича слабым, прозрачным голосом:

— Башенное, огонь! Кошуба! Бей, башенное!..

И всякую другую чепуху.

Тогда дедушка крепко брал его за плечи, осторожно тряс и шептал в самый его рот, дышащий жаром:

— Ляжь, не кричи. За ради самого господ бога, не бузуй. Ляжь и молчи. Наказанье!

И матрос понемножку утихал, поскрипывая зубами.

Кто же такой был этот странный больной?

В числе семисот матросов, высадившихся с броненосца «Потемкин» на румынский берег, был Родион Жуков.

Ничем замечательным не отличался он от прочих матросов мятежного корабля.

С первой минуты восстания, с той самой минуты, когда командир броненосца в ужасе и отчаянии бросился на колени

¹ Монопошка (устар.) — винная лавка; здесь: водка.

перед командой, когда раздались первые винтовочные залпы и трупы некоторых офицеров полетели за борт, когда матрос Матюшенко с треском отодрал дверь адмиральской каюты, той самой каюты, мимо которой до сих пор страшно было даже проходить, с той самой минуты Родион Жуков жил, думал и действовал так же, как и большинство остальных матросов, — в легком тумане, в восторге, в жару, — до тех пор, пока не пришлось сдаться румынам и высадиться в Констанце.

Никогда до сих пор не ступала нога Родиона на чужую землю. А чужая земля, как бесполезная воля, широка и горька. «Потемкин» стоял совсем близко от пристани.

Среди фелюг¹ и грузовых пароходов, трехтрубный и серый, окруженный яликами, яхтами и катерами, рядом с тощим румынским крейсером он был бессмысленно велик...

— Просто срам... Чистый срам! Орудия двенадцатидюймовые, боевых патронов хоть залейся, наводчики один в одного. Даром Кошубу не послушались. Дорофей Кошуба правильно говорил: кондукторов, паршивых шкур, — за борт! «География Победоносца» — потопить. Идти на Одессу высаживать десант. Весь бы одесский гарнизон подняли, всех бы рабочих, все бы Черное море! Эх, Кошуба, Кошуба, было бы тебя послушаться... А то такая ерунда получилась!

В последний раз поклонился Родион своему родному кораблю.

— Ладно, — сказал он сквозь зубы, — ладно. За нами не пропадет. Все равно всю Россию подыдем.

Через несколько дней, купив на последние деньги вольную одежду, он ночью переправился через гирло Дуная, возле Вилково, на русскую сторону.

План у него был такой: добраться степью до Аккермана, от туда на барже или на пароходе в Одессу; из Одессы до родного села Нерубайского — рукой подать. А там — как выйдет...

Одно только знал Родион наверняка: что к прошлому для него все пути заказаны, что прежняя его жизнь, подневольная матросская жизнь на царском броненосце и трудная родная крестьянская жизнь дома, в голубой мазанке с синими окошками среди желтых и розовых мальв, отрезана от него навсегда.

Теперь — либо на виселицу, либо скрываться, поднять восстание, жечь помещиков, идти в город искать комитет.

¹ Фелюга — небольшое парусное судно.

Он почувствовал себя худо еще в дороге. Но останавливаться было уже нельзя.

Он шел больной.

И вот теперь... Что это с ним происходит? Где он лежит? Почему в дверях качаются звезды? И звезды ли это?

Черным морем обступила Родиона ночь...

ЧЕСТНОЕ БЛАГОРОДНОЕ СЛОВО

— О, Гаврик!

— О, Петька!

Этими двумя возгласами изумления и радости, собственно, и закончился первый момент встречи закадычных друзей.

Мальчики не обнимались, не тискали друг другу рук, не заглядывали в глаза, как, несомненно, на их месте поступили бы девочки.

Они не расспрашивали друг друга о здоровье, не выражали громко восторга, не суеились.

Они поступили, как подобало мужчинам, черноморцам: выразили свои чувства короткими, сдержанными восклицаниями и тотчас перешли к делу, как будто бы расстались только вчера.

— Куда ты идешь?

— На море.

— А ты?

— На Ближние Мельницы, к братону.

— Зачем?

— Надо. Пойдешь?..

Разумеется, пойти без спросу на Ближние Мельницы являлось поступком ужасным...

Минут десять его мучила совесть. Он колебался.

Впрочем, это не мешало ему уже давно шагать рядом с Гавриком по городу и, захлебываясь, рассказывать о своих дорожных приключениях.

Так что, когда в страшной борьбе с совестью победа осталась все-таки на стороне Пети, а совесть была окончательно раздавлена, оказалось, что мальчики зашли уже довольно далеко.

Правила хорошего тона предписывали черноморским мальчикам относиться ко всему на свете как можно равнодушнее.

Однако Петин рассказ, против всяких ожиданий, произвел на Гаврика громадное впечатление. Гаврик ни разу не сплюнул презрительно через плечо и ни разу не сказал: «Брешешь».

Пете показалось даже, что Гаврик испугался. Но Петя тотчас приписал это своему таланту рассказчика.

Он раскраснелся и кричал на всю улицу, изображая страшную сцену в лицах:

— Тогда этот ка-ак ударит его по морде щепкой с гвоздем! Честное благородное слово! А тогда тот ка-ак закричит на весь «Тургенев»: «Сто-ой, сто-о-ой!» Можешь мне наплевать в глаза, если вру. А тогда этот ка-ак вскочит на перила да как соскочит в море — бабах! — аж только брызги полетели, высокие, до четвертого этажа, чтоб я пропал, святой истинный крест!..

Петя так размахался руками и так распрыгался, что опрокинул у какой-то лавочки корзину с рожками, и мальчикам пришлось, высунув языки, два квартала бежать от хозяина.

— А этот был какой? — спросил Гаврик. — С якорем на руке, что ли?

— Ну да! Ясно! — возбужденно орал Петя, тяжело переводя дух.

— Вот тут якорь?

— Ясно. А ты откуда знаешь?

— Не видал я матросов! — буркнул Гаврик и сплюнул совершенно как взрослый...

— А тот, — сказал Гаврик, — был в «скороходах» и в очках?

— В пенсне.

— Нехай будет так.

— А ты откуда знаешь?

— Не видал я агентов из сыскаго?

Окончив свою историю, Петя поспешно облизал губы и тотчас, без передышки, стал рассказывать ее опять с самого начала.

Трудно себе представить муки, которые при этом испытывал Гаврик. Перед тем, что знал он, Петины приключения не стоили выведенного яйца! Гаврику стоило только намекнуть, что этот самый таинственный матрос в данный момент находится у них в хибарке, как с Петьки тотчас соскочил бы всякий фасон.

Но приходилось молчать и слушать во второй раз Петину болтовню. И это было нестерпимо.

А может быть, все-таки намекнуть? Так только, одно словечко. Нет, нет, ни за что! Петька обязательно разболтает. А если взять с него честное благородное слово? Нет, нет, все рав-

но разболтает. А если заставить перекреститься на церковь? Пожалуй, если заставить — на церковь, то не разболтает...

Словом, Гаврика терзали сомнения.

Язык чесался до такой степени, что иногда мальчик, чтобы не начать болтать, с силой сжимал себе пальцами губы.

Однако ничто не помогало. Открыть тайну хотелось все сильней и сильней. А Петя между тем продолжал с жаром рассказывать, изображая, как ехал дилижанс, как из виноградника выскочил страшный матрос и напал на кучера, как Петя на него закричал и как тот спрятался под скамейку...

Это было уже слишком. Гаврик не выдержал:

— Дай честное благородное слово, что никому не скажешь!

— Честное благородное слово, — быстро, не моргнув глазом, сказал Петя...

Гаврик некоторое время шел молча, сопя и отплевываясь. В нем все еще продолжалась борьба с искушением. Но искушение побеждало.

— Петька, — сказал Гаврик шепотом, — перекрестись на церкву.

Петя, сгоравший от нетерпения поскорее услышать секрет, стал искать глазами церковь...

Петя истово помолился на золотой крест с цепями и проговорил с убеждением:

— Святой истинный крест, что не скажу! Ну?

— Слышь, Петька...

Гаврик кусал губы и грыз себе руку. У него в глазах стояли слезы.

— Слышь, Петька... Ешь землю, что не скажешь!

Петя внимательно осмотрелся по сторонам и увидел под стеной подходящую, довольно чистую землю. Он выцарапал ногтями щепотку и, высунув язык, свежий и розовый, как чайная колбаса, положил на него землю. После этого он вопросительно повернул выпученные глаза к приятелю.

— Ешь! — мрачно сказал Гаврик.

Петя зажмурился и начал старательно жевать землю.

Но в этот миг на дороге послышался странный нежный звон.

Два солдата конвойной команды, в черных погонах, с шапками наголо, вели арестанта в кандалах. Третий солдат, с револьвером и толстой разносной книгой в мраморном переплете, шел сзади. Арестант в ермолке солдатского сукна и в таком

же халате, из-под которого высывались серые подштанники, шел, опустив голову...

Мальчики остановились и, открыв рты, разглядывали косо посаженные безкозырки солдат, синие револьверные шнуры и ярко-белые ножи качающихся вместе с руками шашек, на кончиках которых ослепительно вспыхивало солнце.

— Проходите, не останавливайтесь, — не глядя на мальчиков, сказал сердито солдат с книгой. — Не приказано смотреть.

Арестанта провели.

Петя вытер язык рукавом и сказал:

— Ну?

— Чего?

— Ну, теперь скажи.

Гаврик вдруг злобно посмотрел на приятеля, с ожесточением согнул руку и сунул заплатанный локоть Пете под самый нос:

— На! Пососи!

Петя глазам своим не поверил. Губы у него дрогнули.

— Я ж землю кушал! — проговорил он, чуть не плача.

Глаза Гаврика блеснули диким лукавством, и он, присев на корточки, завертелся юлой, крича оскорбительным голосом:

— Обманули дурака на четыре кулака, на пятое стуло, чтоб тебя раздуло!

Петя понял, что попал впросак: никакой тайны у Гаврика, разумеется, не было, а он только хотел над ним посмеяться — заставить есть землю! Это, конечно, обидно, но не слишком.

В другой раз он выкинет с Гавриком такую штуку, что тот не обрадуется. Посмотрим!..

ДЯДЯ ГАВРИК

— Тута!

Гаврик толкнул ногой калитку, и друзья пролезли в сухой палисадник, обсаженный лиловыми петушками...

Из деревянных сеней... мазанки выглянула... женщина.

Она увидела мальчиков и, вытирая ситцевым передником руки, сказала, обернувшись назад:

— Ничего. Это до тебя братик прийшов.

Из-за спины женщины выдвинулся большой мужчина в полосатом матросском тельнике с рукавами, отрезанными по самым плечи, толстые, как у борца.

Выражение его сконфуженного конопатого лица, покрытого

мельчайшими капельками пота, совсем не соответствовало атлетической фигуре. Насколько фигура была сильной и даже как бы грозной, настолько лицо казалось добродушным, почти бабьим.

Подтянув ремешок штанов, мужчина подошел к мальчикам.

— Это Петька с Канатной, угол Куликова поля, — сказал Гаврик, небрежно мотнув головой на приятеля. — Учителя мальчик. Ничего.

Терентий вскользь посмотрел на Петю и уставился на Гаврика небольшими глазками с веселой искоркой.

— Ну, где ж те башмаки, которые я тебе справил на пасху? Что ты ходишь, все равно как босаяк с Дюковского сада?

Гаврик печально и длинно свистнул.

— Эге-э-э, где теи башмаки-и-и...

— Босаявка ты, босаявка!

Терентий сокрушенно покрутил головой и пошел за дом, куда последовали мальчики.

Тут, к неописуемому восхищению Пети, на старом кухонном столе, под шелковицей, была устроена целая слесарно-механическая мастерская. Даже шумела паяльная лампа. Из короткого дула, как из пушечки, вырывалось сильное обрубленное лазурное пламя.

...Петя даже высунул от восхищения язык, что совсем не подобало такому большому мальчику. Вероятно, он так бы никогда и не отошел от стола, если бы вдруг не обратил внимания на девочку с ребенком на руках, подошедшую к шелковице.

Девочка не без труда подняла толстого годовалого ребенка с двумя ярко-белыми зубами в коралловом ротике и поднесла его к Гаврику.

— Посмотри, кто пришел, агу! Гаврик пришел, агу! Скажи дяде Гаврику: «Здравствуйте, дядя Гаврик!»

Гаврик с чрезвычайной серьезностью полез за пазуху и, к безграничному удивлению Пети, извлек оттуда красного леденечного петуха на палочке.

Три часа таскать с собой такое лакомство и не только не попробовать его, но даже не показать — это мог сделать только человек с неслыханной силой воли! Гаврик протянул петуха ребенку:

— На!

— Возьми, Женечка, — засуетилась девочка, поднося ребенка к самому петушку. — Возьми ручкой. Видишь, какого тебе

гостинца принес дядя Гаврик. Возьми петушка ручкой. Вот так, вот так...

— Это Петя с Канатной, угол Куликова, — сказал Гаврик, — пойди с ним поиграй, Мотя...

Мотя послушно отнесла ребенка в дом и вернулась, прямая, как палка, со втянутыми щеками, страшно серьезная.

Она остановилась шагах в четырех от Пети и, глотнув как можно больше воздуха, сказала, запинаясь и скосив глаза, естественно тонким голосом:

— Мальчик, хотите, я вам покажу русско-японские картины?

— Покажь, — сказал Петя тем сиплым, небрежным голосом, каким, по правилам хорошего тона, следовало разговаривать с девочками. При этом он старательно и довольно удачно плюнул через плечо.

— Пойдем, мальчик...

* * *

Петя снисходительно согласился...

Потом они поиграли в картонки, причем Петя начисто обыграл девочку. Но у нее сделалось такое несчастное лицо, что ему стало жалко, и он не только отдал ей обратно все выигранные картонки, но даже великодушно подарил все свои. Пускай знает!

Потом натаскали сухого бурьяна, щепочек и затопили кукольную плиту. Дыму было много, а огня совсем не вышло. Бросили и стали играть в «дыр-дыра», иначе — в прятки.

...Словом, все было так необыкновенно, так увлекательно, что Петя даже не обратил внимания на Гаврика, подошедшего в самый разгар игры.

— Петька, как звать того матроса? — озабоченно спросил Гаврик.

— Какого матроса?

— Который прыгал с «Тургенева».

— Не знаю...

— Ты же еще рассказывал, что его на пароходе как-то там называл тот усатый черт из сысного.

— Ну да... Ах, да!.. Жуков. Родион Жуков... Не мешай, мы играем.

...Вскоре пришла Мотина мать звать ужинать.

— Мотя, приглашай своего кавалера кулеш¹ кушать, а то они, наверно, голодный.

Мотя сильно покраснела, потом побледнела, стала опять прямой, как палка, и произнесла сдавленным голосом:

— Мальчик, хотите с нами кушать кулеша?

Только сейчас Петя почувствовал голод. Ведь он сегодня не обедал!

Ах, никогда в жизни не ел он такого вкусного, густого кулеша с твердоватой, упоительно придымленной картошечкой и маленькими кубиками свиного сала!

После этого чудеснейшего ужина на свежем воздухе под той же шелковицей мальчики отправились домой.

С ними пошел в город и Терентий...

* * *

...Гаврик вернулся в хибарку, где застал дедушку и матроса в большом волнении. Оказывается, совсем недавно, только что, к ним заходила какая-то комиссия из городской якобы управы проверять разрешение на рыбную ловлю. Бумаги оказались в исправности.

— А это у тебя кто лежит? — спросил вдруг господин с портфелем, заметив матроса.

Дедушка замаялся.

— Больной, что ли? Если больной, то что ж ты его не отведишь в больницу?

— Не, — сказал дедушка, напуская на себя веселое равнодушие, — он не больной, а только пьяный.

— А, пьяный. Сын, что ли?

— Не.

— Чужой?

— Я же вам говорю, ваше благородие: пьяный!

— Я понимаю, что пьяный, да откуда он у тебя?

— Как это откуда? — забормотал дедушка, прикидываясь совсем выжившим из ума стариком. — Ну, пьяный и пьяный, известное дело...

Господин внимательно посмотрел на матроса.

— Что ж он, так и валялся в бурьяне в одних подштаниках?

¹ Кулеш — жидкая каша, похлебка.

— Так и валялся.

— Эй, ты, а ну-ка, дыхни! — закричал господин, совсем близко наклоняясь к матросу.

Жуков сделал вид, что ничего не слышит, и повернулся лицом к стенке, закрыв голову подушкой.

— Пьяный, а вином не пахнет, — заметил господин и, строго уставившись на дедушку, прибавил: — Смотри!

С тем комиссия и удалилась.

Гаврику это не понравилось...

Несмотря на свои девять с половиной лет, Гаврик в иных случаях жизни действительно разбирался лучше, чем многие взрослые. Да и не мудрено. Мальчик с самых ранних лет жил среди рыбаков, а одесские рыбаки, в сущности, мало чем отличались от матросов, кочегаров, рабочих из доков, портовых грузчиков, то есть самой нищей и самой вольнолюбивой части городского населения.

Все эти люди на своем веку довольно хлебнули горя и на собственной шкуре испытали, «почем фунт лиха», что взрослые, что дети — безразлично. Может быть, детям было даже еще хуже, чем взрослым.

Шел тысяча девятьсот пятый год, год первой русской революции.

Все нищие, обездоленные, бесправные подымались на борьбу с царизмом. Рыбаки занимали среди них не последнее место. А борьба начиналась лютая: не на жизнь, а на смерть. Борьба учила хитрости, осторожности, зоркости, смелости.

Все эти качества совершенно незаметно, исподволь, росли и развивались в маленьком рыбаке.

Брат Гаврика, Терентий, тоже сперва рыбачил, но потом женился и пошел работать в вагонные мастерские. По множеству признаков Гаврик не мог не догадываться, что старший брат его имеет какое-то отношение к тому, что в те времена называлось глухо и многозначительно — «движение».

Бывая в гостях у Терентия на Ближних Мельницах, Гаврик частенько слышал, как братон говорил слова «комитет», «фракция», «явка»... И хотя смысла их Гаврик не понимал, однако чувствовал, что слова эти связаны с другими, понятными всякому: «забастовка», «сыскное», «листовка».

Особенно хорошо было известно Гаврику, что такое листовки — эти странички плохой бумаги с мелкой серой печатью. Однажды, по просьбе Терентия, Гаврик даже разносил их ночью

по берегу и клал, стараясь, чтобы никто не заметил, в рыбацьи шаланды.

Тогда Терентий сказал:

— А как кто-нибудь увидит — прямо кидай их в воду и тикай. А как поймают — скажи, что нашел в бурьяне.

Но все обошлось благополучно.

Вот именно поэтому Гаврик прежде всего и решил рассказать про матроса брату своему, Терентию. Мальчик знал, что Терентий все устроит. Однако он понимал, что следует еще кое-с кем посоветоваться, кое-где побывать, может быть, даже в том самом «комитете».

Значит, нужно пока что ждать. Но ждать становилось опасно...

ПОГОНЯ

Уже смеркалось, когда дверь хибарки неожиданно открылась и вошел большой человек, на миг заслонив собой звезды. Матрос вскочил.

— Ничего, дядя, сидите, это наш Терентий, — сказал Гаврик. Матрос сел, сился в темноте рассмотреть вошедшего.

— Вечер добрый, — сказал голос Терентия. — Кто тут есть, никого не вижу. Почему лампу не зажигаете: керосина нема чи шо?

— Ще трошки есть, — прокрихтел дедушка и зажег лампочку.

— Здоров, диду, как дело? А я вышел сегодня в город — и дай, думаю, заскочу до своих родичей. Э, да я вижу, у вас тут еще кто-то есть в хате! Здравствуйте!

Терентий быстро, но очень внимательно оглядел матроса при слабом свете разгоравшейся коптилки.

— Наш утопленник, — с добродушной усмешкой пояснил дедушка.

— Слыхал.

Матрос с сумрачным сомнением смотрел на Терентия и молчал.

— Родион Жуков? — спросил Терентий почти весело.

Матрос вадрогнул, но взял себя в руки. Он еще тверже уперся кулаками в койку и, сузив глаза, выговорил с дерзкой улыбкой:

— Допустим, Жуков. А вы кто такой, что я вам обязан-

ный отвечать? Я, может быть, обязанный отвечать лишь перед одним комитетом.

Усмешка сошла с рябоватого лица Терентия. Гаврик никогда не видел брата таким серьезным.

— Можешь меня считать за комитет, — немного подумав, заметил Терентий и сел рядом с матросом на койку.

— Чем вы докажете? — упрямо сказал матрос, отвергая товарищеское «ты» и отодвигаясь.

— Надо сначала, чтоб вы доказали, — ответил Терентий.

— Кажется, мои факты довольно-таки ясные. — И матрос сердито показал глазами на ноги в подштанниках.

— Мало что!

Терентий подошел к двери, приоткрыл ее и негромко сказал в щель:

— Илья Борисович, зайдите на минуту.

Тотчас зашумел бурьян, и в хибарку вошел маленький, щуплый, очень молодой человек в пенсне с черной тесемкой, заложенной за ухо. Под старой расстегнутой тужуркой виднелась черная сатиновая косоворотка, подпоясанная ремешком. На обросшей голове сидела приплюснутая техническая фуражка.

Матросу показалось, что он уже где-то видел этого «студента».

Молодой человек стал боком, поправил пенсне и посмотрел на матроса одним глазом.

— Ну? — спросил Терентий.

— Я видел товарища утром пятнадцатого июня на Платоновском молу в карауле у тела матроса Вакулинчука, зверски убитого офицерами, — быстро и без передышки проговорил молодой человек. — Вы там были, товарищ?

— Факт!

— Видите. Стало быть, я не ошибся.

Тогда Терентий молча достал из-под пиджака сверток и положил на колени матросу.

— Пара брюк, ремешок, тужурка, ботинок, к сожалению, не достали, пока будете ходить так, а потом купите, не теряя времени — одевайтесь, мы можем отвернуться, — так же быстро и без знаков препинания высыпал молодой человек, прибавив: — А то мне кажется, что за этим домом слежка.

Терентий мигнул:

— А ну-ка, Гаврик.

Мальчик сразу понял и тихонько выбрался из хибарки в темноту. Он остановился. Прислушался. Ему показалось, что на огороде трещит сухая картофельная ботва.

Он пригнулся, сделал несколько шажков и вдруг, прыгнув к темноте, ясно увидел посреди огорода две неподвижные фигуры.

У мальчика захватило дух. В ушах так зашумело, что он перестал слышать море. Прикусив изо всех сил губу, Гаврик совсем неслышно пробрался за хибарку, с тем чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь на тропинке.

На тропинке стояло еще двое, из которых один белел кистелем.

Гаврик пополз к горке и увидел на ней несколько городовых¹. Он сразу узнал их по белым кителям. Хибарка была окружена.

Мальчик хотел броситься назад, как вдруг почувствовал большую горячую руку, крепко схватившую его сзади за шею. Он рванулся, но тотчас получил подножку и полетел лицом в бурьян.

Сильные руки схватили его. Он вывернулся и, к ужасу своему, нос к носу увидел над собой усатого, его открытый рот, из которого разило говядиной, его жесткий, как сосновая доска, солдатский подбородок.

— Дяденька-а-а, — притворно тонким голосом заплакал Гаврик.

— Молчи, шкура... — зашипел усатый.

— Пусти-и-ите!

— А ну, покричи у меня, сволочуга, — сквозь зубы выцедил усатый, взяв железными пальцами мальчика за ухо.

Гаврик съежился и диким голосом закричал, повернув лицо к хибарке:

— Тикайте!

— Молчи, убью!

Усатый так рванул ухо, что оно затрещало. Показалось, что лопнула голова. Ужасная, ни с чем не сравнимая боль обожгла мозг. Вместе с тем Гаврик почувствовал прилив ненависти и ярости, от которого потемнело в глазах.

¹ Городовый — полицейский.

— Тикайте! — еще раз закричал он во всю глотку, корчась от боли.

Усатый навалился на Гаврика, продолжая одной рукой изо всех сил крутить ухо, а другой затыкая рот. Но мальчик катался по земле, кусая потную, ненавистную волосатую руку, и, обливаясь слезами, иступленно орал:

— Тикайте! Тикайте! Тика-а-айте-е-е!

Усатый яростно отшвырнул мальчика и кинулся к хибарке. Раздался длинный полицейский свисток.

Гаврик поднялся на ноги и сразу понял, что его крик был услышан: три фигуры — две рослые и одна маленькая — выскочили из хибарки и, спотыкаясь, бежали через огород.

Два белых кителя преградили им дорогу. Беглецы хотели повернуть, но увидели, что окружены.

— Стой! — закричал в темноте незнакомый голос.

— Илья Борисович, стреляйте! — услышал мальчик отчаянный крик Терентия.

В тот же миг сверкнули огоньки, и раздалась подряд три револьверных выстрела, похожих на хлопанье кнута. По крикам и возне Гаврик понял, что в темноте происходит свалка.

Неужели их возьмут? Ничего не соображая от ужаса, Гаврик бросился вперед, как будто мог чем-нибудь помочь.

Не успел он пробежать и десяти шагов, как увидел, что из свалки вырвались все те же три фигуры — две большие и одна маленькая, — кинулись к обрыву и пропали в темноте.

— Держи! Держи-и-и!

Вылетел красный сноп огня. Ударил сильный выстрел из полицейского смит-вессона. Вверху на обрывах заливались свистки городских. Было похоже, что оцеплен весь берег.

Мальчик в отчаянии прислушивался к шуму погони. Он совершенно не понимал, зачем Терентий выбрал для бегства это направление. Надо быть сумасшедшим, чтобы взбираться вверх: там засада, и наверняка их там схватят. Лучше было бы проскользнуть вдоль берега.

Гаврик пробежал еще немного, и ему показалось, что он видит, как по крутому, почти отвесному обрыву карабкаются три фигурки. Верная гибель!

— Ой, Терентий, куда ж вы полезли! — с отчаянием шептал мальчик, кусая руки, чтоб не заплакать, а едкие слезы щекотали нос и кипели в горле.

И вдруг, в одну секунду, мальчик понял, зачем понадоби-

лось им лезть в обрыв. Он совсем упустил из виду... А ведь это так просто! Дело в том, что... Но в это время усатый налетел на Гаврика, схватил его под мышку и, разрывая на нем рубаху, поволок его обратно. Он с силой толкнул мальчика в хибарку. Возле нее уже стояло двое городских. Гаврик больно треснулся скулой о косяк и упал в угол на дедушку, сидевшего на земле.

— Уйдут — головы сорву! — крикнул усатый городовой и выбежал вон.

Гаврик сел рядом с дедушкой, совершенно так же, как и он, подвернув ноги. Они сидели, ничего не говоря, прислушиваясь к свисткам и крикам, мало-помалу затихающим в отдалении.

Наконец шума совсем не стало слышно.

Тогда Гаврик почувствовал ухо, о котором было забыл. Оно ужасно болело. Казалось раскаленным. До него страшно было дотронуться.

— У, дракон, чисто все ухо оторвал! — проговорил Гаврик, изо всех сил сдерживая слезы и желая казаться равнодушным.

Дедушка искоса посмотрел на него. Глаза старика были неподвижны, страшные своей глубокой пустотой. Губы мягко жевали. Он долго молчал. Наконец покачал головой и укоризненно произнес:

— Видели вы, господа, такое дело, чтобы уши детям обрывать? Разве это полагается?

Он тяжело вздохнул и опять зажевал губами. Вдруг суетливо наклонился к Гаврику, испуганно посмотрел на дверь — не подслушивает ли кто — и шепнул:

— Ничего не слышать, ушли они или остались?

— Они на обрыв полезли, — быстро и тихо сказал мальчик. — Терентий их повел до катакомбы. Если их по дороге не постреляют, непременно уйдут.

Дедушка повернул лицо к чудотворцу, прикрыл глаза и медленно, размашисто перекрестился, с силой вдавливая сложенные щепоткой пальцы в лоб, в живот, в оба плеча. Крошечная, еле заметная слеза поползла по щеке и пропала в морщине.

Под многими городами мира есть катакомбы. Катакомбы есть в Риме, Неаполе, Константинополе, Александрии, Париже, Одессе.

Когда-то, лет пятьдесят тому назад, одесские катакомбы были городскими каменоломнями, из которых выпиливали известняк для построек. Они и сейчас простираются запутанным лабиринтом под всем городом, имея несколько выходов за его чертой.

Жители Одессы, конечно, знали о существовании катакомб, но мало кто спускался в них, а тем более представлял себе их расположение. Катакомбы являлись как бы тайной города, его легендой.

Но недаром же Терентий был в свое время рыбаком. Он великолепно знал одесский берег и в точности изучил все выходы катакомб к морю.

Один из таких выходов находился в ста шагах позади хибарки, посредине обрыва. Это была узкая щель в скале, сплошь заросшая шиповником и бересклетом. Маленький ручеек просачивался из щели и бежал вниз по обрыву, заставляя вздрагивать ползучие растения и бурьян.

Отбившись от первого натиска городских и сыщиков, Терентий повел товарищей прямо к знакомой расселине.

Преследователи понятия о ней не имели. Они думали, что беглецы хотят дачами добраться в город. Полицейским это было на руку. Все дачи были оцеплены. Беглецы неизбежно попадали в засаду. Поэтому после первого же выстрела городовым было приказано больше не стрелять.

Однако, прождав внизу с четверть часа, пристав¹ Александровской части, который лично руководил облавой, послал околоточного надзирателя узнать, схвачены ли преступники.

Околоточный отправился в обход удобной дорогой и вернулся еще через четверть часа, сообщив, что беглецы наверху не появлялись. Таким образом, их не было ни наверху, ни внизу. Где же они? Было совершенно невероятно, чтобы они сидели где-нибудь посредине обрыва, в кустах, и ждали, пока их схватят.

Тем не менее пристав велел своим молодцам лезть вверх и обшарить каждый кустик. Страшно ругаясь, поминутно скользя лакированными сапогами по траве и глине, он сам полез на обрыв, больше не доверяя «этим болванам».

Они обшарили в темноте весь обрыв снизу доверху и ничего не нашли. Это было похоже на чудо. Не провалились же беглецы, в самом деле, сквозь землю!

— Ваше высокоблагородие! — раздался вдруг испуганный голос сверху. — Пожалуйте сюда!

— Что там такое?

— Так что, ваше высокоблагородие, катакомба!

Пристав схватился белыми перчатками за колючие ветки. Тотчас он был подхвачен дюжими руками и втащен на маленькую площадку.

Усатый зажигал спичку за спичкой. При свете их можно было рассмотреть заросшую кустами черную узкую щель в скале.

Пристав мигом понял, что дело проиграно. Ушла такая добыча! Он затрясся в ярости, затопал узкими сапогами и, тыча кулаками в белых перчатках направо и налево, куда попало, в морды, в скулы, в усы, кричал залихватским, осипшим от крика голосом:

— Что же вы стоите, бал-л-ваны?! Вперед! Обыскать все катакомбы! Головы посрываю, мор-р-ды р-р-раскрошу, к чертовой матери! Чтоб негодяи были схвачены! Марш!

Но он сам понимал, что все равно ничего не выйдет. Чтоб обыскать все катакомбы, надо, по крайней мере, недели две. Да и все равно напрасно, так как прошло уже больше получаса и беглецы, несомненно, уже давно в другом конце города.

Несколько городских с неохотой полезли в щели, беспрерывно зажигая спички, топтались недалеко от входа, оглядывая серые известняковые стены подземного коридора, терявшегося в могильной тьме.

Пристав изо всех сил плюнул и, дробно бренча шпорами, побежал вниз. Ярость душила его. Он рванул перекрашленный воротник пикейного кителя с такой силой, что отлетели крючки.

Крупно шагая по трескучему бурьяну, он подошел к хибарке и с остервенением дернул дверь. Городовые в ужасе вытянулись.

Пристав вошел в каморку и застыл, расставив ноги и зало-

¹ Пристав — в царской России начальник полиции небольшого участка.

жив судорожно играющие пальцы за спину. Тотчас за приставом в дверь пролез усатый.

— Ваше высокоблагородие, разрешите доложить, — таинственно шепнул он, показывая круглыми глазами на дедушку, — хозяин конспиративной¹ квартиры, а это его мальчишка.

Пристав, не глядя на усатого, протянул к нему руку, взял его ощупью всей белой растопыренной пятерней за потную морду и с яростным отвращением оттолкнул:

— Тебя, бал-лвана, не спрашивают. Сам знаю.

Гаврика охватил ужас. Он чувствовал, что сейчас произойдет что-то страшное. Бледный и маленький, с красным распухшим ухом, он смотрел, не мигая, на стройного, плечистого офицера в голубых шароварах и черной лаковой португальской через плечо.

Постояв таким образом не менее минуты, показавшейся мальчику часом, пристав присел боком на койку. Не спуская глаз с дедушки, он вытянул лаковый сапог, извлек из тесного кармана серебряную папиросницу с оранжевым трупом и закурил желтую папироску...

Пристав пустил из ноздрей дым, произнес вместе с дымом: «Н-ну-ссс» — и вдруг заорал во всю глотку так, что зазвенело в ушах:

— Встань, мерзавец, когда находишься в присутствии офицера!

Дедушка суетливо вскочил. Скрючив босые черные ноги и опираясь на тщедушное тело рубаху, старик уставился на пристава бессмысленными солдатскими глазами.

Гаврик видел, как дрожала дедушкина вытянутая шея и как двумя вожжами натягивалась под подбородком сухая кожа со старинным шрамом.

— Нелегальных² прячешь? — ледяным голосом произнес пристав.

— Никак нет, — прошептал дедушка.

— Говори: кто у тебя только что был?

— Не могу знать.

— Ах, ты не можешь знать! — И офицер медленно приставал. Сжав губы, он коротким и точным движением ударил

старика в ухо с такой силой, что тот отлетел и всем телом стукнулся в стенку.

— Говори: кто был?

— Не могу знать, — твердо сказал старик, двигая скулами.

Снова мелькнул кулак в белой перчатке. Из дедушкиных ноздрей потекли две слабые струйки крови. Старик зажмурился, вдавил голову в плечи и вскрикнул.

— За что же вы бьете, ваше благородие? — тихо, но грозно сказал дедушка, вытирая под носом и показывая пристава запачканную руку.

— Молчать! — заорал офицер, бледнея.

Большая бархатная родинка чернела на его гипсовом лице. Он с отвращением посмотрел на свою испорченную перчатку.

— Говори: кто был?

— Не могу знать...

Старик успел закрыть лицо руками и отвернуться к стенке. Удар пришелся по голове. Штаны на коленях обвисли. Дедушка стал медленно сползать вниз.

— Дядя, не бейте его, он — старик! — со слезами отчаяния закричал Гаврик, бросаясь к приставу.

Но пристав уже выходил из хибарки, крича:

— Взять мерзавца! Ответи!

¹ Конспиративный — подпольный, тайный.

² Нелегальный — не разрешенный законом, подпольный.

Городовые бросились к старику и схватили его, выворачивая локти. Они потащили его из хибарки, как куль соломы. Гаврик сел на пол и, кусая кулачки, зарыдал злыми, бешеными слезами.

Некоторое время он сидел не шевелясь, прислушиваясь одним ухом к шумам и шорохам ночи. Другое оглохло.

...Внезапно мальчик ясно почувствовал свое одиночество. Он торопливо задул огонь и бросился за дедушкой.

Роскошная августовская ночь висела над миром. Черное мерцающее небо осыпало бегущего мальчика звездами. Звон сверчков подымался, струясь, до самого Млечного Пути.

Но какое дело было измученному и оскорбленному ребенку до этой равнодушной красоты, не имевшей власти сделать его счастливым?

Гаврик бежал изо всех сил.

Он догнал дедушку лишь в городе, на Старопортофранковской улице, возле самого участка.

Два городских — один сидя, а другой стоя — везли дедушку на извозчике. Старик лежал, соскользнув с сиденья, в ногах у городского, поперек дрожек. Его голова бессильно прыгала и билась о подножку. По лицу, грязному от пыли и крови, бежал свет газовых фонарей.

Гаврик бросился к дрожкам, но они уже остановились у ворот участка. Городовые тащили спотыкающегося старика в ворота.

— Дедушка! — закричал мальчик.

Городовой слегка стукнул Гаврика ножами шашки по шее. Ворота закрылись. Мальчик остался один.

* * *

Наступила осень.

Петя уже ходил в гимназию. Из большого загорелого мальчика с длинными ногами в фильдекосовых чулках он, надев форму, превратился в маленького, выстриженного под нуль, лопоухого пригостишку, на гимназическом языке — «мартыхана».

...Гаврик больше не появлялся, и Петя его почти забыл, всецело занятый гимназией.

До поры до времени забыл о Петинем существовании и Гаврик.

Теперь он жил на Ближних Мельницах, у Терентия.

Дедушку все еще не выпускали. Он сидел то в Александровском участке, то в охранке, куда его часто возили ночью на извозчике. Но, как видно, старик умел держать язык за зубами, так как Терентия до сих пор не трогали.

Куда девался матрос, Гаврик в точности не знал. Расспрашивать же Терентия он не считал нужным. Впрочем, по некоторым признакам можно было заключить, что матрос в безопасности и находится где-то поблизости.

Мало ли было на Ближних Мельницах трущоб и закоулков, где человек мог сгинуть, пропасть, исчезнуть? И мало ли было таких сгинувших до поры до времени людей в районе Ближних Мельниц? Не в правилах Гаврика было совать нос в чужие дела. У него и своих дел оказалось достаточно.

Терентию с семьей приходилось туго. Железная дорога бастовала почти все время. Терентий пробавлялся мелкой слесарной работой, которую брал на дом. Но, во-первых, работы было мало, а во-вторых, много времени отнимали те неотложные дела, о которых в семье принято было говорить только намеками.

Терентий как бы вовсе не принадлежал себе. Случалось, за ним являлись ночью, и он, не говоря ни слова, одевался и уходил, иногда на целые сутки.

Постоянно в доме сидели какие-то приезжие, которым надо было готовить кулеш, кипятить в чайнике воду. В сенях не выводилась осенняя грязь, в комнате столбом стоял махорочный дым.

У мальчика не хватало совести сесте на шею семейному брату, приходилось кормиться самому. Не маленький! Надо было тоже носить передачи дедушке в участок. Конечно, без дедушки о рыбной ловле нечего было и думать. Да и погода пошла плохая — через день шторм.

Гаврик сходил на берег, перетащил лодку к соседям и запер хибарку на замок.

Теперь он целыми днями бродил по городу в старых чебо-тах Терентия, ища себе пропитания. Конечно, выгоднее всего было просить милостыню. Но Гаврик скорее согласился бы сдохнуть, чем протягивать руку прохожему. Вся его рыбацкая кровь закипала при одной мысли об этом.

Нет! Он привык добывать хлеб трудом. Он носил кухаркам корзинки с привоза до самого дома за две копейки. Он помогал

грузчикам на станции Одесса-Товарная. Для извозчиков, которые, под угрозой штрафа, не имели права отлучаться от лошади, он бегал в монопольку за шкаликом водки.

...Наконец, Гаврик добывал деньги игрой в ушки. Эта игра только что вошла в моду. Ею увлекались не только дети, но и взрослые. Ушками назывались форменные пуговицы различных ведомств, со вбитыми внутрь петельками.

В общих чертах игра состояла в том, что игроки ставили чашечки ушек в кон, а затем по очереди били по ним специальной ушкой-битой, стараясь их перевернуть орлом вверх. Каждая перевернутая таким образом ушка считалась выигранной.

...Гаврик блестяще играл в ушки. У него был твердый, сильный удар и очень меткий глаз. В короткое время он приобрел славу чемпиона. Его мешочек всегда был наполнен превосходными, дорогими ушками. Когда его дела становились особенно скверными, он продавал часть своего запаса.

Но его мешочек никогда не пустовал. На другой же день Гаврик выигрывал еще больше ушек, чем продал накануне.

Таким образом, то, что для других было развлечением, для мальчика стало чем-то вроде выгодной профессии. Ничего не поделаешь, приходилось выкручиваться!

* * *

Однажды, ложась спать, Петя услышал из столовой голоса папы и тети.

— Невозможно, невозможно жить, — говорила тетя в нос, как будто у нее был насморк.

А мальчик прекрасно знал, что она здорова.

Петя стал слушать.

— Буквально нечем дышать, — продолжала тетя со слезами в голосе. — Неужели вы этого не чувствуете, Василий Петрович? Мне бы на их месте совестно было людям в глаза смотреть, а они — боже мой! — как будто бы это так и надо. Иду по Французскому бульвару и глазам своим не верю. Великолепнейший выезд, рысаки в серых яблоках, ландо, на козлах кучер-солдат в белых перчатках, шум, гром, блеск... Две дамы в белых косынках с красными крестами, в бархатных собольих ротондах, на пальцах вот такие брильянты, лорнеты, брови намазаны, глаза блестят от беладаонны, и напротив два шикарных адъютанта с зеркальными саблями, с папиросами в белых

зубах! Хохот, веселье... И, как бы вы думали, кто? Мадам Каульбарс с дочерью и поклонниками катит в Аркадию, в то время когда Россия буквально истекает кровью и слезами! Ну, что вы скажете? Нет, вы только подумайте — вот такие брильянты! А, позвольте спросить, откуда? Наворовали, награбили, набили карманы... Ох, до чего же я ненавижу всю эту — простите меня за резкость — сволочь! Три четверти страны голодает... Вымирают целые уезды... Я больше не могу, не в состоянии, поймите же это!

Петя услышал горячие всхлипывания.

— Ради бога, Татьяна Ивановна... Но что же делать? Что делать?

— Ах, почему я знаю, что делать! Протестовать, требовать, кричать, идти на улицу...

— Умоляю вас... Я понимаю... Но скажите, что мы можем?

— Что мы можем? — вдруг воскликнула тетя высоким и чистым голосом. — Мы все можем, все! Если только захотим и не побоимся. Мы можем мерзавцу сказать в глаза, что он мерзавец, вору — что он вор, трусу — что он трус... А мы вместо этого сидим дома и молчим! Боже мой, боже мой, страшно подумать, до чего дошла несчастная Россия! Бездарные генералы, бездарные министры, бездарный царь...

— Ради бога, Татьяна Ивановна, услышат дети!

— И прекрасно, если услышат. Пусть знают, в какой стране они живут. Потом нам же скажут спасибо. Пусть знают, что у них царь — дурак и пьяница, кроме того еще и битый бамбуковой палкой по голове. Выродок! А лучшие люди страны, самые честные, самые образованные, самые умные, гниют по тюрьмам, по каторгам...

Отец осторожно прошел в детскую — посмотрел, спят ли мальчики. Петя закрыл глаза и стал дышать глубоко и ровно, дела вид, что спит...

...В этот вечер Пете открылось много такого, о чем он раньше не подозревал.

Раньше существовали понятия, до такой степени общеизвестные и непреложные, что о них никогда даже и не приходилось думать.

Например — Россия. Было всегда совершенно ясно и непреложно, что Россия — самая лучшая, самая сильная и самая красивая страна в мире. Иначе как можно было бы объяснить, что они живут в России?

Затем папа. Папа — самый умный, самый добрый, самый мужественный и образованный человек на свете.

Затем царь. О царе нечего и говорить. Царь — это царь. Самый мудрый, самый могущественный, самый богатый. Иначе чем можно было бы объяснить, что Россия принадлежит именно ему, а не какому-нибудь другому царю или королю, например французскому?

Ну и, конечно, бог, о котором уже совсем нечего говорить, — все понятно.

И вдруг что же оказалось? Оказалось, что Россия — несчастная, что, кроме папы, есть еще какие-то самые лучшие люди, которые гниют на каторгах, что царь — дурак и пьяница...

Кроме того, министры — бездарные, генералы — бездарные, и, оказывается, что не Россия победила Японию, в чем не было до сих пор ни малейших сомнений, а как раз Япония — Россию...

В участке сидели приличные, трезвые люди, даже такой замечательный старик, как дедушка Гаврика, которого, кроме того, еще и били. Матрос прыгнул с парохода. Солдаты остановили дилижанс. В порту стояли часовые. Горела эстакада. С броненосца стреляли по городу.

Нет, было совершенно ясно, что жизнь вовсе не такая веселая, приятная, беззаботная вещь, какой казалась еще совсем совсем недавно...

Какова же была его радость, когда он увидел во дворе Гаврика!

Гаврик стоял на коленях, окруженный детьми, присевшими на корточки. Он обучал их модной игре в ушки.

Петя еще даже не успел хорошенько поздороваться с приятелем, с которым не виделся столько времени, как уже был охвачен азартом. Они сыграли на пробу одну партию ушками Гаврика. Но это еще больше раззадорило Петю.

— Гаврик, дай на разживу десяток, — сказал Петя, протягивая руку, дрожащую от нетерпения. — Я, как только наиграю, так и отдам, святой истинный крест!

— Не лапай, не купишь, — сумрачно ответил Гаврик, высыпав ушки в байковый серый мешочек и аккуратно завязал его шпагатиком. — Ушки тебе не картонки. Они деньги стоят. Могу продать, если хочешь.

Петя ничуть не обиделся на Гаврика и не надулся. Он прекрасно понимал, что дружба дружбой, а каждая игра имеет

свои нерушимые правила. Раз ушки стоят денег, значит, за них надо платить деньги, и никакая дружба тут не поможет. Таков железный закон улицы.

Но как же быть?

Играть хотелось мучительно.

...Петя чуть не плакал. Он был в полном отчаянии. Гаврик сжалился над приятелем. Он дал в долг на отыгрыш две ушки-одинарки. Но Петя был слишком азартен и нетерпелив — он в пять минут проигрался снова. С Гавриком трудно было бороться.

Гаврик небрежно сыпал весь свой баснословный выигрыш в мешочек и отправился домой, сказав, что завтра зайдет опять.

ДОЛГ ЧЕСТИ

Утром Петя унес из чулана две пары летних кожаных скороходов и по дороге в гимназию продал их старьевщику за четыре копейки.

Когда днем явился Гаврик, мальчики тотчас расставили ушки. Петя проиграл все только что купленное у Гаврика еще скорее, чем в первый раз.

Да и понятно: у приятелей были слишком неравные силы... Надо быть мастером! В конце концов Петя проиграл не только все, что у него было, но еще остался должен.

...Гаврик пообещал прийти завтра за долгом...

...Петя промучился весь вечер. От умственного напряжения у него даже до того разгорелись уши, что против лампы светились совершенно как рубиновые.

Мальчик перебрал тысячи способов быстрого обогащения, но все они были или слишком фантастические, или слишком преступные. Наконец ему в голову пришла удивительно простая и вместе с тем замечательная мысль. Ведь покойный-то дедушка, мамин папа, был майор! О, как он мог это забыть!

Не теряя времени, Петя вырвал из арифметической тетради лист бумаги и принялся писать бабушке, маминой маме, письмо в Екатеринослав.

Осыпая бабушку ласковыми именами и сообщая о своих блестящих гимназических успехах, — что, по правде сказать, было сильно преувеличено, — Петя просил прислать ему на память — как можно скорее — майорский мундир дорогого де-душки.

Хитрый мальчик отлично понимал, на какую наживку легче всего клонет добрая старушка, одинаково сильно чтившая память дедушки, героя турецкой кампании, и любившая Петю, своего старшего внука.

Мальчик извещал ее далее, что, по примеру дедушки-героя, сам твердо решил стать героем и поэтому избирает военную карьеру, а мундир необходим для постоянного поддержания в нем воинского духа.

Петя надеялся, что на майорском мундире масса ушек — штук двадцать, если не тридцать, отличных офицерских пятков с чеканными орлами.

Это одно могло помочь ему выпутаться из долгов и, может быть, даже отыграться. По Петиним расчетам, посылка обязательно должна прийти через неделю, не позже.

Петя рассказал Гаврику все. Гаврик вполне одобрил. Мальчики вместе, встав на цыпочки, опустили письмо в большой желтый ящик с изображением заказного пакета за пятью сургучными печатами и двух скрепленных почтовых рожков.

Теперь оставалось спокойно ждать...

ТЯЖЕЛЫЙ РАНЕЦ

Прошла неделя, другая, а посылка от бабушки не приходила. Несмотря на объявленную царем «свободу», беспорядки усиливались. Почта работала плохо.

...Приготовительный класс распустили на неопределенное время. Петя целый день болтался без дела. За это время он успел проиграть Гаврику в долг столько, что страшно было подумать.

Однажды пришел Гаврик и, зловеще улыбаясь, сказал:

— Ну, теперь ты не ожидай так скоро своих ушек. На днях пойдет всеобщая.

Может быть, еще месяц тому назад Петя не понял бы, о чем говорит Гаврик. Но теперь было вполне ясно: раз «всеобщая», значит, «забастовка». Сомневаться же в достоверности Гавриковых сведений не приходилось. Петя уже давно заметил, что на Ближних Мельницах все известно почему-то гораздо раньше, чем в городе. Это был нож в сердце.

— А может, успеют дойти?

— Наверяд ли.

Петя даже побледнел.

— Как же будет насчет долга? — спросил Гаврик настойчиво...

— Честное благородное слово, завтра непременно будут! Святой истинный крест! Последний раз.

В один прекрасный день Гаврик объявил, что ждать больше не желает. Это означало, что отныне Петя как несостоятельный должник поступает к Гаврику в рабство до тех пор, пока полностью не расквитается. Таков был жестокий, но совершенно справедливый закон улицы.

Гаврик слегка ударил Петю по плечу, как странствующий рыцарь, посвящающий своего слугу в оруженосцы.

— Теперь ты скрозь будешь со мною ходить, — добродушно сказал он и прибавил строго: — Вынеси ранец.

— Зачем... ранец?

— Чудак-человек, а ушки в чем носить?

И глаза Гаврика блеснули веселым лукавством.

По правде сказать, Пете весьма улыбалась перспектива такого веселого рабства: ему давно уже хотелось побродяжничать с Гавриком по городу. Но дело в том, что Пете ввиду событий самым строжайшим образом было запрещено выходить за ворота. Теперь же совесть его могла оставаться совершенно спокойной: он здесь ни при чем, такова воля Гаврика, которому он обязан беспрекословно подчиняться. И рад бы не ходить, да нельзя: такие правила.

Петя сбегал домой и вынес ранец.

— Надень, — сказал Гаврик.

Петя послушно надел. Гаврик со всех сторон осмотрел маленького гимназиста в длинной, до пят, шинели, с пустым ранцем за спиной. По-видимому, он остался вполне доволен.

— Билет гимназический есть?

— Есть.

— Покажь!

Петя вынул билет. Гаврик его раскрыл и по складам прочел первые слова: «Дорожа своею честью, гимназист не может не дорожить честью своего учебного заведения...»

— Верно, — заметил он, возвращая билет. — Сховай. Может, сгодится.

Затем Гаврик повернул Петю спиной и нагрузил ранец тяжелыми мешочками ушек.

— Теперь мы всюду пройдем очень свободно, — сказал Гаврик, застегивая ранец, и с удовольствием хлопнул по его тяжелой крышке.

Петя не вполне понял значение этих слов, но, подчиняясь общему уличному закону — поменьше спрашивать и побольше знать, — промолчал. Мальчики осторожно вышли со двора.

Так начались их совместные странствования по городу, охваченному беспорядками.

С каждым днем ходить по улицам становилось все более опасно. Однако Гаврик не прекращал своей таинственно-увлекательной жизни странствующего человека. Наоборот. Чем в городе было беспокойнее и страшнее, тем упрямее лез Гаврик в самые глухие и опасные места. Иногда Пете даже начинало казаться, что между Гавриком и беспорядком существует какая-то необъяснимая связь...

Прячась в подворотнях от выстрелов и обходя опрокинутые поперек мостовой конки¹, мальчики колесили по городу, посещая самые отдаленные его окраины.

Благодаря Петинной гимназической форме им без труда удавалось проникать в районы, оцепленные войсками и полицией. Гаврик научил Петю подходить к начальнику заставы и жалобным голосом говорить:

— Господин офицер, разрешите нам перейти на ту сторону, мы с товарищем живем вон в том большом сером доме, мама, наверно, сильно беспокоится, что нас так долго нет.

Вид у мальчика в форменной шинели, с телячьим ранцем за плечами был такой простодушный и приличный, что обыкновенно офицер, не имевший права никого пропускать в подозрительный район, делал исключение для двух испуганных детишек.

— Валяйте, только поосторожней! Держитесь возле стен. И чтоб я вас больше не видел! Брысь!

Таким образом, мальчики всегда могли попасть в любую часть города, совершенно недоступную для других...

БОМБА

Но вот однажды настал конец этой восхитительной, но жуткой бродячей жизни.

В этот памятный день Гаврик пришел раньше обыкновенного, и мальчики тотчас отправились в город.

¹ Конка — городская железная дорога с конной тягой, которая существовала в крупных городах до введения электрического трамвая. Конкой также назывался вагон этой дороги.

У Гаврика было серое, необычайно собранное, неподвижное лицо с пестрыми от холода, крепко сжатыми губами. Он быстро и валко шел, глубоко засунув руки в карманы своих широких бобриковых штанов, — маленький, сгорбившийся, решительный. Только в его прозрачных, как у дедушки, стоячих глазах мелькало иногда недоброе оживление. Петя еле поспевал за своим другом. Мальчики почти бежали по улице, безлюдной, как во сне.

Напряженное ожидание чего-то висело в сером воздухе. Шаги звонко раздавались по плиткам тротуара. Под каблуком иногда ломалось оконное стекло льда, затянувшего пустую лужу.

Вдруг где-то далеко, в центре, раздался легкий грохот. Можно было подумать, что везли на ломовике пирамиду пустых ящиков и внезапно они развязались и рухнули на мостовую.

Гаврик остановился, прислушиваясь к слабому шуму эха.

— Что это? — шепотом спросил Петя. — Ящики?

— Бомба, — сухо и уверенно сказал Гаврик. — Когось трахнули.

Через два квартала навстречу мальчикам из-за угла выбежала женщина с корзиной, из которой сыпались древесный уголь и аява.

— Ой, господи Иисусе Христе, ой, мать пресвятая богородица... — бессмысленно повторяла женщина, стараясь дрожащей рукой натянуть сбившийся с головы платок. — Ох, господи, что же это делается? На кусочки разорвало...

— Где?

— На Полицейской... Вот так я иду, а вот так он едет... И как рванет... На мелкие кусочки... Господи, помилуй... Лошадей убивало, экипаж на мелкие кусочки...

— Кого?

— Пристава... С Александровского участка... Вот так — я, а вот так — он... А тот боевик — напротив, и у него в руках, представьте себе, обыкновенный пакетик, даже завернутый в газету...

— Поймали?

— Боевика-то? Куда там! Как бросились все в разные стороны — его и след простыл... боевика-то... Говорят, какой-то перодеет матрос...

Женщина побежала дальше. Несмотря на всю свою суровую сдержанность, Гаврик схватил Петю за плечи и притопнул ногами.

— Это того самого, который деда бил кулаком по морде! — быстро, горячо зашептал он. — А пускай не дает волю своим рукам. Верно?

— Верно, — сказал Петя, холодея.

В этот день мальчики два раза заходили на Малую Арнаутскую улицу, во двор с фонтаном и цаплей.

В первый раз, забрав «товар», как выразился Гаврик, они отправились на Александровский проспект, оцепленный войсками. Их без особого труда пропустили.

Пройдя несколько домов, Гаврик втащил Петю в какие-то ворота...

Гулкая тишина стояла вокруг. Но за этой тишиной, по ту сторону дома, на незнакомой улице, не столько слышался, сколько угадывался тревожный шум какого-то движения.

Кроме того, сверху, будто с неба, изредка хлопали громкие выстрелы, наполняя двор колодезным шумом. Петя прижался ранцем к стене и, дрожа, зажмурился. Гаврик же, не торопясь, вложил в рот два пальца и свистнул.

Где-то наверху стукнул ставень, и раздался голос:

— Сейчас!

Через минуту, показавшуюся Пете часом, из двери черного хода выскочил красивый, потный человек без пальто, в пиджаке, испачканном мелом.

Петя увидел и ахнул. Это был Терентий.

— Давай, давай, давай! — бормотал Терентий, обтирая рукавом мокрое лицо.

Не обращая внимания на самого Петю, он бросился к его ранцу.

— Давай скорей! Спасибо, в самый раз! А то у нас ни черта не осталось.

Он нетерпеливо расстегнул ремешки, сопя, переложил мешочки из ранца в карманы и бросился назад, успев крикнуть:

— Пушай Иосиф Карлович сей же час присылает еще. Тащите, что есть. А то не продержимся.

— Ладно, — сказал Гаврик, — принесем.

Тут под крышу ударила пуля, и на мальчиков посыпался розовый порошок кирпича.

Они поспешили той же дорогой назад, на Малую Арнаутскую, и взяли новую партию «товара». Ранец на этот раз был так тяжел, что Петя его еле тащил.

Теперь мальчик, конечно, прекрасно понимал уже, какие

это ушки. В другое время он бросил бы все и убежал домой. Но в этот день он, охваченный до самого дна души азартом опасности, гораздо более могущественным, чем азарт игры, ни за что не согласился бы оставить товарища одного. К тому же он не мог отказаться от славы Гаврика. Одна мысль, что он будет лишен права рассказывать потом о своих похождениях, сразу заставила его пренебречь всеми опасностями.

Гаврик и Петя отправились обратно. Но как изменился за это время город! Теперь он кипел.

Улицы то наполнялись бегущим в разные стороны народом, то вдруг пустели мгновенно, подметенные железной метелкой залпа.

Мальчики подходили уже к заставе, как вдруг Гаврик схватил Петю за руку и быстро втащил в ближайшую подворотню.

— Стой!

— Что?

Не выпуская Петиной руки, Гаврик осторожно выглянул из ворот и тотчас отвалился назад, прижавшись спиной к стене под черной доской с фамилиями жильцов.

— Слышь, Петька... Дальше не пройдем... Там ходит тот самый черт, который мне уши крутил... Смотри...

Петя на цыпочках подошел к воротам и выглянул. Возле заставы, мимо вывернутых чугунных решеток сквера и винтовок, составленных в козлы, по мостовой прогуливался господин в драповом пальто и каракулевой шляпе пирожком. Он повернулся, и Петя увидел бритое грубое лицо с мясистым носом. Что-то было в этом незнакомом лице очень знакомое. Где-то Петя его уже видел. Но где? Что-то мешало мальчику вспомнить. Может быть, мешала синева над верхней губой? И вдруг он вспомнил. Конечно, это был тот самый уса́тый с парохода «Тургенев», но только бритый, без усов. Он тогда врезался в память на всю жизнь. Петя узнал бы его из тысячи даже бритым.

— Уса́тый, — прошептал Петя, становясь рядом с Гавриком,

ранцем к стенке. — Который ловил матроса. Только теперь без усов. Помнишь, я тебе говорил, а ты еще смеялся.

— Ишь, побрился, чтоб не узнали... Шкура... Он меня знает как облупленного, — сказал Гаврик с досадой. — Ни за что не пройдем.

— А может, пройдем?

— Смеешься?

Гаврик выглянул из ворот.

— Ходит...

Гаврик сжал кулачок и стал со злостью грызть костяшки пальцев.

— А они тама сидят и дожидаются... У, дракон!

В наступившей на минуту полной и глубокой тишине восстания слышались отдаленные выстрелы. Их шум перекатывался где-то под крышами города.

— Слышь, Петька, — сказал вдруг Гаврик, — понимаешь, они тама сидят и даром дожидаются... без товара... Их тама всех перестреляют, очень просто... А я не могу идтить, потому что этот черт непременно за мной прилипнет!

Злые слезы закипели на глазах Гаврика. Он сильно потянул носом, высморкался в землю и сердито посмотрел Пете в глаза.

— Чуешь, что я тебе говорю?

— Чую, — одними губами проговорил Петя, бледнея от этого сердитого, дружеского, настойчивого и вместе с тем умоляющего взгляда товарища.

— Сможешь пойтить один? Не сдрейфишь?

От волнения Петя не мог выговорить ни слова. Он крупно глотнул, кивнул головой. Воровато озираясь по сторонам и выглядывая из ворот, Гаврик стал набивать Петины карманы своими мешочками.

— Слышь, все отдашь, весь товар. И что в ранце, отдашь и что в карманах. А если поймаешься, молчи и отвечай, что нашел на улице и ничего не знаешь. Понял?

— Понял.

— Как только отдашь, так беги сюда обратно, я тебя буду тута дожидаться, в воротах. Понял?

— Понял.

С неудобно раздутыми карманами Петя, почти ничего не зная от страха и волнения, подошел к заставе.

— Куда лезешь, не видишь, что ли? — закричал усатый, бросаясь к мальчику.

— Дяденька, — захныкал Петя привычным тоненьким голосом Гаврика, — пожалуйста, пропустите, мы живем тут недалеко, на Александровском проспекте, в большом сером доме, мама очень беспокоится, наверное, думает, что меня убили.

И совершенно натуральные слезы брызнули из его глаз, катясь по замурзанным пухлым щечкам. Усатый с отвращением посмотрел на маленькую фигурку пригостишки и взял Петю за ранец.

Он подвел мальчика к обочине мостовой и слегка поддал коленом:

— Жарь!

Не чувствуя под собой ног, Петя побежал к известному дому.

ШТАБ БОЕВИКОВ

Мальчик шмыгнул в ворота, стал пробираться через двор.

Проходя здесь час тому назад с Гавриком, Петя не испытывал особенного беспокойства. Тогда он чувствовал себя под надежной защитой друга, ловкого и опытного. Избавленный от необходимости думать самому, он был всего лишь послушным спутником, лишенным собственной воли. За него думал и действовал другой, более сильный.

Теперь мальчик был совершенно один. Он мог рассчитывать только на самого себя и ни на кого больше.

...Петя спустился в подвал.

Он долго шел ощупью в душном, но холодном мраке, дыша пыльным воздухом сараев. Ужас охватывал мальчика всякий раз, когда его ресницы задевала паутина, казавшаяся крылом летучей мыши.

Наконец он выбрался на второй двор. Здесь было пусто.

...Теперь надо было сунуть в рот пальцы и свистнуть. Но вдруг Петя сообразил, что не умеет свистеть в два пальца. Плевать сквозь зубы давно научился, а свистеть нет. Не сообразил. Забыл.

Мальчик неловко вложил в рот пальцы и дунул, но свиста не вышло. В отчаянии он дунул еще раз, изо всех сил. Ничего. Только слюны и шипение.

Тогда Петя собрал все свои душевные силы и, зажмурившись, крикнул:

— Э-э!

Голос прозвучал совсем слабо. Но гулкое эхо тотчас наполнило пустую цистерну двора.

Однако никто не откликнулся. Тишина стала еще страшней.

Вверху что-то оглушительно щелкнуло, и вниз полетело колесо сбитой водосточной трубы, увлекаемая за собой куски кирпича, кости, известку.

— Э-э! Э-э! Э-э! Э-э! — закричал мальчик изо всей мочи.

Наверху приоткрылся ставень, и выглянуло незнакомое лицо.

— Чего кричишь? Принес? Беги сюда наверх! Живенько! И лицо скрылось.

Петя в нерешительности оглянулся. Но он был совершенно один, и не с кем было посоветоваться. Вверху опять щелкнуло, и вниз полетел большой кусок штукатурки, разбившийся вдребезги у самых Петиних ног.

Съездившись, мальчик бросился в дверь черного хода. Пугаясь в полах слишком длинной, сшитой «на рост» шинели, он стал взбираться по гремучей железной лестнице наверх.

— Давай, давай, давай! — кричал сверху сердитый голос.

Тяжелый ранец больно колотил по спине. Раздутые карманы стесняли шаг. Сразу стало жарко. Фуражка внутри стала горячей и мокрая. Пот лился на брови, на глаза. Лицо пылало. А раздраженный, умоляющий голос продолжал кричать сверху:

— Давай! Давай же, ну тебя к черту!

Едва Петя, тяжело дыша и даже высунув от напряжения язык, добрался до площадки четвертого этажа, как его сразу схватил за плечи человек в хорошем, но грязном пальто с барашковым воротником, без шапки, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу.

Его франтоватые усики и борода совершенно не соответствовали воспаленному простому, курносому лицу, осыпанному известкой.

Отчаянные, веселые и вместе с тем как бы испуганные глаза жарко блестели под побелевшими от извести колосистыми бровями. У него был вид человека, занятого какой-то очень трудной и, главное, очень спешной работой, от которой его оторвали.

Он ужасно торопился назад. Он схватил Петю сильными руками за плечи.

Мальчику показалось, что сейчас его будут трясти, как папа в минуту ярости. Петя даже присел от страха. Но человек ласково взглянул в глаза.

— Принес? — торопливым шепотом спросил он и, не дожидаясь ответа, втащил мальчика в пустую кухню какой-то квартиры, в глубине которой — Петя сразу это почувствовал — делалось что-то громадное и страшное, что обычно в квартире делаться не может.

Человек бегло осмотрел Петю и сразу же, не говоря ни слова, полез в его оттопыренные карманы. Он торопливо стал вытаскивать из них грузные мешочки. Петя стоял перед ним, расставив руки.

Что-то было в этом незнакомом человеке с усиками и бородой очень знакомое. Несомненно, где-то Петя его уже видел. Но где и когда?

Мальчик изо всех сил напрягал память, но никак не мог вспомнить. Что-то ему мешало, сбивало с толку. Может быть, усики и борода?

Между тем человек проворно вытащил из карманов мальчика все четыре мешочка.

— Все? — спросил он.

— Нет, еще есть в ранце.

— Молодец мальчик! — закричал человек. — Ай, спасибо! А еще гимназист!

Он в знак восторга крепко взялся за козырек Петиной фуражки и глубоко насунул ее мальчику по самые уши.

И тут Петя увидел возле самого носа закопченную, тухло пахнущую порохом коренастую руку с маленьким голубым якорем.

— Матрос! — воскликнул Петя.

Но в этот же миг в глубине квартиры что-то рухнуло. Рванулся воздух. С полки упала кастрюля. Матрос мягким, кошачьим движением бросился в коридор, успев крикнуть:

— Сиди тут!

Через минуту где-то совсем рядом разорвалось подряд шесть отрывистых выстрелов. Петя поскорей сбросил ранец и стал его расстегивать дрожащими пальцами.

В это время из коридора в кухню, шатаясь, вошел Терентий. Он был без пиджака, в одной сорочке с оторванным рукавом. Этим рукавом была перевязана его голова. Из-под перевязки по виску текла кровь. В правой руке он держал револьвер.

Увидев Петю, он хотел что-то сказать, но махнул рукой и сперва напилась воды, опрокинув лицо под кран.

— Принес? — спросил он, задыхаясь, между двумя глотка-

ми воды, шумно бившей в его неправдоподобно белое лицо. — Где Гаврюшка? Живой?

— Живой.

Но, как видно, расспрашивать не было времени. Не вытирая с лица воду, Терентий тотчас стал доставать из ранца мешочки.

— Все равно не удержимся, — бормотал он, еле держась на ногах. — Будем по крышам уходить... Они там оружие ставят... А ты, мальчик, тикай, а то тебя здесь подстрелят... Тикай скорей. Спасибо, будь здоров.

Терентий присел на табурет, но тотчас встал, и, обтирая револьвер о колено, побежал по коридору туда, откуда слышались непрерывное хлопанье выстрелов и звон разбивающихся стекол.

Петя схватил легкий ранец и бросился к двери. Но любопытство все-таки заставило его на минуту задержаться и посмотреть в глубину коридора. В раскрытую настежь дверь Петя увидел комнату, заваленную сломанной мебелью.

Посредине стены, оклеенной обоями с коричневыми букетами, Петя заметил зияющую дыру с обнажившейся решеткой драйки.

Несколько человек... припав к подоконникам высаженных окон, часто стреляли вниз из револьверов.

Петя увидел перевязанную голову Терентия и барашковый воротник матроса. Мелькали еще какая-то черная косматая бурка и студенческая фуражка.

И все это плыло и тонуло в синеватых волокнах дыма.

Матрос стоял на одном колене у подоконника, на котором лежала стальная тумбочка, и поминутно высовывал наружу дергающуюся от выстрела руку. Он кричал бешеным голосом:

— Огонь! Огонь! Огонь!..

Мальчик бросился назад. Он не помнил, как выбрался и добежал до подворотни, где его ждал Гаврик.

— Ну как, отнес?

— Отнес.

Петя, захлебываясь, рассказал все, что видел в страшной квартире.

— Они все равно не удержатся. Будут уходить по крышам... — шептал Петя, тяжело дыша. — Там против них пушку ставят...

Гаврик побледнел и перекрестился. Первый раз в жизни Петя видел своего друга таким испуганным.

Совсем недалеко, почти рядом, ударил орудийный выстрел. Железное эхо шарахнуло по крышам.

— Пропало! — закричал Гаврик в отчаянии. — Тикай! Мальчики выскочили на улицу и побежали по городу, в третий раз изменившемуся за это утро.

Теперь в нем безраздельно хозяйничали казаки. Всюду слышалось льющееся цоканье подков.

Чубатые сотни донцов, спрятанных во дворах, стремительно выскакивали из ворот, лупя направо и налево нагайками.

От них некуда было спрятаться: все парадные и ворота были наглухо заперты и охранялись нарядами войск и полиции. Каждый переулочек представлял собой ловушку.

Остатки рассеянных демонстраций бежали врассыпную, куда глаза глядят, без всякой надежды на спасение. Казаки настигали их и рубили поодиночке.

На Малой Арнаутской мимо мальчиков посредине мостовой пробежал кривоногий человек без пальто и шапки. Он держал под мышкой палку с красным флагом. Это был хозяин тира. Он бежал, прихрамывая и виляя, бросаясь то туда, то сюда.

Может быть, в другое время это могло бы вызвать в мальчиках удивление, но сейчас это вызывало только ужас.

Через каждые десять шагов Иосиф Карлович поворачивал назад страшно бледное, истерзанное лицо с безумными глазами. За ним дробной рысью мчались два донца.

Звонко выворачивались подковы, высекая из гранитной мостовой искры, бледные при дневном свете.

Через минуту Иосиф Карлович оказался уже между лошадьми. Он пропустил их, увернулся и, бросившись в сторону, схватился за ручку парадного.

Дверь была заперта. Он рвал ее с отчаянием, он бил в нее из всех сил ногами, ломился плечом. Дверь не поддавалась. Казаки повернули лошадей и въехали на тротуар.

Иосиф Карлович сгорбился, наклонил голову и обеими руками прижал к груди флаг. Блеснула шашка. Спина покачнулась. Пиджак лопнул наискось. Хозяин тира дернулся и повернулся...

— Негодяи! Сатрапы! Палачи! — страстно закричал он на всю улицу. — Долой самодержавие!

Но в тот же миг — резко и одновременно — блеснули две шашки. Он упал, продолжая прижимать знамя к раскрытой волостой груди с синей татуировкой.

Один из донцов наклонился над ним и что-то сделал.

Через минуту оба казака мчались дальше, волоча за собой на веревке тело человека, оставившее на мертвенно-серой мостовой длинный красный, удивительно яркий след.

Из переулка хлынула толпа и разъединила мальчиков.

* * *

Чувствуя на сердце необъятную тоску и тяжесть, Петя сидел в темной детской на подоконнике и смотрел в нарядно замерзшее окно, где среди ледяных папоротников мерцал золотой орех уличного фонаря...

В это время в дверях детской таинственно появилась Дуня¹ и поманила Петю.

— Паныч, вас на черной лестнице дожидается той скаженный² Гаврик, — прошептала она, оглядываясь.

Петя бросился на кухню.

Гаврик сидел на высоком подоконнике черного хода, прислонившись плечом к ледяному окну, игравшему синими искрами месяца. Из башлыка блестели маленькие злые глаза. Мальчик тяжело сопел.

В первый миг Петя подумал, что Гаврик пришел за долгом. Он уже приготовился рассказать о несчастье, постигшем их с дедушкиными пуговицами, и дать честное городское слово, что не позже как через два дня расквитается.

Но Гаврик торопливо вытащил из-за пазухи ватной кофты четыре хорошо знакомых мешочка и сунул их Пете.

— Сховай, и будем с тобой в расчете, — тихо и твердо сказал он. — От Иосифа Карловича остаток, царство ему небесное.

При этих словах Гаврик истово перекрестился.

— Сховай и держи, пока не пригодятся.

— Сховаю, — шепотом ответил Петя.

Гаврик долго молчал. Наконец резко вытер кулачком под носом и сполз с подоконника.

— Ну, Петька... Будь здоров...

— А те — ушли тогда?

— Ушли. По крышам. Теперь их повсюду ищут.

Гаврик задумался, не сказал ли чего-нибудь лишнего, но потом доверчиво приблизился к самому Петиному уху и прошептал:

— Уй, сколько народа похватали! Ну, их не споймают. Я тебе говорю. Они в катакомбах отсиживаются. Все ихние боевики тама. Весной опять начнут. А Терентия жену с маленькими деть-

¹ Прислуга в семье Пети.

² Скаженный (укр.) — сумасшедший, бешеный.

ми — с Женечкой и Мотечкой — хозяин дома с квартиры высе-
ляет. Такое дело...

Гаврик озабоченно почесал брови.

— Не знаю теперь, что мне с ними делать. Верно, придется
всем вместе переезжать с Ближних Мельниц в дедушкину хи-
барку. А дедушка, знаешь, совсем никуда стал. Верно, скоро по-
мрет. Ты до нас когда-нибудь, Петька, все-таки заскочи. Только
пережди время. Главное, мешочки хорошенько сховай. Ничего.
Ты не плачь, Маруся, будешь ты моя. Дай пять.

Гаврик сунул Пете руку дощечкой и побежал, дробно стуча
своими разбитыми чеботами по лестнице.

Петя вернулся в детскую и спрятал мешочки в ранец под
книги.

Но тут вдруг с невероятным стуком распахнулась дверь, и в
комнату вошел быстро отец...

— Негодный мальчишка, сорванец, — кричал он, — я знаю
все! Ты играешь в азартные игры! Лгунишка!..

— Сию же минуту давай сюда эти... как они там у вас назы-
ваются... чушки или душики...

— Ушки, — криво улыбнувшись, пролепетал Петя, надеясь
как-нибудь обернуть дело в шутку.

Но, услышав слово «ушки» из уст сына, отец вскипел еще
пуще:

— Ушки? Отлично... Где они? Сию же минуту давай их сю-
да. Где эта уличная мерзость? Где эти микробы? В огонь! В пли-
ту! Чтoб духу их не было!

Он стремительно осмотрел комнату и бросился к ранцу.

Петя, рыдая, бежал за ним по коридору до самой кухни, ку-
да отец, широко и нервно шагая, быстро и брезгливо, как дох-
лых котят, нес мешочки.

— Папочка! Папочка! — кричал Петя, хватая его за лок-
ти. — Папочка!

Отец грубо оттолкнул Петю, затем шумно сдвинул кастрюлю
и, яростно пачкая сажей манжеты, сунул мешочки в пылающую
плиту.

Мальчик замер от ужаса.

— Тикайте! — закричал он не своим голосом.

Но в этот миг в плите застреляло. Раздался небольшой взрыв.

Из конфорки рванулось разноцветное пламя. Лапша вылете-
ла из кастрюльки и прилипла к потолку. Плита треснула. Из
трещин повалил едкий дым, в одну минуту наполнивший
кухню.

Когда плиту залили водой и выгребли золу, в ней нашли
кучу обгоревших гильз от револьверных патронов.

Но ничего этого Петя уже не помнил. Он был без сознания.
Его уложили в постель. Он весь горел. Поставили термометр.
Оказалось тридцать девять и семь десятых...

* * *

Петя проболел всю зиму. Лишь в середине великого поста он
стал ходить по комнатам.

Приближалась весна.

...На слабых ногах Петя слонялся по комнатам, сразу сделав-
шимся, как только он встал с кровати, маленькими и очень
низкими.

Он становился на цыпочки перед зеркалом в темной перед-
ней и с чувством щемящей жалости разглядывал свое вытянув-
шееся белое лицо с теньями под неузнаваемыми, какими-то ис-
пуганно-изумленными глазами.

...Дни прибывали, и мальчику уже нечем было заполнить
невероятно растянувшиеся часы между обедом и вечером...

Пете уже разрешали гулять возле дома. Он медленно ходил
взад и вперед по сухому тротуару, жмурясь на солнце, сядив-
шееся за вокзалом.

...Пасха пришла и расцвела в тот самый день, в который ей
и полагалось по календарю.

Утомительно трезвонили колокола, среди взбитых облаков
летело свежее солнце.

...Целый день, с утра до вечера, Петя проводил на Куликовом
поле. Он почему-то был уверен, что непременно встретится здесь
с Гавриком.

...А дни становились все длиннее, все незаполнимей. И вот
однажды Петя отправился на море, в гости к Гаврику.

* * *

Дедушка умирал.

И Гаврик, и Мотя, и Мотина мама, и Петя, проводивший те-
перь почти все время на море, — все знали, что дедушка скоро
умрет.

Знал это и сам дедушка.

...Однажды утром Петя пришел на море и не нашел возле
хибарки старика. На том месте, где обычно стояла его кровать,

теперь были устроены козлы, и на них чужой рослый старик с киевским крестиком на черной шее стругал доску.

Длинная стружка, туго завиваясь, штопором лезла из рубанка.

Тут же стояла Мотя в новом, но некрасивом, ни разу не стиранном коленкорovém платье и в тесных ботинках.

— А у нас дедушка сегодня умер, — сказала она...

На третий день дедушку похоронили.

...Четыре русоусых рыбака несли на плечах дедушку в легком открытом гробу.

Впереди... шел чистенький, умытый, аккуратно причесанный Гаврик. Он держал на полотенце громадную глиняную миску с колемом¹.

Гроб провожали Мотина мама с Женечкой на руках, Мотя, Петя и несколько соседей-рыбаков в праздничных костюмах, всего человек восемь. Но по мере приближения к кладбищу народу за гробом становилось все больше и больше.

Слух о похоронах старого рыбака, избитого в участке, непонятным образом облетел весь берег от Ланжерона до Люстдорфа.

Из приморских переулков целыми семьями и куренями выходили рыбаки — малофонтанские, среднефонтанские, с дачи Вальтуха, из Аркадии, с Золотого Берега, — присоединяясь к процессии.

Теперь за нищим гробом дедушки в глубоком молчании шла уже толпа человек в триста.

...Дедушку зарыли на узкой лужайке, усеянной лиловыми скорлупками пасхальных крашенок, у самой стены, за которой уже двигались фуражки конной полиции. Люди тесным кольцом окружили могилу, куда медленно опускалась на полотенцах легкая лодка нищего гроба...

Один из другим, не торопясь и не толкаясь, люди подходили к свежей могиле, крестились, кланялись в пояс и подавали руку сначала Мотиной маме, потом Гаврику.

Гаврик же, дав Пете держать миску, аккуратно и хозяйственно насупившись, выбирал новенькой деревянной ложкой колемо — каждому понемногу, чтобы всем досталось, и клал его в протянутые ковшиком руки и в шапки. Люди с бережным ува-

¹ *Колемо* (укр.) — кутья, кушанье из вареного риса с изюмом или медом, которое едят на похоронах и на поминках.

жением, стараясь не уронить ни зернышка, высыпали колемо в рот и отходили, уступая место следующим.

Это было все, что могла предложить дедушкина семья друзьям и знакомым, разделившим ее горе.

Некоторым из подходивших за колемом рыбакам Гаврик говорил с поклоном:

— Кланялся вам Терентий, просил не забывать: завтра часов в двенадцать маевка¹ на своих шаландах против Аркадии.

— Приедем.

Наконец в опустошенной миске осталось всего четыре лиловых мармеладки.

Тогда Гаврик с достоинством поклонился тем, кому не хватило, сказал: «Извиняйте» — и распределил четыре лакомых кусочка между Женечкой, Мотей и Петей, не забыв, однако, и себя. Давая Пете мармеладку, он сказал:

— Ничего. Она хорошая. Братьев Крахмальниковых. Скушай за упокой души. Поедешь завтра с нами на маевку?

— Поеду, — сказал Петя и поклонился могиле в пояс, так же точно, как это делали все другие.

Толпа не спеша разошлась. Кладбище опустело. Где-то далеко, за стеной, послышался одинокий голос, затянувший песню. Ее подхватили хором:

Прощай же, товарищ, ты честно прошел
Свой доблестный путь благородный.

Но тотчас раздался полицейский свисток. Песня прекратилась. Петя услышал шум множества ног, бегущих за стеной. И все стихло.

Несколько капель дождя окропило могилу. Но дождик лишь подразнил — перестал, не успев начаться. Стало еще более душно, сумрачно.

Мотя с мамой, Гаврик и Петя в последний раз перекрестились и пошли домой. Петя простился с друзьями у Куликова поля.

— Так не забудь, — сказал Гаврик многозначительно.

— Говоришь! — Петя с достоинством кивнул головой.

Затем он, как бы невзначай, подошел к Моте. Унизительно

¹ *Маевка* — в дореволюционной России нелегальное собрание рабочих, устраиваемое за городом 1 Мая.

краснея от того, что приходится обращаться с вопросом к девочке, он быстро шепнул:

— Слышь, Мотыка, что такое маевка?

Мотя сделала строгое, даже несколько постное лицо и ответила:

— Рабочая пасха.

МАЕВКА

Теплый дождик шел всю ночь. Он начался в апреле и кончился в мае. В девятом часу утра ветер унес последние капли.

Море курилось парным туманом, сливаясь с еще не расчищенным небом. Горизонт отсутствовал. Купальни как бы висели в молочном воздухе. Лишь извилистые и глянцевиые отражения свай покачивались на волне цвета бутылочного стекла.

Гаврик и Петя гребли, с наслаждением опуская весла в воду, теплую даже на вид.

Сначала наваливались — кто кого перегребет. Но Пете трудно было тягаться с Гавриком. Маленький рыбак без особого труда одолевал гимназистика, и лодка все время крутилась.

...Петя старательно сопел, высунув язык. Правду сказать, он немного уже устал. Но он ни за что не сознался бы в этом перед Гавриком.

Кроме того, мальчика сильно беспокоил вопрос: маевка это уже или еще не маевка? Однако ему не хотелось спрашивать, чтобы опять не оказаться в дураках.

Мотя сказала, что маевка — это рабочая пасха. Но вот они уже добрых полчаса плывут вдоль берега, и до сих пор что-то не видать ни кулича, ни окорока, ни крашенных яиц. Впрочем, может быть, это так и полагается. Ведь пасха-то не просто пасха, а рабочая.

Все же в конце концов мальчик не выдержал.

— Послушайте, — сказал он Терентию, — это уже самая маевка или еще нет?

— Еще не маевка.

— А когда она будет? Скоро?..

— Сначала подъедем до Малого Фонтана — заберем одного человека, а там и маевку будем начинать.

Действительно, на Малом Фонтане в шаланду прыгнул франтоватый господин с тросточкой и веревочной кошелкой. Он со всего маху сел рядом с Терентием, воровато оглянувшись на берег и сказал:

— Навались. Поехали.

Это был матрос.

Но, боже мой, как он был наряден!

Мальчики смотрели на него с полуоткрытыми ртами, восхищенные и подавленные его неожиданным великолепием.

...Скоро шаланда очутилась среди множества других рыбацких шаланд, болтавшихся на одном месте против Аркадии, как это и было условлено заранее.

Целая флотилия разноцветных лодок окружила старую, облезшую посудину покойного дедушки...

— Здорово, Терентий!

— Осторожно! Не потопа наши калоши своим броненосцем!

— Эй, босяки, пропустите главного политического!

— Тереха! Дорогой друг! И где это ты поймал такого молодого человека? Нет спасения — жилет-пике, бламанже, парле франсе!..

Когда водворилась тишина и порядок, Терентий толкнул матроса локтем.

— Начинай, Родя.

Матрос не спеша снял шляпу, положил ее на колени и крошечным гребешком расчесал усики. Затем он встал и, расставив для устойчивости ноги, произнес ясно и громко, так, чтобы его услышали все:

— Здравствуйте, товарищи одесские рыбаки! С Первым вас мая!

Лицо его сразу сделалось скуластым, курносым, решительным.

— Тут мне послышалось, кому-то было интересно узнать, что я за такой сюда к вам приехал — интересный господинчик в перчаточках и в крахмалке, парле франсе. На это могу вам ответить, что я есть член Российской социал-демократической рабочей партии, фракции большевиков, посланный сюда к вам от Одесского объединенного комитета. И я есть такой же самый рабочий человек и моряк, как вы здесь все. А что касается крахмале жилет-пике, белые брючки, то на этот вопрос тоже могу я вам с удовольствием ответить одним вопросом. Вот вы все здесь одесские рыбаки и, наверное, знаете. Почему, скажите вы мне, рыба скумбрия носит на себе такую красивую голубую шкуру с синими полосками, вроде муаровыми? Не знаете? Так я вам

¹ Муар — шелковая ткань с волнообразным отливом.

могу свободно это объяснить. Чтоб тую скумбрию незаметно было в нашем голубом Черном море и чтоб она не так скоро споймалась на ваш рыбацкий самодур. Ясно?

На шаландах послышался смех. Матрос подмигнул, тряхнул головой и сказал:

— Так вот я есть тая же самая рыба, которая специально одевается в такую шкуру, чтоб ее не сразу было заметно.

На шаландах засмеялись еще пуще:

— Добрая рыба!

— Целый дельфин!

— А не страшно тебе попасть один какой-нибудь раз на крючок?

Матрос подождал, когда кончатся возгласы, и заметил:

— А ну, споймай меня. Я скользкий.

Затем он продолжал:

— Вот я смотрю вокруг, товарищи, и думаю про нашу воду и землю. Солинышко светит. В море до черта всякой рыбы. На полях до черта пшеницы. В садах разная фрукта: яблоки, аберкосы, вишня, черешня, груша. Растет виноград. На степу кони, волы, коровы, овечки. В земле золото, серебро, железо, всякие-разные металлы. Живи — не хочу. Кажется, на всех хватает. Кажется, все люди свободно могут быть довольные и счастливые. Так что же вы думаете? Нет! Всюду непременно есть богатые, которые совсем не работают, а забирают себе все, и всюду есть бедные, нищие люди, которые работают день и ночь, как проклятые, и не имеют с этого ни черта! Как же это так получается? Могу вам на это ответить: очень просто. Возьмем рыбака. Что делает рыбак? Ловит рыбу. Наловит и идет на привоз. И сколько же ему, например, дают на привозе за сотню бычков? Тридцать — сорок копеек!

Матрос остановился и посмотрел вокруг.

— Еще спасибо, если дадут тридцать, — сказал похожий на дедушку старик, прилегший на носу неуклюжей шаланды «Дельфин». — Я позавчера принес четыре сотни, а она мне больше как по двадцать пять не хочет платить, хоть ты что! И тут же их сама продает по восемь гривен.

Все оживились. Матрос попал в самое больное место. Каждый старался высказать свои обиды. Кто жаловался, что без паруса не жизнь. Кто кричал, что привоз держит за горло...

А матрос, перекрывая шум, продолжал:

— Значит, выходит, что у нас буржуи отнимают три четверти нашего труда. А мы что? Как только мы подыдем голову, так они нас сейчас шашкой по черепу — трах! Бьют еще нас, товарищи, сильно бьют. Подняли мы красный флаг на «Потемкине» — не удержали в руках. Сделали восстание — то же самое. Сколько нашей рабочей крови пролилось по всей России — страшно подумать! Сколько нашего брата погибло на виселицах, в царских застенках, в охранках! Говорить вам об этом не приходится, сами знаете. Вчера, кажется, хоронили вы одного своего хорошего старика, который тихо и незаметно жизнь

свою отдал за счастье внуков и правнуков. Перестало биться его старое благородное рабочее сердце. Отошла его дорогая нам всем душа. Где она, тая душа? Нет ее и никогда уже не будет... А может быть, она сейчас летает над нами, как чайка, и радуется на нас, что мы не оставляем своего дела и собираемся еще и еще раз драться за свою свободу до тех пор, пока окончательно не свергнем со своей спины ненавистную власть...

Матрос замолчал и стал вытирать платочком вспотевший лоб. Ветер играл красным шелковым лоскутком, как маленьким знаменем.

Полная, глубокая тишина стояла над шаландами.

А с берега уже доносились тревожные свистки городских...

Тогда матрос скомандовал мальчикам:

— Весла-а-а... на воду!.. Ать! Ать-ать! Ать!

И, хлопнув Терентия по спине, закричал:

Черное море,
Белый пароход.

Плავает мой милый
Уж четвертый год.

— Ну, босяки! Что же вы не помогаете?

И Терентий и оба мальчика весело подхватили:

Ты не плачь, Маруся,
Будешь ты моя.

Я к тебе вернусь,
Возьму за себя!

Маевка кончилась.

Но к берегу пристали не скоро — часа два еще крутились в море, выжидая удобного момента.

Сначала высадили Терентия возле Золотого Берега, а потом отвезли матроса на Ланжерон.

Прежде чем сойти на берег, матрос долго осматривался по сторонам. Наконец он махнул рукой: «Ничего. Авось-небось, как-нибудь...», подхватил под мышку свою щегольскую тросточку с мельхиоровой ручкой в виде лошадиной головы и выпрыгнул из шаланды.

— Спасибо, хлопчики! — пробормотал он поспешно. — До приятного свидания.

И с этими словами исчез в толпе гуляющих.

Петя вернулся домой к обеду, с пузырями на ладонях и красным, за один день обгоревшим лицом.

Прошла неделя.

За это время Петя ни разу не побывал на море. Он был занят приготовлениями к отъезду в экономию. Приходилось то с папой, то с тетей отправляться в город за покупками...

Но однажды рано утром во дворе раздался знакомый свист. Мальчик подбежал к окну и увидел посредине двора Гаврика.

Через минуту Петя очутился внизу. У Гаврика был необыкновенно озабоченный вид. Его сероватое лицо, решительно поджатые губы и слишком блестящие глаза говорили о том, что произошло какое-то несчастье.

Сердце у Пети сжалось.

— Ну, — против воли понижая голос до шепота, спросил он, — что?

Гаврик, насупившись, отвернулся.

— Ничего. Хочешь идти с нами на шаланде?

— Когда?

— А сейчас. Я, Мотья и ты. Под парусом!

Нечего и говорить, что Петя даже не сбежал домой за фуражкой. Через десять минут мальчики были уже на берегу.

Шаланда со вставленной мачтой и свернутым парусом, до половины выдвинутая в море, покачивалась на легкой волне. Босая Мотя возилась на дне лодки, укладывая в ящик под кормой дубовый бочонок с водой и буханку житного хлеба.

— Петька, берись! — сказал Гаврик, упираясь плечом в корму.

Мальчики навалились и, без особого труда столкнув шаланду, вскочили в нее уже на ходу.

— Поехали!..

— Куда мы едем? — спросил Петя.

— Увидишь.

— А далеко?

— Узнаешь...

Некоторое время все молчали.

Вдруг Гаврик полез в карман и вытащил довольно большие часы черной вороненой стали. Он с важностью приложил их к уху, послушал, как они тикают, и затем не без труда отколупнул крышку мраморным ногтем со множеством белых пятен, как известно, приносящих человеку счастье.

Если бы Гаврик вытащил из кармана живую гадюку или

горсть драгоценных камней, то и тогда Петя был бы удивлен меньше.

Собственные карманные часы! Это было почти то же самое, что собственный велосипед или собственное монтекристо¹. Даже, может быть, больше.

У Пети захватило дух. Он не верил своим глазам. Он был подавлен. А Гаврик между тем принялся сосредоточенно отсчитывать указательным пальцем цифры, шепча себе под нос:

— Один час, два, три, чечире, пять... Девять и еще грошки. Ничего. Поспеем.

— Покажи! — закричал Петя вне себя от изумления.

— Не лапай, не купишь.

— Это твои?

— Не.

И, притянув Петю за рукав, Гаврик таинственно шепнул ему:

— Казенные. С комитета. Понятно?

— Понятно, — прошептал Петя, хотя ему совершенно ничего не было понятно.

— Слухай здесь, — продолжал Гаврик, искоса поглядывая на Мотю. — Матроса нашего поймали. Чуешь? Он теперь сидит в тюрьме. Шестой день. Его после той самой маевки прямо на Ланжероне схватили. Только у него, понятно, документ на другую фамилию. Пока ничего. Ну только если те драконы его откроют, то молись богу, ставь черный крест, сейчас же и повесят. Чуешь? А они его могут открыть каждую минуту. Снимут с него усы. Найдут какого-нибудь Иуду, сделают очную и откроют. Теперь чуешь, какое выходит некрасивое дело?

— Врешь! — испуганно воскликнул Петя.

— Раз я тебе говорю, значит, знаю. Теперь слухай здесь опять. Пока он сидит там еще не открытый, ему на воле подстраивают убежать. Комитет подстраивает. Сегодня как раз в десять с половиной ровным счетом он будет бежать с тюрьмы прямо на Большой Фонтан, а отсюда на нашей шаланде под парусом обратно в Румынию. Теперь чуешь, куда мы идем? На Большой Фонтан. Шаланду переправляем. А часы мне Терентий из комитета принес, чтоб не было опоздания.

¹ Монтекристо — система малокалиберных патронных ружей и пистолетов; здесь: ружье.

Гаврик снова достал часы и начал на них старательно смотреть.

— Без чуточки десять. Успеем в самый раз.

— Как же он убежит? — прошептал Петя. — Его же там сторожат тюремщики и часовые?

— Не важно. У него как раз в десять и с половиной прогулка. Выводят погулять на тюремный двор. Ему только надо перебежать через огороды, а на малофонтанской дороге его уже Терентий дожидается с извозчиком. И — ходу прямо к шаланде. Чуешь?

— Чую. А как же он перелезет через тюремную стену? Она же высокая. Во какая! До второго этажа. Пока он будет лезть, они его застрелят из винтовки.

Гаврик сморщился, как от оскомины.

— Та не! Ты слухай здесь. Зачем ему лезть через стенку? Стенку Терентий подорвет.

— Как это подорвет?

— Чудак! Говорю — подорвет. Сделает в ней пролом. Ночью под нее один человек с комитета... подложил танамид, а сегодня в десять и с половиной утра, аккуратно как начнется у нашего матроса прогулка, Терентий с той стороны подпалит фитиль и — ходу к извозчику. И будем ждать. Танамид ка-ак бабахнет...

Петя строго посмотрел на Гаврика.

— Что бабахнет?

— Танамид.

— Как?

— Танамид, — не совсем уверенно повторил Гаврик, — который взрывает. А что?

— Не танамид, а динамит! — наставительно сказал Петя.

— Нехай динамит. Не важно, лишь бы стенку проломало.

Петя сейчас только вдруг понял как следует значение Гавриковых слов. Он почувствовал, что его спина покрывается «гусиной кожей».

Темными большими глазами он посмотрел на друга.

— Дай честное благородное слово, что правда.

— Честное благородное.

— Перекрестись.

— Святой истинный крест на церкву.

Гаврик истово и быстро перекрестился на монастырские купола Большого Фонтана. Но Петя верил ему и без этого. Кре-

ститься заставил больше для порядка. Петя всей своей душой чувствовал, что это правда.

Гаврик опустил парус. Шаланда стукнулась о маленькие лодочные мостики. Берег был пуст и дикий...

— Я останусь в шаланде, — сказал Гаврик, — а ты и Мотья бежите наверх и стойте в переулочке. Будете их встречать. Как только они подъедут, замахайте платочком, чтобы я подымал парус. Соображаешь, Петька?

— Соображаю... А если их часовой подстрелит?

— Промажется, — с уверенностью сказал Гаврик и сурово усмехнулся. — Часовой как раз с Дофиновки, знакомый. Бежи, Петька. Как только их заметишь, так сразу начинай махать. Сможешь?

— Спрашиваешь!

Петя и Мотья вылезли из шаланды и побежали наверх...

— Мотья, слушай здесь, — сказал Петя, осмотревшись по сторонам. — Я влезу на шелковицу — оттуда дальше видно, — а ты ходи по переулку и тоже хорошенько смотри. Кто раньше заметит.

По правде сказать, на шелковицу можно было и не лазить, так как снизу тоже все было прекрасно видно. Но Петя уже почувствовал себя начальником. Ему хотелось совершать поступки и командовать...

— Слушай здесь. Как только их увидишь, сейчас же кричи мне. А как только я увижу — буду кричать тебе. Хочешь?

— Хочу, — тоненьким голоском сказала девочка.

— Ну, ступай...

Сначала мальчику очень нравилась эта игра.

Необыкновенно приятно было сидеть высоко на дереве, с напряжением глядя в конец переулка — не покажется ли мчащийся извозчик.

О, как ясно представлял он себе взмыленную лошадь и кучера, размахивающего над головой свистящим кнутом! Экипаж подлетает. Из него выскакивают с револьверами в руках Терентий и матрос. За ними бегут тюремщики. Терентий и матрос отстреливаются. Тюремщики один за другим падают убитые. Петя из всех сил машет платком, кричит, ловко прыгает с дерева и мчится, обгоняя всех, к лодке — помогать ставить парус. А Мотья только сейчас догадалась, что это приехали они. Ничего не поделаешь: девчонка.

...Но время шло, а никого не было. Становилось скучновато...

Мальчик уже давно успел рассмотреть во всех подробностях соседнюю дачу: ярко-зеленые газоны, гравий на дорожках, туи¹, статую, испещренную лиловыми кляксами тени, вазу, из которой ниспадали длинные острые листья алоэ, и художника, пишущего пейзаж.

Художник, с закрученными усами и эспаньолкой², в бархатном берете, сидел под зонтиком на складном полотняном стульчике и, откинувшись, ударял длинной кистью по холсту на мольберте³.

Ударит и полюбуется, ударит и полюбуется...

...А между тем уже давно подъехал пыльный извозчик, и по переулку медленно шли два человека. Впереди них бежала Мотья, крича:

— У меня уже приехали! Махайте, махайте!

Петя чуть не свалился с дерева. Он вырвал из кармана платок и стал отчаянно крутить над головой.

Шаланда закачалась сильнее, и Петя увидел, что Гаврик прыгает и машет руками.

Под шелковицей, на которой сидел Петя, прошли Терентий и матрос. По их пламенно-красным лицам струился пот. Мальчик слышал их тяжелое дыхание.

Матрос шел без шапки, сильно хромя. Его щегольские кремовые брюки — те самые, в которых Петя видел его в последний раз, на маевке, — были порваны и выпачканы кирпичным порошком.

Грязная полуоторванная манишка⁴ обнажала выпуклую, блестящую от пота грудь.

Сжатые кулаки были как бы опутаны голубыми веревками жил. Усики висели. На обросшем лице сильно выдавались скулы. Глаза сухо искрились. Горло двигалось.

— Здравствуйте, дядя! — крикнул Петя.

Терентий и матрос посмотрели на мальчика и усмехнулись. Пете показалось даже, что матрос подмигнул ему. Но они уже бежали вниз, оставляя за собой облако пыли.

¹ Туя — вечнозеленое хвойное дерево.

² Эспаньолка — короткая остроконечная борода.

³ Мольберт — подставка для подрамника с холстом, на котором художник пишет картину.

⁴ Манишка — белый нагрудник, пришитый или пристегиваемый к мужской сорочке.

— А я первая увидела, ага! — сказала Мотя.

Петя слез с дерева, делая вид, что не слышит.

Мальчик и девочка стояли рядом, глядя вниз на шаланду, подымавшую парус.

Они видели, как маленькая фигурка матроса прыгнула в лодку. Парус надулся. Его стало относить от берега, как лепесток. Теперь на опустевших мостках стояли только Терентий и Гаврик. Через минуту Терентий исчез.

Остался один Гаврик. Он махнул Пете и Моте рукой и стал, не торопясь, подниматься по обрыву.

Шаланда, подпрыгивая и разбивая волну, быстро уходила в открытое море, ярко синевшее крепкой зыбью.

— Поехал один, — сказал Петя.

— Ничего. Мы ему хлеба положили. Целую буханку. И во-семь таранек.

Скоро к Пете и Моте присоединился и Гаврик.

— Слава богу, отправили, — сказал он, перекрестившись. —

А то прямо наказание.

— А как же шаланда? — спросил Петя. — Так теперь и пропала?

— Шаланда пропала, — сумрачно сказал Гаврик, почесав макушку.

— Как же вы будете без шаланды?

— Не дрейфь. Не пропадем как-нибудь.

Торопиться было некуда.

Дети перелезли через забор и тихонько остановились за спиной художника.

Теперь почти уже весь пейзаж был готов. Затаив дыхание, они засмотрелись, очарованные чудесным возникновением на маленьком холсте целого мира, совсем другого, чем на самом деле, и вместе с тем как две капли воды похожего на настоящий.

— Море есть, а шаланды нету, — шепнула Мотя, как бы нечаянно положив руку на Петино плечо, и тихонько хихикинула.

Но вот художник набрал тонкой кистью каплю белил и в самой середине картины на лаковой синеве только что написанного моря поставил маленькую выпуклую запятую.

— Парус! — восхищенно вздохнула Мотя.

Теперь нарисованное море невозможно было отличить от настоящего. Все — как там. Даже парус.

И дети, тихонько толкая друг друга локтями, долго смотрели то на картину, то на настоящее, очень широко открытое море,

в туманной голубизне которого таял маленький парус дедушкиной шаланды, легкий и воздушный, как чайка.

...Под ним струя светлей лазури.

Над ним луч солнца золотой.

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

Вопросы и задания.

1. В повести В. П. Катаева «Белеет парус одинокий» рассказывается о революционных событиях 1905 года в г. Одессе (мятежный броненосец «Потемкин», забастовка железнодорожных рабочих, восстание в городе, подавление восстания, маевка). Выделите и перечитайте массовые сцены (эпизоды с участием множества действующих лиц), в которых повествуется о столкновении народа с царскими властями.
2. Кто в повести вызывает у вас чувства ненависти, презрения и гнева?
 - а) Выразительно прочитайте в лицах или инсценируйте эпизоды столкновения Гаврика с «усатым» в главах «Вопросы и ответы» и «Погоня» (см. полный текст повести). Как удастся Гаврику взять верх над опытным сыщиком?
 - б) Выразительно прочитайте эпизод «Допрос дедушки полицейским приставом». Сравните поведение, внешний облик, речь пристава и дедушки и на основании этого расскажите о каждом действующем лице.
 - в) Подумайте, какой могла бы быть иллюстрация к эпизоду «Гаврик и мадам Стороженко на базаре». Передайте в этой иллюстрации взаимоотношения, существующие между торговой и маленьким рыбаком.
 - г) Как относится автор к действующим лицам названных выше эпизодов? Подтвердите свое мнение примерами.
3. Расскажите о единстве жизненных целей, товариществе, взаимовыручке революционеров-подпольщиков, изображенных в повести.
 - а) Как проявляет себя каждый из них в период подготовки революционного выступления, во время восстания и после его разгрома?
 - б) Подумайте, в каком эпизоде, по вашему мнению, наиболее ярко раскрываются героические черты революционеров-подпольщиков, Родиона Жукова, Терентия? Выразительно прочитайте выделенный вами эпизод.

4. Какое настроение вызывает у вас конец повести? Как вы понимаете название повести? Почему писатель неоднократно обращается к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Парус»?
5. Обратите внимание на портреты Гаврика и дедушки, на описание их жилища. Что мы узнаем об условиях жизни старого рыбака и его внука? Как Гаврик и дедушка относились друг к другу? Какое влияние оказала ранняя трудовая жизнь на характер Гаврика? Почему Гаврик пользовался доверием рабочего комитета и какие задания выполнял по его поручению? В каких эпизодах, по-вашему, ярче всего раскрылся характер Гаврика?
6. Расскажите о Пете, о его занятиях и увлечениях. Через какие испытания прошел Петя вместе с Гавриком? Под влиянием каких людей и событий он понял, что «жизнь — вовсе не такая беззаботная вещь, какой казалась еще совсем недавно»?
7. Подготовьте устное сочинение на тему «Два друга», руководствуясь вопросами:
 - а) В каких условиях росли Петя и Гаврик? б) Как влияли на мальчиков близкие им люди (отец Пети, дедушка Гаврика и брат Терентий)? в) Что сблизило таких разных по характеру и образу жизни мальчиков? г) Как относились друг к другу Петя и Гаврик? д) Приведите доказательства того, что Петя и Гаврик — настоящие друзья.
8. Дайте названия иллюстрациям к повести. Какие иллюстрации вам хотелось бы добавить к имеющимся? Что бы вы на них изобразили?
- Рассмотрите картину художника Ф. С. Богородского «Братишка» (см. цветную вклейку). Постарайтесь рассказать о характере героя этой картины, представьте себе обстоятельства его жизни. Почему художник назвал свою картину «Братишка»?
9. Расскажите историю своей семьи. Что знаете вы о жизни своих бабушек и дедушек, о своих прадедах?

О пейзаже в литературном произведении

Пейзаж в литературном произведении — это художественное описание природы.

Пейзаж помогает писателю рассказать о месте и времени

изображаемых событий. Так, в произведении Катаева «Белеет парус одинокий» все события связаны с Черным морем, поэтому на страницах повести мы находим много морских пейзажей: море ночью и утром, море в тихую погоду и в шторм. Вот как описывает Катаев штиль и бурю на море:

Между тем солнце еще немножко поднялось над горизонтом. Теперь море сияло уже не сплошь, а лишь в двух местах: длинной полосой на самом горизонте и десятком режущих глаза звезд, попеременно вспыхивающих в зеркале волны, осторожно лежащей на песок...

На всем же остальном своем громадном пространстве море светилось такой нежной, такой грустной голубизной августовского штиля, что невозможно было не вспомнить:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

...налетает буря, и оно грозно преобразается. Штормовый ветер гонит крупную зыбь. По грифельному небу летают с криками чайки. Взбаламученные волны волокут и швыряют вдоль берега глянцевого тело дохлого дельфина... Малахитовые доски прибоя, размашисто исписанные белыми зигзагами пены, с пушечным громом разбиваются о берег. Эхо звенит бронзой в оглушенном воздухе...

Писатель выразительно, красочно рисует и безмятежный покой моря, и могучую, грозную силу бури; его яркие картины полны движения, звуков. Кажется, что мы видим море, слышим его.

Пейзаж в художественном произведении помогает читателям представить не только место и время событий, но и глубже понять переживания и думы героев. Вспомним картину осенней рожи в Кистеневке, где Владимир Дубровский после похорон отца предается горьким раздумьям.

Вчитываясь в описание осенней картины, мы особенно остро чувствуем одиночество и безотрадность положения Владимира Дубровского. В появлении у читателя таких чувств немалую роль сыграл пейзаж.

Иногда картина природы в произведении по настроению прямо противоположна переживаниям героя. В повести Катаева мы читаем:

...Внезапно мальчик ясно почувствовал свое одиночество... Роскошная августовская ночь висела над миром. Черное мерцающее небо осыпало бегущего мальчика звездами. Звон сверчков подымался, струясь, до самого Млечного Пути.

Но какое дело было измученному и оскорбленному ребенку до этой равнодушной красоты, не имевшей власти сделать его счастливым?

Таким образом, пейзаж в художественном произведении помогает читателю не только представить место и время действия, но и глубже понять и почувствовать душевное состояние героя.

Задания.

1. Найдите в статье ответ на вопрос: «Какова роль пейзажа в литературном произведении?»
2. Отметьте в главе «Море» (В. П. Катаев. «Белеет парус одинокий») эпитеты и сравнения, которые помогают писателю нарисовать картины спокойного и бурного моря.
3. Рассмотрите картину И. И. Шишкина «Рожь» (см. цветную вклейку). Представьте себе, что вы идете по дороге, изображенной художником. Напишите, что вы видите вокруг себя, что слышите, что чувствуете.

Дмитрий Гулиа

ОЛЕНЬ

Стоял он, красивый и рослый,
На круче у горной реки...
Рога — как трехлетние сосны,
А ноги, как лозы, тонки.

Такой не падет на колени,
Со всех окруженный сторон,
Стоял изваяньем оленя
С глазами горящими он.

Под кручей туманы клубятся,
И пропасть лежит, как в дыму...
Он сделал, что мог. И ему
Теперь — погигать или сдаться.

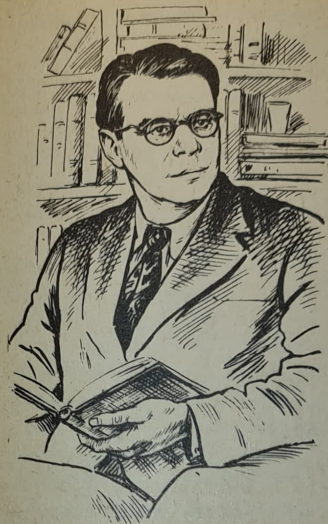
Казалось, он должен
смириться —
Охотник живым заберет...
Но, ринувшись в пропасть,
вперед,

Он стал на мгновение птицей.

И люди, у бездны на грани,
В молчанье следили за ним,
Пока он не скрылся в тумане,
По-прежнему непобедим.

А мне захотелось сегодня
Поведать вам песню о том,
Что лучше погибнуть
свободным,
Чем жить, оставаясь рабом.

Перевод с абхазского М. Соболя

Михаил
Васильевич
Исаковский
(1900—1973)

Михаил Васильевич Исаковский — автор замечательных стихов и поэм, всенародно любимых песен, таких, как «Огонек», «Прощальная комсомольская» («Дан приказ: ему на запад...»), «В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои, растуманы...», «Летят перелетные птицы» и многих других.

Особым признанием во всем мире до сих пор пользуется песня «Катюша», написанная в 1938 году. В годы Великой Отечественной войны «Катюшу» пели не только наши воины, но и бойцы армии Сопротивления во Франции и партизаны Италии.

Родился М. Исаковский в бедной крестьянской семье на Смоленщине. Поэт так вспоминает о своем детстве: «Встают перед глазами... хата с промерзшими углами, с окнами, густо покрытыми инеем. Мать прядет лен или тклет холстину. Я сижу на печке, и мне очень скучно: хочется пойти на улицу, побегать, порезвиться. Но пойти я не могу — нет ни одежды, ни обуви...»

И если бы не помощь народных учителей, которые обратили внимание на одаренность Исаковского, вряд ли бы смог он получить образование.

Октябрьская революция явилась для Исаковского, как и для миллионов других людей из народа, освобождением от нищеты

и гнета, открыла путь к знаниям, к полной и богатой духовной жизни, к утверждению собственной личности.

Воплощением социальной правды и справедливости, примером жизни, отданной народу, для М. В. Исаковского был В. И. Ленин.

События революции сразу вовлекли юношу в активную общественную деятельность. Он становится сельским учителем, вступает в Коммунистическую партию, редактирует газету, занимается литературным творчеством.

С первых дней Великой Отечественной войны советская поэзия выступила на первый край борьбы с фашизмом. Штыком и пером сражались советские поэты. Многие из них ушли на фронт бойцами или военными корреспондентами. А те, кто не смог взять в руки оружие, разил врага огненным словом. В боевом строю поэтов-воинов был в это время и М. В. Исаковский. Тяжелая болезнь глаз не позволила ему надеть солдатскую шинель. Но его вдохновенная поэзия была на переднем крае борьбы, в сердцах воинов, идущих в бой. Произведения М. В. Исаковского тех грозных лет — настоящая поэтическая летопись войны.

В письме к землякам, избравшим его в Верховный Совет РСФСР, поэт писал: «Всю свою сознательную жизнь я считал, что советский писатель всеми своими помыслами постоянно должен быть с народом, что он должен писать о самом главном в жизни народа, о его делах и чаяниях, о его стремлениях, о его борьбе, о радостях и горестях. В меру своих сил и таланта я старался это делать всегда».

Большинство своих душевных стихов и песен поэт посвятил людям советской деревни, их делам, думам, чувствам.

Вопросы.

1. Какие песни на слова М. В. Исаковского вы слышите по радио? Какие поют в вашей семье? Почему их так любят?
2. Что поэт рассказывает о своем детстве?
3. Каким, по мнению М. В. Исаковского, должен быть народный писатель?

Дума о Ленине

*Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь.*

Из старой русской народной песни

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на горах тряпья, —
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо, —
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому великому делу его.

Вопросы и задания.

1. Почему в качестве эпиграфа М. Исаковский взял слова из народной песни? Как рассказывается в этой песне о судьбе крестьянки?
2. Как поэт изображает жизнь народа до революции?
3. Почему стихотворение, в котором поэт рассказывает о своей судьбе, называется «Дума о Ленине»?
4. Составьте рассказ по картине В. А. Серова «Ждут сигнала» (см. цветную вклейку). Объясните ее название. Какой исторический момент изобразил художник? Вглядитесь в лица героев картины. Что переживают солдаты революции? Как вы думаете, каким путем пришел каждый из них в ряды революционных бойцов? Что их объединяет?

Демьян БЕДНЫЙ (1883—1945)

Демьян Бедный — литературное имя советского поэта и баснописца Ефима Алексеевича Придворова.

Он родился в крестьянской семье, рано узнал горе и нужду.

Время темное, глухое...
И забитость, и нужда...
Ой ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случилось спину гнуть!
К честным людям, к умной книжке
Сам протоптывал я путь...

Еще до революции стихи Д. Бедного начали появляться в рабочей печати. Он был одним из основных сотрудников газеты «Правда». И уже тогда стихотворение и басни Демьяна Бедного привлекли внимание В. И. Ленина. Он высоко оценил силу произведений молодого поэта, их остроумие, простоту, доходчивость. В Ленине поэт нашел учителя, наставника, друга и отвечал ему горячей любовью и признательностью.

Во время революции, на фронтах гражданской войны частушки, басни, стихи, песни Демьяна Бедного без промаха разили врага, поднимали дух борцов за новую жизнь.

Известие о смерти Ильича потрясло поэта. Свое глубокое горе и горе всего народа он выразил в стихотворении «Снежинки». Но поэт знал: идеи Ленина бессмертны, дело его непобедимо. Он писал:

...Наследье гениев былого —
Источник всякого добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.
Трудясь, мы знаем: Ленин с нами!
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нем!

Снежинки

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок.
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925 г.

**Зоя
Ивановна
ВОСКРЕСЕНСКАЯ**
(род. в 1907 г.)

В литературу З. И. Воскресенская вступила, имея богатый жизненный опыт. Детские годы писательницы прошли в среднерусском городке Алексине Тульской области, раскинувшемся на живописном берегу Оки. Общение с природой, чтение произведений Пушкина, Гоголя, Станюковича, Майн-Рида, Жюль Верна и многих других писателей скрашивало суровое, голодное детство. Уже в четырнадцать лет Зое пришлось стать основным кормильцем семьи. Она пошла работать. Была курьером, библиотекарем, рабочей на заводе, вожатой, училась на рабфаке, двадцать шесть лет своей жизни З. И. Воскресенская отдала военной службе. Была участницей Великой Отечественной войны.

«Как бы три этапа составляют жизнь писательницы, — пишет о ней М. П. Прилежаева. — Первый — в юные годы: Зоя Воскресенская, окончив школу, посвящает себя пионерской и комсомольской работе. Очень важно было почувствовать, что силы и сердце отданы служению Родине. Второй, ответственный этап — военная служба, которую З. И. Воскресенская оставила в звании полковника. И, наконец, третий — это писательская работа, когда дарование, энергия всецело отданы литературному творчеству».

Многими орденами и медалями отметила Родина труд писательницы и общественного деятеля З. И. Воскресенской... Боль-

шинство ее книг, таких, как «Сердце матери», «Встреча», «Дорогое имя», «Сквозь ледяную мглу», «Утро», «Костры», «Надежда» и другие, посвящено жизни и борьбе В. И. Ленина, его семье — семье Ульяновых, другу и верному соратнику Ильича — Надежде Константиновне Крупской и товарищам по партии. В основу каждого рассказа, каждой повести положены реальные факты биографии Ленина, изучению которой З. И. Воскресенская отдает все свои творческие силы: «...чем больше узнаешь о Ленине, тем яснее понимаешь, как мало знаешь, — признается писательница. — ...Одному человеку не хватит жизни, чтобы создать объемный монументальный портрет Ленина»¹.

Книги З. И. Воскресенской изданы на сорока языках народов нашей страны и более чем на двадцати языках народов других стран. Юные читатели знакомятся по этим книгам с историей первой в мире социалистической революции, с ее вождем В. И. Лениным.

Вопросы и задание.

1. Какова главная тема произведений З. И. Воскресенской?
2. Прочитайте повесть З. И. Воскресенской «Сердце матери». Чем она вас взволновала? Какое представление сложилось у вас о героине повести?

Отчаянные глаза

Антень шагал по раскаленной июльским солнцем парижской мостовой. Мимо катили экипажи, спешили прохожие. Люди бросали мимолетный взгляд на мальчишку, цокающего тяжелыми подкованными башмаками.

А он с удивлением смотрел на прохожих, на молодых людей, которые сидели на ступеньках церкви, бесстрашно подставив лицо солнцу, на детей, бежавших без усталости на солнцепеке, и не понимал, как парижане могут жить и двигаться в такой жар.

На углу улицы, упиравшейся в широкую шумную площадь, под тенью каштана старая женщина продавала розы. Антень подошел и присел рядом с ней.

¹ Цит. по кн.: Мотышов И. П. Воскресенская Зоя. Очерк творчества. — М., 1979. — С. 124.

Он снял тяжелые башмаки, связал их вместе шнурками, перекинул через плечо, с трудом стянул с себя пиджак и жадно смотрел, как женщина опрыскивает водой розы. Прозрачные, похожие на льдинки капли скатывались с лепестков на пыльную панель.

Старушка поняла взгляд мальчика по-своему, она порылась в сумке, висевшей через плечо, и протянула ему монетку, но встретила такую гордую укоризну в глазах мальчишки, что поспешила бросить монету обратно.

Антонь протянул ей взмокший в потной ладони листок. Старушка взглянула на копну черных кудрей, в большие, полные отчаянной решимости глаза мальчика. «Итальяно?» — спросила она. Антонь отрицательно покачал головой. Женщина прочитала адрес на листке и, живо жестикулируя, быстро-быстро заговорила по-французски. Но Антонь ее не слушал, он внимательно следил за движением сухих костлявых рук, стараясь понять, куда двигаться дальше. Французского он не знал. Родной язык был латышский, и еще он знал русский.

...Но вот наконец и улица Мари-Роз. На сером семиэтажном здании цифра «4». Хорошо, что люди придумали цифры, которые одинаково пишутся и на латышском, и на французском языках. Третий этаж... На площадке распахнуто окно. От прохлады и сырости Антонья даже зазнобило. Он натянул на горячие ноги чулки, башмаки и нажал кнопку звонка.

Дверь открыла женщина. Солнце из окна пронизывало ее светлые, отливающие золотом волосы, в больших серых глазах словно отразилось родное Балтийское море — спокойное и прохладное. Женщина изучающе посмотрела на мальчика, на его помятую и запыленную косоворотку и спросила по-русски:

— Вы к кому?

Антонь устало улыбнулся. За много дней путешествия из Стокгольма в Париж он впервые услышал русские и таким дружественным тоном произнесенные слова. Он облизал пересохшие губы и с хрипотцой ответил:

— Я к Ленину. Ведь он здесь живет?

Женщина еще раз пытливо взглянула на мальчика и пригласила войти.

— Меня зовут Надежда Константиновна. Будем знакомы. — И, подойдя к дверям соседней комнаты, позвала: — Володя, к тебе товарищ пришел.

Антонь удивился: Ленина так запросто называют Володей... Сестра Зана много рассказывала о Ленине, хотя сама его никогда не видела. «А какой он, Ленин?» — спросил как-то Антонь сестру. И, слушая ее, понял, что она фантазирует.

Антонь сел за стол и огляделся. Маленькая кухня блестела чистотой и выглядела уютной.

Надежда Константиновна подошла к черному столику, заж-

гла спичку и повернула кран. Вспыхнуло яркое пламя. «Похоже на примус, но горит без шума», — подумал Антынь. Он никогда не видел газовой плиты.

Дверь распахнулась, и в кухню вошли двое мужчин. Один прямо великан, он даже пригнулся, чтобы не зацепиться пышной шевелюрой за притолоку, плечи — во всю ширину двери, и от всей его фигуры веяло богатырской силой и добродушием. Второго Антынь не успел как следует рассмотреть.

— Здравствуйте! — приветствовали оба Антыня.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — шагнул Антынь навстречу великану.

Тот весело рассмеялся, и из-под каштановых усов сверкнули крупные белые зубы.

— Вот и ошибся — я Николай Сапожков.

Антынь перевел взгляд на невысокого человека с гладко выбритым подбородком, открытым лбом и не сумел скрыть своего разочарования. Великан, все еще смеясь, распрощался и ушел. Владимир Ильич подсел к мальчику.

— Итак, я вас слушаю.

Антынь, как научила его сестра, прочитал наизусть строчку из Райниса¹, в которой было изменено только первое слово:

— «Где мне найти название песни вечной?»

Владимир Ильич ответил ему строкой из Пушкина:

— «Там, где море вечно плещет на пустынные скалы», — и по паролу понял, что Антынь прислан к нему латышскими товарищами. — Так по какому же делу вы прибыли? — спросил он.

Антынь, смущаясь и путаясь, стал рассказывать.

Четыре года назад, в 1905 году, когда рабочие России восстали против царя, погиб отец Антыня — в Латвии тоже шла кровопролитная борьба рабочих и крестьян за свободу. Место отца заняла сестра Зана. Два года работала она в подполье, но ее выследили царские жандармы и посадили в тюрьму. Товарищи помогли ей бежать из заключения и переправили в Швецию.

Антынь остался с бабушкой. Он нанялся работать учеником кузнеца на завод. Он уже многое понимал в свои двенадцать

лет, знал, где спрятала Зана запрещенные книжки и листовки, и стал носить их на завод, раздавать рабочим.

Однажды ночью в домик, где жил Антынь, явились полицейские, перерыли все в комнатах, перекопали в огороде грядки и обнаружили нелегальную литературу.

На следующий день мальчишка предстал перед судом. Ему угрожала виселица, но, как несовершеннолетнего, сослали на каторгу в Сибирь. А в Сибири старшие товарищи решили, что мал он еще, чтобы закованным жить, распилили кандалы, собрали деньги на дорогу и помогли бежать. Он добрался до Петербурга и в первый же день чуть не попался. Шел по улице, искал по адресу товарища, к которому дали явку.

Неожиданно две грубые руки схватили его за плечи, обшарили, ощупали — нет ли оружия — и втокнули в какой-то двор. «У, вражьи глаза, — зарычал жандарм, — царь едет, а ты тут, рвань, околачиваешься! Сиди здесь, потом разберемся, кто ты есть!» — крикнул он и захлопнул калитку. Антынь перемахнул через забор на соседний двор и задами убежал подальше от улицы, по которой ездит царь. После долгих мытарств разыскал товарищей, и те отправили его подальше от беды — в Швецию, к сестре. Свое путешествие в Стокгольм Антынь совершил почти так же, как князь Гвидон: его спрятали в осиновую бочку вместо творога. Давясь от смеха, он рассказывал, как перепугался таможенный чиновник в Стокгольме, когда Антынь, выбив дно, выкатился из бочки на свет божий.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна внимательно слушали рассказ, и по их лицам Антынь понял, что они не находят в этом ничего смешного.

— Ну, а потом шведские полицейские допрашивали, почему у меня отчаянные глаза и не задумал ли я злое дело. Дались мои глаза! — сердито закончил Антынь. — Держали меня недолго, вызвали сестру, взяли с нее какую-то подписку и отпустили.

Владимира Ильича интересовало, как живут русские и латышские эмигранты в Швеции, что делает сестра.

Антынь рассказал, что Зана работает на текстильной фабрике, а по вечерам читает.

— А вы? — в упор спросил Владимир Ильич.

— Я работал подмастерьем у щеточных дел мастера...

— А книжки читаете?

— Иногда... — неуверенно ответил Антынь.

¹ Райнис Ян — латышский поэт, драматург, общественный деятель (1865—1929).

— Но считаете себя революционером? — спросил Владимир Ильич, и правая бровь у него поднялась вверх, а левый глаз прищурился.

— Само собой, — твердо ответил Антынь. — Вот когда в Латвии снова будет революция, я покажу этим жандармам. — Он сжал кулаки.

Надежда Константиновна поставила перед Антынем шпатель на сковородке яичницу с салом и большую кружку молока.

— Почему же вы решили уехать из Швеции? — спросил Владимир Ильич.

— Это не я решил, а шведский король Густав Пятый.

— Вот как? — удивился Владимир Ильич.

— Да. На прошлой неделе вечером к нам явился полицейский и сказал, что я должен в двадцать четыре часа покинуть Швецию. Зана, конечно, стала плакать, просить, чтобы нас не разлучали, а полицейский сказал, что в Швецию едет русский царь, и что у меня бешеные глаза, и что я, чего доброго, укукошу царя, и тогда неприятностей не оберешься.

Владимир Ильич схватил Антыня за руку.

— Это просто замечательно! Понимаете, теперь уже не вы боитесь царя, а царь боится вас. Ты подумай, Надюша, — живо повернулся он к Надежде Константиновне, — могло ли это быть раньше, до революции, чтобы объявляли ученика щеточника персоной нон грата¹? А, каково? Это замечательно, — повторил Владимир Ильич. — Ну, ну, рассказывайте.

— Мы с Заной сидели всю ночь и думали — куда же мне ехать? Есть ли в мире такой остров, где бы можно было укрыться от царя и полицейских?

— Да, такого острова у рабочего класса пока еще нет, — сказал как бы про себя Владимир Ильич, — а русский царь, который подавлял революцию с помощью других государств, едет теперь по странам Европы с благодарностью. А вы ему мешаете, стоите на его пути. Рабочие всех стран ему мешают. Ну, ну...

— Думали мы, думали, и вдруг Зана сказала... — Антынь искоса посмотрел на Владимира Ильича и замолчал.

— Что же сказала Зана?

¹ Персона нон грата — нежелательное лицо; дипломатический представитель, признанный не заслуживающим доверия со стороны правительства того государства, где он пребывает.

— Она сказала: «Поезжай в Париж, к Ленину... Другого места нет...» Вот я и приехал.

— Почему же вы не кушаете? — спохватился Владимир Ильич.

Антынь взял кусок хлеба и почувствовал, что у него нет сил жевать и руки плохо слушаются. Он облизал сухие губы.

Владимир Ильич приложил прохладную ладонь ко лбу мальчика.

— Надюша, мне кажется, что у него жар. Дай-ка градусник.

...Антынь проснулся и не мог понять, где находится. Белые стены, белая кровать, пахнет лекарствами. Сквозь дымку различил две фигуры — мужчины и женщины, очень знакомые, но кто они — никак не мог вспомнить. Он закрыл глаза, прислушался к разговору. Женщина говорила, что у него, Антыня, сегодня был кризис и теперь врач уверен, что он будет жить. Антынь напряженно думал, затем связал в памяти все события, вспомнил жаркий июльский день и свой приход к Владимиру Ильичу и, наконец, понял, что находится в больнице.

Он лежал не шевелясь и не открывая глаз. Ему было хорошо. Владимир Ильич и Надежда Константиновна разговаривали вполголоса, шелестела бумага. Они читали и обсуждали письма, полученные из России, потом говорили о каком-то собрании, на котором Владимир Ильич собирался «дать бой». Потом наступило молчание. Снова зашелестела бумага, и вдруг послышался смех. Сначала тихий, потом звонкий, и Антынь почувствовал, что Владимир Ильич закрыл себе ладонью рот, чтобы не смеяться громко.

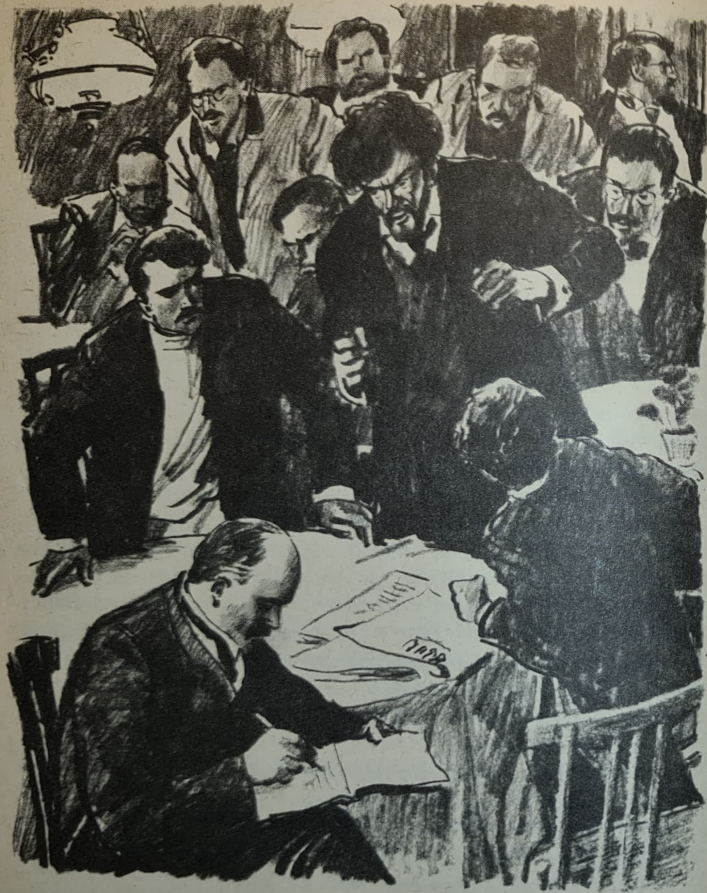
— Смотри-ка, Надюша, царь приезжает в Париж, ну прямо по пятам идет за нашим Антынем. Французское правительство готовит пышную встречу. Статья моя в «Звезде» об этом событии тоже вовремя появилась.

Сердце Антыня тревожно заколотилось.

— Опять меня вышлют? — спросил он громко и сел на кровати.

— Уфф, наконец-то ты открыл глаза! — весело воскликнул Владимир Ильич. — Ложись, ложись и успокойся. Твоя личность здесь, в больнице, в полной неприкосновенности, а царю за тебя скажут свое слово французские рабочие, они собираются встретить его как следует: забастовками, митингами протеста.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Надежда Константиновна.

— Хорошо. Очень хорошо... — ответил Антынь.
 — Теперь тебе надо набираться сил, побольше спать, — сказала она, осторожно поправляя одеяло.
 — И как можно больше есть, — добавил Владимир Ильич.
 Антынь закрыл глаза и моментально заснул.
 Теперь он спал, как и полагается спать всем здоровым людям, по ночам. Днем приходили Надежда Константиновна или Владимир Ильич, а то и оба вместе.

И наступил день, когда его повезли из больницы на улицу Мари-Роз...

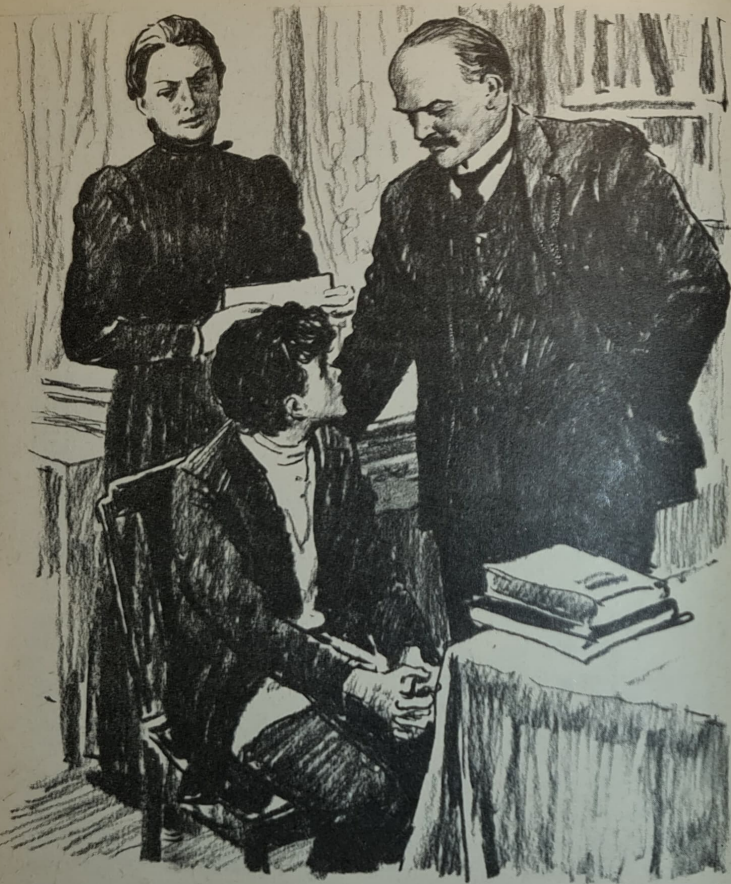
Однажды вечером Владимир Ильич взял Антыня с собой на собрание. «Будет жаркий бой», — сказал он Надежде Константиновне. Собрание происходило в кафе. Люди сидели за столиками. Кружки пива, которые расставил хозяин, стояли нетронутыми. Это было собрание русских революционеров. Они горячо обсуждали, как помочь рабочему классу собраться с силой, победить. Но были и такие, которые считали, что революция в России погибла окончательно, что рабочие должны вести себя тихо, а партия забраться в подполье, как улитка в раковину. Один из таких малOVERов, с лохматой головой, начал свою речь с крика, злобно поглядывая на Ленина. Владимир Ильич спокойно сидел и записывал в блокнот. Лохматый распалялся все больше, размахивал руками и надвигался на Владимира Ильича. Он кричал, что Ленин ведет рабочий класс к гибели. Владимир Ильич только досадливо двинул плечом и продолжал писать. Вокруг оратора сбилась кучка людей. Они оралы «браво!», «правильно!» и тоже надвигались на Ленина. «Вот сейчас и будет бой», — подумал Антынь и пересел поближе к Владимиру Ильичу. Лохматый продвигался между столиками. Антынь показалось, что Владимир Ильич, увлеченный писанием, не видит надвигающейся опасности. МалOVER был уже совсем близко от Владимира Ильича, когда Антынь вскочил, боднул лохматого в живот, вцепился ему руками в горло и закричал: «Бегите, Владимир Ильич, бегите, я с ним расправлюсь!» Но тут крепкие руки великана Сапожкова оторвали Антыня от его жертвы. Хозяин кафе выключил свет. Крики внезапно стихли, и люди стали выходить на улицу, а Антыня Сапожков вынес под мышкой и поставил на ноги только на улице.

Дома Владимир Ильич долго ходил взад и вперед по комнате, заложив назад руки, на лбу у него собирались сердитые морщины. Антынь сидел ни жив ни мертв. Он понимал, что произошло что-то нехорошее. Надежда Константиновна перебирала бумаги на столе и изредка взглядывала то на одного, то на другого.

Антынь ждал бури...

Владимир Ильич остановился посередине комнаты, широко расставил ноги.

— Ты представляешь, Надюша, я сижу, делаю заметки. Ну, думаю, кричите, кричите, мы сейчас вдребезги разобьем

ваши доводы, господа малoverы, проясним вопрос, и вдруг, как коршун на цыпленка, на голову моего противника сваливается наш Антынь, хватает его за горло да еще кричит мне, чтобы я бежал. Как тебе это нравится? Вопрос так и остался не-
прошенным, собрание сорвано.

Антынь еще ниже опустил голову.

— Знаешь, друг, — Владимир Ильич положил руку на пле-

чо Антыня, — если мы с тобой нашу правду будем доказывать кулаками, то далеко не уедем. Наши противники страшны не криком, а своими идеями, которые они вдальбавают в головы и сковывают волю рабочих. Нужно каждую их мысль разбить, идеи развенчать, показать, что они зовут на неправильный путь. Нужно терпение и знания, чтобы люди могли убедиться, на чьей стороне правда.

Антынь во все глаза смотрел на Владимира Ильича. Он, Антынь, хотел ведь как лучше, он готов жизнь отдать за Ленина, а вышло, что он оказал медвежью услугу.

— Учиться тебе надо, Антынь, — решительно сказал Владимир Ильич. — Глаза у тебя отважные, сердце горячее, но и голова, к сожалению, не холодная, а знаний в ней мало. Учиться надо — тогда будешь настоящим революционером.

Надежда Константиновна подошла к Антыню, обняла его за плечи. В его больших черных глазах блеснули слезы. Он смахнул со щеки непрошенную каплю, медленно поднял голову и встретился взглядом с Владимиром Ильичем.

«Я все понимаю», — говорили отчаянные глаза мальчика.

«Я тебе верю», — прочитал Антынь в глазах Владимира Ильича.

Прошел год. Антынь стал слушателем первой партийной школы большевиков, которую организовал Владимир Ильич в деревне Лонжюмо под Парижем. Он был самым юным и самым усердным учеником в этой школе борцов революции.

Вопросы и задания.

1. Подготовьте рассказ на одну из тем: «Жизнь Антыня до встречи с Лениным» и «Жизнь Антыня после встречи с Лениным», включив в него портретные характеристики главных героев.
2. Перечитайте эпизод первой встречи Антыня с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Каким увидели они Антыня? Каким представлял себе Антынь Ленина до встречи с ним?
3. Какие обстоятельства привели латышского мальчика Антыня в Париж к Ленину? Как оценил Ленин тот факт, что полицейские власти Швеции перед приездом русского царя выслали Антыня из страны?
4. Что узнал Антынь о В. И. Ленине при ближайшем знакомстве?

Какое участие приняли Владимир Ильич и Надежда Константиновна в судьбе Антыня?

5. Что в Ленине, человеке и вожде, стало для Антыня жизненным идеалом?
6. Проследите по тексту, как описывает З. И. Воскресенская глаза мальчика в разные моменты его жизни. Как вы объясните заглавие рассказа?
7. Каким человеком, по вашему мнению, вырастет Антынь и как сложится его дальнейшая жизнь? Почему вы так думаете?

М. Светлов

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ:
И, как самое близкое слово,
Имя Ленина в сердце живет.
И Советская наша держава,
И великих побед торжество —
Это Ленина гений, и слава,
И бессмертное дело его.

Мы в работе большой не устанем!
И сильнее нашей Родины нет,
Если партии теплым дыханьем
Каждый подвиг народа согрет.

Задание и вопросы.

1. Какие чувства выразили поэты Д. Бедный, М. Исаковский, М. Светлов в своих стихотворениях? Как раскрывается в них мысль о бессмертии ленинского дела?
2. Как художник П. П. Белоусов в картине «В. И. Ленин среди делегатов III съезда комсомола» передал горячую любовь молодежи — строителей рабоче-крестьянского государства к вождю, учителю, старшему другу — Владимиру Ильичу Ленину?
3. (См. цветную вклейку.) Расскажите биографию одного из молодых собеседников Владимира Ильича (обратите внимание на выражение лица, позу, жест, одежду выбранного вами героя).

Л. Н. Радищев

Незаряженная кассета

Человек шел по весенней Москве, старательно обходя голубые лужи, насвистывал и весело думал: «До чего же хорошая вещь — это самое солнце! Сколько света — и совершенно бесплатно! И никаких тебе хлопот, никаких тебе вспышек магния! Нет, с сегодняшнего дня перехожу на иждивение солнца!»

На все блага, даруемые ранней московской весной, человек смотрел со своей, так сказать, колокольни: он был фотограф. И не просто фотограф, а «наш фотокорреспондент», как сообщали газеты под его снимками.

Нынешние фотокорреспонденты — щеголеватые молодые люди в светлых плащах, с красивыми кожаными футлярами через плечо — улыбнулись бы, наверное, при виде его странного одеяния из выцветшей лиловой портьеры, огромных валенок, подшитых красной резиной, а главное, его фотоаппарата, похожего на средней величины шарманку.

И все же он наверняка не согласился бы поменяться с ними: вот этой «шарманкой» он снимал самый первый советский Май, и первый субботник, и открытие первого дома отдыха, и первый танк, отбитый в бою у белых...

А сегодня газета поручила ему съемки в Свердловском университете на собрании партработников, уезжающих в деревню.

В огромной аудитории Свердловки плавал синий махочный дым. В оттаявшие стекла лились широкие потоки света. На возвышении стоял стол, покрытый неровным куском кумача. На стене висела саженная карта бывшей Российской империи, исколотая цветными флажками.

Повестка дня этого собрания выглядела очень мирно: «О работе в деревне». Но люди, собравшиеся здесь, должны были в этот же день выехать в районы, охваченные кулацким восстанием, пробиваясь сквозь вокзальные пробки, железнодорожную неразбериху...

Фотограф повертелся тут и там, залез на подоконник и щелкнул первый ряд («Слушают докладчика»).

Нацелил аппарат повыше и щелкнул еще раз («Общий

вид зала»). Он суеился несколько больше, чем полагалось бы «нашему фотокорреспонденту», но это объяснялось, конечно, его молодостью — вряд ли было ему двадцать лет.

Сделав два-три снимка, он стал выискивать удобную позицию, чтобы запечатлеть докладчика возле карты с указкой в руке. И вдруг где-то в передних рядах раздались несмелые хлопки, а потом аплодисменты грянули с оглушительной, все возрастающей силой.

«Наш фотокорреспондент» растерялся: что-то такое он пропустил. Он увидел только, что все поднялись со своих мест. Пришлось изо всех сил тянуться на цыпочках да еще удерживать в равновесии громоздкую «шарманку» с треножником. С тихим ожесточением, работая свободною рукою, он стал пробиваться вперед...

Невысокий плотный человек в коричневом пиджаке торпливо прошел в президиум.

Сердце у «нашего фотокорреспондента» подпрыгнуло в груди, рука сжала треножник. «Это же Ленин!» — чуть не вскрикнул он.

Ленин сидел в десяти шагах от него и глядел в разбушевавшийся зал.

«Бог ты мой, — смятенно думал фотограф. — Ведь это настоящий Ленин!.. Владимир Ильич... И какой кадр... Какое освещение!.. Какой случай!»

А случай был трудный, очень трудный. Владимир Ильич не любил фотографироваться и разрешение на съемку давал чрезвычайно редко. Многим пришлось столкнуться с этим обстоятельством и отступить.

Прошлой весною — это было известно «нашему фотокорреспонденту» — на первомайском субботнике в Кремле Ленин резко сказал людям, хотевшим его сфотографировать: «Что за комедия? Я сюда пришел работать, а не сниматься!»

Пришлось пойти на обман. Комиссар школы кремлевских курсантов, работавший с Лениным в паре, задержался на полминутки, как бы желая отдохнуть, и Владимира Ильича осторожно и незаметно сфотографировали. Вот каким путем мир получил фотографию Ленина, работающего на кремлевском субботнике.

— Слово предоставляется товарищу Ленину, — сказал председатель.

* * *

Спустя час Ленин вышел из аудитории. Его сопровождал высокий военный, председательствовавший на собрании, и члены президиума. Продолжая разговор, Владимир Ильич надел кепку. Взгляд его случайно упал на человека, стоявшего поодаль. Человек этот сделал несколько неуверенных, робких движений, желая загородить треножник с большим черным ящиком.

Владимир Ильич, сощурившись, поглядел на черный ящик и сказал с явным неудовольствием:

— Ага, поздравляю! И здесь сниматься?! Нет уж, пожалуйста, увольте!..

Вот и все! Можно уходить!

Но «наш фотокорреспондент» не уходил. Неожиданно для всех он заговорил срывающимся простуженным баском:

— Товарищ Ленин!.. Ваши снимки нужны всей республике... Не мне лично!..

— Гм... вот как! — иронически заметил Владимир Ильич.

Но тут у «нашего фотокорреспондента» объявились защитники. Все стали просить Ленина сфотографироваться вместе с ними.

— Ну, если вместе... пожалуй! — неуверенно произнес Ленин.

«Наш фотокорреспондент» засуетился. Расставляя штатив и пристраивая аппарат, он делал множество ненужных движений и все время бормотал:

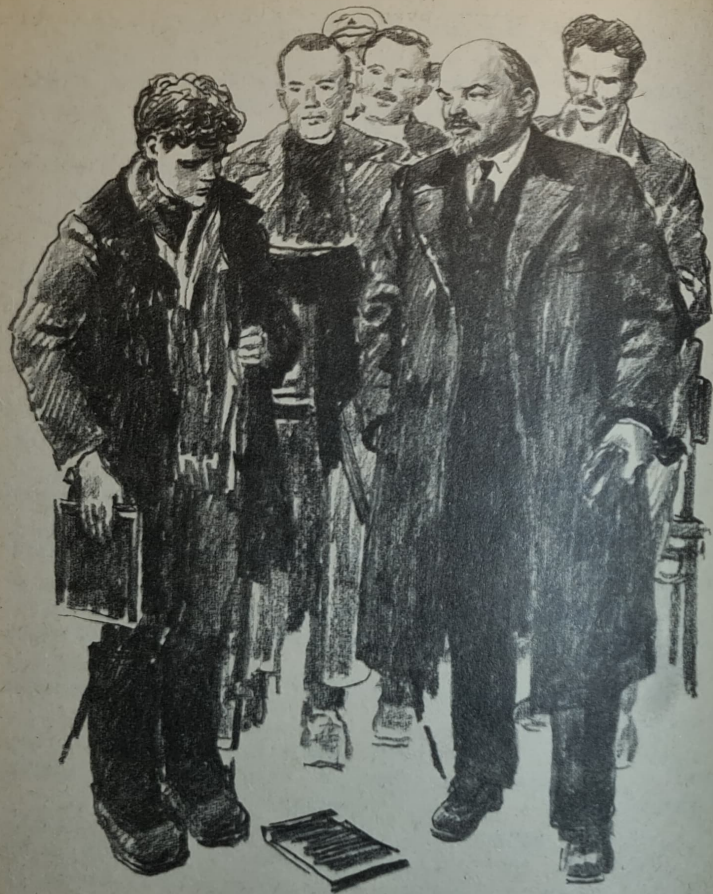
— Одну секундочку!.. Я сейчас!.. Одну секундочку!..

Составить группу оказалось нелегко. Каждый хотел сыграть рядом с Лениным и незаметно оттирал своего соседа. Владимир Ильич терпеливо ждал.

Наконец все было готово для съемки. Набросив на себя черную материю, фотограф стал наводить объектив. «Одну секундочку! — доносилось его бормотание. — Сейчас поставлю кассету... и в одну секундочку сейчас сниму!»

Люди перед аппаратом сделали торжественно-неподвижные лица, только у Владимира Ильича пряталась в глазах смешливая искорка.

И вдруг все заметили, что с фотографом происходит

что-то неладное. Он судорожно дернул с себя покрывало, уронил на пол какую-то жестянку и схватился за голову. Люди смотрели на него с удивлением и тревогой. Ленин быстро подошел к нему:

— Что с вами, товарищ? Вам плохо?!

— Плохо! — обморочным голосом ответил фотограф. — Я не успел перезарядить кассеты!.. У меня нет заряженных кассет!

Бессильно опустив руки, сгорбившись, стоял он возле своей «шарманки», и подбородок его с царапинами от неумелого бритья вздрагивал. Он знал, что нет ему прощения — ему, жалкому человеку, неудачнику, испортившему эту удивительную, эту неповторимую минуту.

— Ну что же, товарищи! — сказал высокий военный, надевая солдатскую фуражку с крупной алой звездой. — Как говорится, по не зависящим от редакции обстоятельствам вкралась досадная опечатка... Не будем задерживать Владимира Ильича!

Но Ленин, пристально смотревший на фотографа, как будто не заметил того, что произошло. Достав из жилетного кармана часы на ремешке, он быстро взглянул на них и спросил:

— А сколько вам нужно времени, чтобы зарядить кассету?

— Мне? Минут... десять, заикаясь, ответил «наш корреспондент», и его изжелта-бледное лицо покрылось розовыми пятнами.

— Минут десять я еще побеседую с товарищами, — спокойно произнес Ленин.

Фотограф схватил пачку пустых кассет, коробку с пластинками и побежал, неловко вскидывая ноги в огромных валенках.

Он бежал, как лошадь, сорвавшаяся с привязи. Он бежал по длинному коридору, тыкался в двери аудиторий и бежал дальше. Ему нужна была темная комната, абсолютно темная комната, а солище, на иждивение которого он перешел с сегодняшнего дня, светило с потрясающей, ослепительной щедростью.

Выскочив на лестницу, он взметнулся наверх, хватая ртом горячий воздух. Но трепещущие солнечные зайчики настигали его повсюду.

Сердце бешено стучало в горле, когда он домчался до последнего этажа. И тут он увидел, что на лестничной площадке стоит большой деревянный ящик.

Не раздумывая ни секунды, «наш корреспондент» рванул крышку. Какие-то толстые шланги лежали там, похожие на свернувшихся удавов, душно запахло резиной.

Он спрыгнул в ящик, и при этом его ударило крышкой по голове, но он не почувствовал боли.

Согнувшись в три погибели (вот, оказывается, что означает это ходячее выражение!), он быстро распечатал коробку с пластинками, схватил кассету, но тут лицо его искажилось, и он поспешно сунул коробку за пазуху: тонкий прямой лучик сумел пролезть и сюда — нашел какую-то дырочку.

Мимо проходила женщина с метелкой, должно быть, уборщица. Вдруг она вскрикнула, выронила метелку. Из ящика высунулся человек, чихнул и сипло сказал, облизывая губы:

— Товарищ, это я!.. Одну секундочку!.. Прошу вас... сядьте на крышку... здесь есть еще щелка, проходит свет!..

Женщина смотрела на него, округлив глаза.

— Товарищ, я вас умоляю, сядьте!

Женщина села на крышку, соображая, что это означает и не следует ли, опустив щеколду, сходить за комендантом.

В ящике слышалась какая-то возня, фыркание, потом сдавленный голос крикнул:

— Тетенька, откройте, я задыхаюсь!

Она встала.

Человек выскочил из ящика, как игрушка на пружине, покрытый пылью, сияющий.

— Абсолютный мрак! — крикнул он. — Спасибо, тетенька!

И побежал вниз, перескакивая через три ступеньки.

* * *

Человек шел по весенней Москве. Иногда он останавливался, разводил руками и улыбался. Редкие прохожие смотрели на него с удивлением.

Дома было гораздо холоднее, чем на улице.

Он нашарил выключатель на стенке, и в темноте загорелась лампочка рубиново-красным огоньком. Здесь помещалась его лаборатория.

Он поставил на табурет ванночку с проявителем и долго дышал на него, стараясь согреть хоть немного.

И вот на молочно-белой эмульсии стал проступать отчетливый черный рисунок. Фотокорреспондент увидел знакомый контур большого лба, бровь, изогнувшуюся над прищуренным глазом, и вдруг громко запел своим простуженным, хрипловатым баском...

Утром он долго выбирал среди отпечатанных снимков самые отчетливые, без пятнышек и царапин. Наконец отложены были два наилучших. Медленно, точно смакуя каждое движение, он вложил их в конверт и старательно заклеил его.

Теперь оставалось написать адрес.

Чиркая с трудом загоравшиеся спички, он подогрел заледеневшую чернильницу, обмакнул перо и вдруг задумался, не отрывая глаз от конверта. Потом, улыбаясь своим мыслям, вывел печатными буквами:

«Ленину!»

Вот и все! Готов адрес!

Письмо с этим адресом можно опустить в любом месте земного шара — где-нибудь в Калькутте, или в Гренландии, или на острове Кипр, — и оно обязательно дойдет до своего адресата...

Через некоторое время «нашему фотокорреспонденту» рассказали: известный художник, которому посчастливилось рисовать Ленина в его совнаркомовском кабинете, спросил однажды, не имеет ли Владимир Ильич фотографий. Ленин ответил, что своих изображений обычно не хранит, но вот, кажется, есть одно...

Он открыл ящик и протянул художнику аккуратно вскрытый конверт:

— Это меня снимал один молодой товарищ в Свердловском университете!

Говоря это, он улыбнулся. Вспомнил, должно быть, историю с незаряженной кассетой.

Вопросы и задание.

1. Какое впечатление оставляет рассказ «Незаряженная кассета»? Кто его главные герои?
2. В чем состояла важность собрания, на которое был направлен от газеты фотокорреспондент?
3. Выразительно прочитайте эпизод «Все готово для съемки» (с. 269). Как показано внимание В. И. Ленина к окружающим людям, его отзывчивость и доброта? Чем привлекает наши симпатии фотокорреспондент? Что стало для него самой высокой наградой?

**Михаил
Михайлович
ПРИШВИН
(1873—1954)**

Чувство природы мое есть не что иное, как чувство Родины.

(М. Пришвин)

Книги М. М. Пришвина заняли прочное место в русской советской литературе, потому что в них писатель сумел выразить глубокую любовь советского человека к великой Родине, ее людям, ее природе.

За свою большую жизнь Пришвин вдоль и поперек исколесил родной край, осмотрел необозримые просторы земли русской; исходил и изъездил и дебри Уссурийского края, и пески Казахстана, и великую Волгу, и древнюю Оку, и могучий Енисей.

Он был агрономом, географом-краеведом, народным учителем, опытным егерем, ботаником-естествоиспытателем, а прежде всего — признанным русским писателем. Его поразительная способность удивляться и восхищаться самыми, казалось бы, обычными явлениями в природе, в поведении животных, растений и людей, умение в обыденном «открывать небывалое» — эти черты были характерны для Пришвина с детства и до глубо-

кой старости. Каждый куст, каждая елочка, каждый листок доверчиво рассказывали ему свои тайны.

Писательница В. Инбер вспоминает о своих прогулках с Михаилом Михайловичем Пришвиным: «Я была свидетельницей того, как Пришвин записал высказывание большой синицы, сидевшей на сосне.

Синица коротко просвистела какую-то фразу и стукнула клювом по стволу: поставила точку. Пришвин записал. Но, перелетев на ель и смахнув с нее снежок, синица повторила сказанное уже по-другому: длинным разветвленным предложением. Пришвин, закинув голову, прислушался, зачеркнул написанное и тоже записал по-другому, видимо, более подробно. Мы отправились дальше. Голубая синица, вся розовая от заката, смотрела нам вслед».

Своим читателям Михаил Михайлович подарил много чудесных книг о природе. Это и поэтические очерки «В краю непуганых птиц», и сборники поэтических зарисовок «Лесная капель», «Глаза земли», «Незабудки», и охотничьи рассказы, собранные в книге «Календарь природы», и детские повести-сказки «Золотой луг» и «Кладовая солнца». Но природа у писателя не существует отдельно от человека. «Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю», — говорил он. Именно человек у Пришвина — хозяин всех великих благ природы. И чтобы быть достойным этого богатства, человек должен быть добрым, мудрым, щедрым и бережливым.

Все у писателя — мир, природа, человек — в своей общей совокупности и составляет красоту жизни, которую необходимо отстаивать, борясь со злом в любых его проявлениях. Именно этой теме была посвящена сказка-быль «Кладовая солнца», написанная М. М. Пришвиным в 1945 году.

В ней мы встречаем знакомые приметы народной русской сказки начиная от сказочного пейзажа, разговоров птиц, животных и кончая счастливой развязкой с победой добра над злом.

И в то же время — это повесть, которая расширяет наши знания о жизни. Читая эту книгу, мы узнаем и о бондарном ремесле, и о целебных свойствах клюквы, и о значении леса для человека, и о том, как охотники устраивают облавы на волков, и какие повадки у зайца и лисицы, у волка и тетерева, почему надо, особенно на болоте, держаться твердой тропы и что собой представляют большие торфяные болота.

В письме к пионерам М. М. Пришвин писал: «Мы — хозяйева нашей природы, и она для нас — кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Именно для нас она открывает и показывает эти сокровища. Мы любим и бережем нашу Родину, научимся же беречь нашу родную природу».

Чем пристальнее вчитываешься в строки книг Пришвина, тем ближе и дороже становятся его герои, мужественные искатели новых путей, зоркие следопыты, люди, обладающие доброй и смелой душой.

Высоко оценивая произведения М. М. Пришвина, М. Горький писал ему: «Я думаю, что такого природолюбца, такого пронзительного знатока природы и чистейшего поэта, как вы, Михаил Михайлович, в нашей литературе — не было...»

Вопросы и задания.

1. Внимательно прочитайте статью о М. М. Пришвине. Как относится к творчеству писателя М. Горький? Раскройте смысл его оценок и подтвердите их материалами статьи.
2. Что вы узнали из статьи о сказке-были «Кладовая солнца»?
3. Приготовьтесь к уроку внеклассного чтения. Прочитайте рассказы М. М. Пришвина «Золотой луг», «Этажи леса», «Ужасная встреча». Выберите из них тот, о котором вы будете делать устный отзыв¹.

Готовясь к ответу, сделайте следующее:

- а) Кратко перескажите содержание, включив в него чтение отрывков.
- б) Определите, что вызывало в рассказе ваш особый интерес.
- в) Поделитесь с товарищами теми «открытиями», которые вы сделали для себя, читая рассказ.

Кладовая солнца

Сказка-быль

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

¹ Можно обратиться и к другим рассказам М. М. Пришвина.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от дедов. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как Золотая Курочка на высоких ножках. Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

«Мужичок в мешочке», как и Настя, был в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх.

После родителей все их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безыменные овцы, куры, золотой петух Петя и поросяток Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о своих живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, к детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хвостатиной в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу.

Не ложаась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи.

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лохани. У него есть фуганок, ладило¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладилом он подгоняет дощечки одну к одной, складывает и обдерживает² железными или деревянными обручами. При корове двум детям не было такой уж нужды, чтобы продавать на рынке деревянную посуду, но добрые люди просят, кому — шайку на умывальник, кому нужен под капели бочонок, кому — кадушечку солить огурцы или грибы или даже простую посудинку с зубчиками — домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже оплатят добром. Но кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство, и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверное, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестренка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда «Мужичок в мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрал нос:

— Вот еще!

— Да чего ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот еще! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот еще!

Так, помучив строптивого брата, Настя оглаживает его по затылку. И как только маленькая ручка сестры коснется широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть, — скажет сестра. И брат тоже начинает полоть огурцы, или свеклу мотыжить, или картошку полоть.

¹ Лади́ло — бондарный инструмент. Бонда́рь — мастер по изготовлению бочек и кадушек.

² Обде́рживает — обхватывает, связывает.

* * *

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растет в болотах летом, а собирают ее поздней осенью. Но не знают, что самая-самая хорошая клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом.

Этой весной снег в густых ельниках еще держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Еще до света Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское двуствольное ружье «тулку», манки¹ на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, направляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

— Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе еще нужна эта стрелка?

— Видишь, Дмитрий Павлович, — отвечал отец, — в лесу

¹ Манки́ (маньки) — свистки, издающие звуки, очень похожие на голоса птиц, которых приманивает охотник.

эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется тучами, и по солнцу в лесу ты определиться не можешь, пойдешь наугад, ошибешься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку — и она укажет тебе, где твой дом. Пойдешь прямо по стрелке домой, и тебя там покормят. Стрелка эта тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как ее ни верти, все на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырек его разделился надвое: верхняя корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же, в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей домотканой материи. На животике своем мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нем, как пальто, до самой земли. Еще сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двустольную «тулку» — на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

— Зачем тебе полотенце? — спросил Митраша.

— А как же? — ответила Настя. — Ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

— За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

— А клюквы, может быть, у нас еще больше будет.

И только хотел сказать Митраша свое «вот еще!», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, еще когда собирали его на войну.

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка¹ в лесу.

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпучая, но что он о какой-то

¹ Палестинкой называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу. — Прим. автора.

палестинке говорил, я не знаю. Еще помню, говорил про страшное место Слепую елань¹.

— Вот там, возле елани, и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борищу, держите все прямо на север и увидите — там придет вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На палестинке еще никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у нее от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок вареной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке² и опрокинула в корзину весь чугунок.

«Может быть, еще и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, и картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра все стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу все, что слышал от отца о неизвестной никому палестинке, где растет сладкая клюква...

* * *

Лет двести тому назад ветер-сеятель принес два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь все выше, толстая стволами, они впились сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую

¹ Елань — топкое место в болоте, все равно что прорубь на льду. — Прим. автора.

² Загнетка — углубление в русской печи, куда отгребаются горячие угли.

несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, вышла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежащему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными елочками и березками, осветили Звонкую борину и могучие стволы соснового бора стали, как зажженные свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетело пение птиц, посвященное восходу великого солнца.

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились, как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широком, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине черного груди его стала переливать из синего на зеленое. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными жалкими елочками, он вдруг подпрыгнул на своем высоком мостике, показав свое белое, чистейшее белье подхвостья, подкрылья и крикнул:

— Чуф! Ши!

По-тетеревиному «чуф» скорее всего значило солнце, а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чужьяканье Косача-токовица далеко по всему болоту раздалось такое же чужьяканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежащего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользя по верхушкам ближайших, очень маленьких елочек, наконец-то заиграл на щеках у детей...

Неподвижные, как изваяния¹, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными елочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось, как холодная синяя стрелка, и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная, тропа шла направо, другая, слабенькая, прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая на слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот еще! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит, тропа. Нам надо на север. Идем, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И ее самец мелкими шажками перебежал ближе к Косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

— Смотри, — сказала она, — какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди, — решительно ответил упрямый «Мужичок в мешочке». — Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами, — сказала Настя, — и, наверно, на севере вовсе и нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно, — резко повернул Митраша, — я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

¹ Изваяние — статуя.

И в самом деле пошел туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище. Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец быстро перебежал по мостику остальной путь до Косача и со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных перышек и погнался и погнался далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завывали, застонали.

* * *

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала. Зачем же надо было вылезать собаке так рано из теплого, належающего подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стога, рычанья, ворчанья, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребенок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, заслышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетенных навеки деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, все жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрет.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Во семьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много...

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде, сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперед скажете мне, что есть правда, какая она, где живет и как ее найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи.

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас помрешь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда щурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, вы, — сказал он, — не маленькие, пора бы самим знать, а вы все спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепчу. Травка! — позвал он.

В хату вошла большая рыжая собака с черным ремешком по всей спине. У нее под глазами были черные полосы с загибом вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на нее, и собака сразу поняла человека: он звал ее по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть. Травка замахала хвостом, стала снижаться на ногах все ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами черных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить ее, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щеки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет, — сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил ее по голове и сказал:

— Ну, будет, теперь ступай к себе.

Травка повернулась и вышла на двор.

— То-то, ребята, — сказал Антипыч. — Вот Травка, собака гончая, с одного слова все понимает, а вы, глупенькие, спра-

шиваете, где правда живет. Ладно же, приезжайте. А упусти-
те меня, Травке я все перешепну.

И вот умер Антипыч. Вскоре после этого началась Великая
Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча
не назначили и сторожку его бросили...

* * *

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, бы-
ло место погибельное, и тут на веках немало затянуло в боло-
то людей и еще больше скота. И уж, конечно, всем, кто идет в
Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая
елань.

Мы это так понимаем, что все Блудово болото, со всеми
огромными запасами горючего, торфа, есть кладовая солнца.
Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью
каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кус-
тика и ягодки. Всем им солнце отдавало свое тепло, и они, уми-
рая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство,
другим растениям, кустикам, ягодкам, цветам и травинкам.
Но в болотах вода не дает родителям-растениям передать все

свое добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняет-
ся, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кла-
довая солнца, как торф, достается человеку в наследство.

Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но
слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели де-
ти, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг
на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но даль-
ше, чем ближе к Слепой елани, слой становился все моложе и
тоньше.

Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался впе-
ред по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами ста-
новились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими.
Ступит ногой как будто на твердое, а нога уходит, и становит-
ся страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадают
какие-то вертялые кочки, приходится выбирать место, куда
ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у те-
бя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит
куда-то под болотом.

Земля под ногой стала, как гамак, подвешенный над ти-
нистой бездной. На этой подвижной земле, на тонком слое
сплетенных между собой корнями и стеблями растений, стоят
редкие, маленькие, корявые и заплесневелые елочки. Кислая
болотная почва не дает им расти, и им, таким маленьким, лет
уже по сто, а то и побольше...

Поглядывая себе под ноги, он заметил, что нога его, опу-
саясь в грязь, сейчас же собирает туда, в ямку, воду. Так и
каждый человек, проходя по тропе, спускал воду из моха пони-
же, и оттого на осушенной бровке, рядом с ручейком тропы,
по ту и другую сторону аллейкой вырастала высокая сладкая
травка белоус. По этой, не желтого цвета, как всходу было те-
перь ранней весной, а скорее цвета белого, траве можно бы-
ло далеко вперед себя понять, где проходит тропа чело-
веческая. Вот Митраша увидел: его тропа круто заверты-
вает влево и туда идет далеко и там совсем исчезает. Он про-
верил по компасу, стрелка глядела на север, тропа уходи-
ла на запад.

— Чьи вы? — закричал в это время чибис.

— Жив, жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — еще уверенней крикнул ворон.

И кругом в елочках затрещали сороки.

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой

чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко по той стороне поляны змеилась высокая трава белоус — неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую не прямо на север, Митраша подумал: «Зачем же я буду поворачивать налево, на кочки, если тропа вон, рукой подать, виднеется там, за полянкой?»

И он смело пошел вперед, пересекая чистую полянку.

* * *

— Эх, вы! — бывало, говорил нам Антипыч, когда мы провалимся в болото, придем домой грязные, мокрые. — Ходите вы, ребята, одетые и обутые.

— А то как же? — спрашивали мы.

— Ходили бы, — отвечал он, — голенькие и разутые.

— Зачем же голенькие и разутые?

А он то-то над нами покатывался.

Так мы ничего и не понимали, чему смеялся старик.

Теперь только, через много лет, приходят в голову слова Антипыча, и все становится понятным; обращал к нам Антипыч эти слова, когда мы, ребяташки, задорно и уверенно повскакивая, говорили о том, чего еще вовсе не испытывали.

Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только не договаривал: «Не знаяши броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупредила его. И трава белоус показывала направление обхода елани. Нет! Не знаяши броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными кулавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду ее было невозможно узнать.

Митраша по елани шел вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать все глубже и глубже, и становилось все труднее и труднее вытаскивать ее обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная

сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и в болоте. Но Митраша, почуяв опасность, остановился и призадумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колен. Он еще мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружье на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческом.

— Перескочу, — сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгорая, как раненый, — пропадать так уж пропадать, — на авось, рванулся еще, и еще, и еще. И почувствовал себя плотно охваченным со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было, при малейшем движении его тянуло вниз. Он мог сделать только одно: положить плашмя ружье на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружье, положил его перед собой, оперся на него той и другой рукой.

Внезапно порыв ветра принес ему пронзительный Нас-
тин крик:

— Митраша!

Он ей ответил. Но ветер был с той стороны, где Настя, и уносил его крик в другую сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только елочки. Одни сороки отозвались ему и, перелетая с елочки на елочку с обычным их тревожным стрекотаньем, мало-помалу окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках елок, тонкие, ко-сатые, длиннохвостые, стали трещать, одни вроде: «Дри-ти-ти!», другие: «Дра-та-та!»

— Дрон-тон! — крикнул ворон сверху.

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погруженного в болото маленького человека. Они соскочили с верхних пальчиков елок на землю и с разных сторон начали прыжками свое сорочье наступление.

Маленький человечек с двойным козырьком кричать перестал. По его загорелому лицу, по щекам блестящими ручейками потекли слезы.

* * *

Кто никогда не видал, как растет клюква, тот может очень долго идти по болоту и не замечать, что он по клюкве идет. Вот взять ягоду чернику, — та растет, и ее видишь: стебелечек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны зеленые маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички, черные ягодки с синим пушком. Так же брусника, кровяно-красная ягода, листики темно-зеленые, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито. Еще растет в болоте голубика кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдешь, не заметишь. В глухих местах, где живет огромная птица глухарь, встречается костяника, красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зеленой оправе. Только у нас одна-единственная ягода клюква, особенно ранней весной, прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только уж когда очень много ее соберется на одном месте, заметишь сверху и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Наклонишь-

ся взять одну, попробовать, и тянешь вместе с одной ягодкой зеленую ниточку со многими клюквинками. Захочешь — и можешь вытянуть ее из кочки целое ожерелье крупных кроваво-красных ягод...

Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку отдельно, за каждой красненькой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала: ей больше хотелось.

Она стала уже теперь догадываться, где не одну-две ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она ссыпает горсточку за горсточкой, все чаще и чаще, а хочется все больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним пере-кликнуться.

А вот теперь он ушел один неизвестно куда, а она и не помнит, что ведь хлеб-то у нее, что любимый брат там где-то, в темном болоте, голодный идет. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется все больше и больше.

Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у нее при споре с Митрашей: именно, что ей захотелось идти по чабитой тропе. А теперь, следуя ощупью за клюквой, — куда клюква ведет, туда и она, — Настя незаметно сошла с набитой тропы.

Было только один раз вроде пробуждения: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, казалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями, — там тоже тропы не было. Тут-то бы к случаю и вспомнить ей про компас, как о нем говорил Митраша, и своего-то брата, своего любимого вспомнить, что он голодный идет, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

И только-только бы вспомнить, как вдруг Настенька увидела такое, что не всякой клюквеннице достается хоть раз в жизни своей увидеть...

В споре своем, по какой тропке идти, дети одного не знали: что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке и там, за Сухой, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую Переслав-

скую дорогу. Большим полукругом Настина тропа огибала по суходолу¹ Слепую елань. Митрашина тропа шла напрямик возле самого края елани. Не сплошай он, не упусти из виду траву белоус на тропе человеческой, он давным-давно бы уже был на том месте, куда пришла только теперь Настя. И это место, спрятанное между кустиками можжевельника, и было как раз той самой палестинкой, куда Митраша стремился по компасу. Приди сюда Митраша голодный и без корзины, что бы ему было тут делать, на этой палестинке кроваво-красного цвета?

На палестинку пришла Настя с большой корзиной, с большим запасом продовольствия, забытым и покрытым кислой ягодой.

На самой середине палестинки не было клюквы. Тут выдался холмистый куртинкой² частый осинник, и в нем стоял рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны — покажется, он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь: и стройное тело, и стройные ноги сухие, и мурло с тонкими ноздрями. Но как выгнуто это мурло, какие глаза и какие рога! Смотришь и думаешь: а может быть, и нет ничего — ни быка, ни коня, а так складывается что-то большое, серое в частом сером осиннике. Но как же складывается из осинника, если вот ясно видно, как толстые губы чудовища прилепнулись к дереву и на нежной осинке остается узкая белая полоска: это чудовище так кормится. Да почти и на всех осинках виднеются такие загрызы. Нет, не видение в болоте эта громадина. Но как понять, что на осиновой корочке и лепестках болотного трилистника может вырасти такое большое тело? Откуда же у человека при его могуществе берется жадность даже к кислой ягоде клюкве?

Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползущую девочку.

Ничего не видя, кроме своей клюквы, ползет она и ползет к большому черному пню. Еле передвигает за собой корзину, вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ножках.

Лось ее и за человека не считает: у нее все повадки обыч-

¹ Суходол — долина без воды или низина, не заливаемая водой.

² Куртинка — здесь: островок.

ных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни.

А большой черный пень собирает в себе лучи солнца и сильно нагревается. Вот уже начинается вечереть, воздух и все кругом охлаждается. Но пень, черный и большой, еще сохраняет тепло. На него выползли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усами; большие чер-

ные мухи прилетели ночевать. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела черный теплый пенёк и, сделав на самом верху несколько оборотов, спустилась по ту сторону.

Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна, громадная, в полметра длиной, вползла на пенёк и свернулась колечком на клюкве.

А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дернула за самую плеть, где лежала змея. Гадина подняла голову и зашипела...

Тогда-то, наконец, Настя очнулась, вскочила, и лось, узнав в ней человека, прыгнул из осинника и, выбрасывая вперед сильные длинные ноги-ходули, помчался легко по вязкому болоту, как мчится по сухой тропинке заяц-русак.

Испуганная лосем, Настенька изумленно смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком, в теплом луче солнца. Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она.

Совсем недалеко стояла и смотрела на нее большая рыжая собака с черными ремешками на спине. Собака эта была Травка, и Настя даже вспомнила ее: Антипыч не раз приходил с ней в село.

Но кличку собаки вспомнить она не могла верно и крикнула ей:

— Муравка, Муравка, я дам тебе хлебца!

И потянулась к корзине за хлебом. Доверху корзина была наполнена, и под клюквой был хлеб. Сколько же времени прошло, сколько клюквинок легло с утра до вечера, пока огромная корзина наполнилась? Где же был за это время брат голодный и как она забыла о нем, как она сама забыла себя и все вокруг?

Она опять поглядела на пенёк, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной клюквой. Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унес крик в другую сторону.

* * *

Тот сильный порыв ветра, когда крикнула бедная Настя, был еще не последним перед тишиной вечерней зари. Солнце в это время проходило вниз через толстое облако и выбросило оттуда на землю золотые ножки своего трона. И тот порыв был еще не последним, когда в ответ на крик Насти закричал Митраша.

Последний порыв был, когда солнце погрузило как будто под землю золотые ножки своего трона и, большое, чистое, красное, нижним краешком своим коснулось земли. Тогда на суходоле запел свою милую песенку маленький певчий дрозд-белобровик. Несмело возле Лежачего камня на успокоенных деревьях затоковал Косач-токовик. И журавли прокричали три раза не как утром: «Победа!», а вроде как бы: «Спите. Но помните: мы вас всех скоро разбудим, разбудим, разбудим!»

День кончился не порывом ветра, а последним легким дыханием. Тогда наступила полная тишина, и везде стало все слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки.

В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насте и лизнула ее соленую от слез щеку.

Настя подняла было голову, поглядела на собаку и так, ничего не сказав ей, опустила голову обратно и положила ее прямо на ягоду. Сквозь клюкву Травка явственно чуяла хлеб, и ей ужасно хотелось есть, но позволить себе поковыряться лапами в клюкве она никак не могла. Вместо этого, чуя беду человеческую, она подняла высоко голову и завывала...

В полной тишине, когда выла Травка, Серый сразу понял, что это было на палестинке, и скорей-скорей замахал туда напрямик.

Только очень скоро Травка выть перестала, и Серый остановился переждать, когда вой снова начнется.

А Травка в это время сама услышала в стороне Лежачего камня знакомый тоненький и редкий голосок:

— Тяв! Тяв!

И сразу поняла, конечно, что это тьякала лисица по зайцу... И то поняла, что лисице без хитрости никогда не догнать зайца и тьякает она, только чтобы он бежал и мо-

рился, а когда уморится и ляжет, тут-то она и схватит его на лежке.

Выслушав гон лисицы, Травка точно так же, как и мы, охотники, поняла круг пробега зайца: от Лежачего камня заяц бежал на Слепую елань и оттуда на Сухую речку, оттуда долго полукругом на палестинку и опять непременно к Лежачему камню...

И Травка своим собачьим способом бросилась вслед зайцу и, взвизгнув заливисто, мерным, ровным собачьим лаем наполнила всю вечернюю тишину.

Услыхав собаку, лисичка, конечно, сейчас же бросила охоту за русаком и занялась повседневной охотой на мышей... А Серый, наконец-то услышав долгожданный лай собаки, понесся на махах в направлении Слепой елани.

* * *

Зайцу повезло на этот раз. Он понял: собака, начав делать свой круг по елани, с чем-то там встретилась, и вдруг там явственно послышался голос человека и поднялся страшный шум...

А Травка, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человечка и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная.

Что думала Травка, глядя на маленького человечка в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас все мы разные. Для Травки все люди были, как два человека: один — Антипыч с разными лицами и другой человек — это враг Антипыча. И вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а становится и узнает, ее это хозяин или враг его.

Так вот и стояла Травка и глядела в лицо маленького человека, освещенного последним лучом заходящего солнца.

Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мертвые, но вдруг в них загорелся огонек, и вот это заметила Травка.

«Скорее всего, это Антипыч», — подумала Травка.

И чуть-чуть, еле заметно вильнула хвостом.

Мы, конечно, не можем знать, как думала Травка, узнавая своего Антипыча, но догадываться, конечно, можно.

Вы помните, бывало ли с вами так? Бывает, наклонившись в лесу к тихой заводи ручья и там, как в зеркале, увидишь — весь-то человек, большой, прекрасный, как для

Травки Антипыч, из-за твоей спины наклонился и тоже смотрит в заводь, как в зеркало. И так он прекрасен там, в зеркале, со всею природой, с облаками, лесами, и солнышко там внизу тоже садится, и молодой месяц показывается, и частые звездочки.

Так вот точно, наверное, и Травке в каждом лице человека, как в зеркале, виделся весь человек Антипыч, и к каждому стремилась она броситься на шею, но по опыту своему она знала: есть враг Антипыча с точно таким же лицом. И она ждала.

А лапы ее между тем понемногу тоже засасывало.

Если так дальше стоять, то и собачьи лапы так засосет, что и не вытащишь. Ждать больше нельзя. И вдруг...

Произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в самое старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал: — Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну, ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал ее и манил сейчас не совсем от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже тайлся и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой радостью бросилась бы она его спасать. Но он не мог сделать себя для нее понятным и должен был обманывать ее ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра человека и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принужден был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он ее сладким голосом. А сам думал: «Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, еще, еще!..

И вот понемногу она поползла. Он мог бы уже и теперь,

опираясь на распластанное на болоте ружье, наклониться немного вперед, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчете движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот еще был маленький ползок по земле, и Травка бросилась на шею человека, но в расчете своем маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперед и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил другой рукой ее за другую ногу. Мгновенно вслед затем он лег животом на ружье, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору-ружье все вперед и вперед, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отер последние слезы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услыхав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания — перед ней стоял прежний прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу-собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

* * *

Нам теперь остается уже немного досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долог был, еще не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипычем деловая Травка сейчас же вспомнила свой первый гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака, и дело ее — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это все ее счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с голосом. Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что все спасение его будет в этом зайце, что если он убьет зайца, то огонь добудет выстрелом и, как не раз бывало при отце, испечет зайца в горячей золе.

Осмотрев ружье, переменив подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусту можжевельника.

Еще хорошо можно было видеть на ружье мушку, когда Травка завернула зайца от Лежачего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где таился охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновленный гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где таился охотник, и два охотника, человек и злейший враг его, встретились... Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но Травка дело свое продолжала. Самое главное, самое счастливое был не заяц, не волк, а что Настя, услышав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал ее голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того вскоре и Травка принесла русака своему новому молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

Настя и Митраша жили от нас через дом, и когда утром заревела у них на дворе голодная скотина, мы первые пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Мы сразу поняли, что дети дома не ночевали и скорее всего, за-

блудились в болоте. Собрались мало-помалу и другие соседи, стали думать, как нам выручить детей, если они еще только живы. И только собрались было рассыпаться по болоту во все стороны, — глядим: а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжелой корзинкой, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Они рассказали нам во всех подробностях обо всем, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему у нас поверили — неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого, хитрого волка. Однако несколько человек из них, кто поверил, с веревкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мертвого Серого помешика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели, — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка, говорили:

— А вот смеялись, дразнили: «Мужичок в мешочке»!..

И тогда, незаметно для всех, прежний «Мужичок в мешочке», правда, стал переменяться и за следующие два го-

да войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный! И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А Золотая Курочка тоже всех удивила в селе. Никто ее в жадности, как мы, не упрекал; напротив, все одобряли, и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных ленинградских детей обратились в село за посылкой помощи больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие девочки, узнали от нее, как мучилась она про себя за свою жадность.

Нам остается теперь сказать еще несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Еще с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добычания в нем горючего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых солнца, что в них будто бы черти живут: все это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

Вопросы и задания.

1. О каком времени повествуется в сказке-были «Кладовая солнца»? Где происходят события? Кто выступает в роли рассказчика? Подтвердите свое мнение примерами из текста. Читая в классе сказку-быль «Кладовая солнца», придумайте название для каждой части.
2. В каких обстоятельствах оказались дети-сироты? Прочитайте в тексте описание того, как жили и хозяйничали Настя и Митраша. Какие отношения сложились у детей с односельчанами и с приезжими людьми — «разведчиками болотных богатств»? Перечитайте описание внешности Насти и Митраши (гл. 1) и отметьте в этом описании эпитеты и сравнения, которые передают отношение рассказчика к своим героям.
3. Чем похожи и чем различаются по характеру Настя и Митраша? Как проявили себя дети во время спора о дороге на ягодную палестинку? Подумайте, какое значение в этом эпизоде (с. 283—284) имеет описание природы; проследите по тексту, как природа помогает нам предугадать

опасные последствия ссоры детей. Что изобразили бы вы на иллюстрациях «Ель и сосна на Блудовом болоте», «У Лежачего камня» (по выбору)?

- Расскажите, что случилось с Настей и Митрашей на изобранных ими дорогах. Что пережил каждый из них в момент опасности? Благодаря чему детям удалось уйти от беды? Какой жизненный урок они извлекли из случившегося?
- Подумайте, почему события на Блудовом болоте заставили рассказчика вспомнить мудрого лесника Антипыча. Чем был ему дорог Антипыч; чему научил его на всю жизнь? Расскажите историю Антипыча и Травки. На основании чего можно судить, что Травка усвоила заветы Антипыча? Прежде чем ответить на последний вопрос, выразительно прочитайте эпизоды «Травка и Настя», «Травка и Митраша». Как в сказке-были описана Травка и как волк — Серый помещик? Каково отношение рассказчика к ним?
- Почему «Кладовая солнца» называется сказкой-былью?
- Расскажите, какие эпизоды изображены на иллюстрациях к произведению. Используйте в своем рассказе описания природы из сказки-были.
- Какой смысл вкладывает писатель в заглавие «Кладовая солнца»?
- В Конституции СССР говорится: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Как сказка-быль Пришвина помогает нам осознать важность общенародного дела охраны природы? Были ли в вашей жизни случаи, когда вы спасли или защитили животное, растение? Расскажите об этом. Есть ли у вас друзья-животные?

Значение олицетворений в литературном произведении

Вы уже знаете, что в литературных произведениях часто встречаются олицетворения (такое изображение, когда неодушевленные предметы наделяются признаками живого существа).

Пришвин часто обращается в своей сказке-были к олицетворениям: явления природы в этом произведении становятся как бы действующими лицами, которые принимают прямое участие в жизни людей: «...ветер поиграл с домиком, и он сразу весь развалился»; «Очень волновались старушки-елки, пропуская между собой мальчика».

О двух деревьях — ели и сосне — Пришвин рассказывает так: «Ветер-сеятель принес два семечка... Оба семечка легли в одну ямку... С тех пор... ель и сосна вместе растут... их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет... Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья... стонали и выли на все Блудово болото».

Почему, читая эти строки, мы так отчетливо видим борьбу искалеченных деревьев, почему сочувствуем им?

Да потому, что писатель рассказывает о ели, о сосне, о ветре как о живых существах. Деревья стараются обогнать друг друга, борются между собой, стонут и воют. Злой ветер, устроив деревьям несчастную жизнь, прилетает их мучить.

Особенно часто мы находим олицетворения в стихотворных произведениях. Они помогают поэтам создавать яркие, живые и выразительные картины, волнующие нас.

Мы употребляем олицетворения и в разговорной речи, иногда сами того не замечая: погода разгулялась, ветер воет, солнце выглянуло из-за туч.

Задание.

Найдите олицетворения в следующих стихотворных отрывках и оцените их выразительность:

- Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.

(А. Пушкин)

- Скинуло кафтан зеленый лето,
Отсвистели жаворонки встать!
Осень, в шубу желтую одета,
По лесам с метелкою прошлась...

(Д. Кедрин)

- Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром...

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

(С. Есенин)

- Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

(Ф. Тютчев)

- Робко месяц смотрит в очи;
Изумлен, что день не минул...

(А. Фет)

ВЕТЕР

6. Осторожно ветер
Из калитки вышел,
Постучал в окошко,
Пробежал по крыше,
- Поиграл немного
Ветками черемух,
Пожурил за что-то
Воробьев знакомых,

И, расправив бодро
Молодые крылья,
Полетел куда-то
Впередонку с пылью.

(М. Исаковский)

Н. А. Заболоцкий

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.
Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вел вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Черное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупление собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремление,
Волю непреклонную к борьбе —
Все, что от бывшего поколения
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Вопрос.

Какие мысли и какие чувства хотел передать нам поэт в своем стихотворении?

**Борис
Николаевич
ПОЛЕВОЙ
(1908—1981)**

Б. Н. Полевой родился в Москве в 1908 году, но детство и юность провел в Твери. Отец его умер рано, и все заботы по содержанию семьи легли на плечи матери. Она работала врачом в больнице большого текстильного комбината. На фабричном дворе и прошли детские годы Бориса Полевого. Став писателем, он часто с благодарностью и уважением вспоминал своих первых учителей жизни — рабочих-металлистов, литейщиков, текстильщиков.

А еще существовал у него в детстве мир книг. Подросток очень рано начал читать произведения Гоголя и Пушкина, Лермонтова и Некрасова, Тургенева и Гончарова, а затем — Куприна, Чехова и многих других. «Самым же любимым писателем моим с детства стал Максим Горький... Лет семи-восьми прочел я рекомендованного мне матерью «Челкаша», ...постепенно я прошел через все собрание горьковских сочинений», — вспоминал Б. Н. Полевой.

Уже в школьные годы открылась у него тяга к журналистике, которой он и занимался всю жизнь. В своих статьях, очерках, книгах Б. Н. Полевой писал об энтузиазме, рекордах и трудовых

подвигах современников — героев первых пятилеток. Во время Великой Отечественной войны Борис Полевой — известный военный корреспондент, а позже — признанный всем народом советский писатель.

Он прошел четырехлетней дорогой солдата до стен пылающего рейхстага, до улиц сражающейся Праги. Он не уходил с ратного поля ни в период отступления, ни в момент наступления. Случалось, ночами он пробирался в партизанские соединения по территории, оккупированной врагом. Участвовал в боевых вылетах на военных самолетах в качестве второго стрелка, «ходил», как говорили в авиации, на бомбежку военных объектов, забрасывался на парашюте в тыл врага...

Полевой видел войну на разных ее этапах и на решающих участках сражений, в своих произведениях он показывал фронт и тыл, подвиги и трагически трудный путь к Победе, источники массового героизма советских людей. Эти рассказы и получившая особенно широкую известность «Повесть о настоящем человеке» и сегодня воспринимаются как волнующее слово очевидца, свидетеля.

Прекрасные книги о Настоящих советских людях, способных на героические воинские подвиги и на героический мирный путь во имя Родины, оставил в наследство нашей литературе Борис Николаевич Полевой — Герой Социалистического Труда, ветеран Великой Отечественной войны.

Вопрос и задания.

1. Кого можно считать «учителями жизни» Б. Н. Полевого?
2. Расскажите о жизни военного корреспондента Б. Н. Полевого в годы Великой Отечественной войны.
3. Прочитайте рассказы о войне, помещенные в третьем разделе книги «В мире русской литературы» (5 кл.). Выберите тот из них, который вам больше всего понравился, и подготовьте о нем устный отзыв.

Повесть о настоящем человеке

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Звезды еще сверкали остро и холодно, но небо на востоке уже стало светлеть. Деревья понемногу выступали из тьмы. Вдруг по вершинам их прошел сильный, свежий ветер. Лес сразу ожил, зашумел полнозвучно и звонко. Свистящим шепотом перекликнулись между собой столетние сосны, и сухой иней с мягким шелестом полился с потревоженных ветвей.

Ветер стих внезапно, как и налетел. Деревья снова застыли в холодном оцепенении. Сразу стали слышны все предутренние лесные звуки: жадная грызня волков на соседней поляне, осторожное тьяканье лисиц и первые, еще неуверенные удары проснувшегося дятла, раздававшиеся в тишине леса так музыкально, будто долбил он не древесный ствол, а полое тело скрипки...

Из припудренной утренним инеем хвои высунулась длинная бурая морда, увенчанная тяжелыми ветвистыми рогами. Испуганные глаза осмотрели огромную поляну. Розовые замшевые ноздри, извергавшие горячий парок встревоженного дыхания, судорожно задвигались...

Внимание его привлек звук, послышавшийся сверху. Зверь вздрогнул, кожа на спине передернулась, задние ноги еще больше поджались.

Однако звук был не страшный: будто несколько майских жуков, басовито гудя, кружили в листве зацветающей березы. И к гуденью их примешивался порой частый, короткий треск, похожий на вечерний скрип дергача на болоте.

А вот и сами эти жуки. Сверкая крыльями, танцуют они в глубом морозном воздухе. Снова и снова скрипнул в вышине дергач. Один из жуков, не складывая крыльев, метнулся вниз. Остальные опять затанцевали в небесной лазури. Зверь распустил напряженные мускулы, вышел на поляну, лизнул наст, кося глазом на небо. И вдруг еще один жук отвалил от танцевавшего в воздухе роя и, оставляя за собой большой, пышный хвост, понесся прямо к поляне. Он рос так быстро, что лось едва успел сделать прыжок в кусты, — что-то громадное, более страшное, чем внезапный порыв осенней бури, ударило по вершинам сосен и брякнулось о землю так, что весь лес загудел, застонал. Эхо понеслось над деревьями, опережая лось, рванувшегося во весь дух в чащу.

Увязло в гуще зеленой хвои эхо. Сверкая и искрясь, осыпал-

ся иней с древесных вершин, сбитых падением самолета. Тишина, тягучая и властная, овладела лесом. И в ней отчетливо послышалось, как простонал человек и как тяжело захрустел наст под ногами медведя, которого необычный гул и треск выгнали из леса на полянку.

Медведь остановился на опушке, там, где только что стоял лось. Понюхал его свежие, вкусно пахнущие следы, тяжело и жадно задышал, двигая впалыми боками, прислушался. Лось ушел, зато рядом раздавался звук, производимый каким-то живым и, вероятно, слабым существом. Шерсть поднялась на загривке зверя. Он вытянул морду. И снова этот жалобный звук чуть слышно донесся с опушки.

Медленно, осторожно ступая мягкими лапами, под которыми с хрустом проваливался сухой и крепкий наст, зверь направился к неподвижной, вбитой в снег человеческой фигуре...

* * *

Летчик Алексей Мересьев попал в двойные клещи. Это было самое скверное, что могло случиться в воздушном бою. Его, расстрелявшего все боеприпасы, фактически безоружного, обступили четыре немецких самолета и, не давая ему ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром... Такие случаи бывали. Алексей сам видел, как однажды звено истребителей под командой его приятеля Героя Советского Союза Андрея Дегтяренко привело и посадило на свой аэродром немца-разведчика.

Длинное зеленовато-бледное лицо пленного немца, его шагающий шаг мгновенно возникли в памяти Алексея. «Плен? Никогда! Не выйдет этот номер!» — решил он.

Но вывернуться не удавалось. Немцы преграждали ему путь пулеметными очередями, как только он делал малейшую попытку отклониться от диктуемого ими курса. И опять мелькнуло перед ним лицо пленного летчика с искаженными чертами, с дрожащей челюстью. Был в этом лице какой-то униженный животный страх.

Мересьев крепко сжал зубы, дал полный газ и, поставив машину вертикально, попытался нырнуть под верхнего немца, прижимавшего его к земле. Ему удалось вырваться из-под конвой. Но немец успел вовремя нажать гашетку¹. Мотор сбился

¹ Гашетка — кнопка или рычаг для открытия огня из огнестрельного оружия.

с ритма и заработал частыми рывками. Весь самолет задрожал в смертельной лихорадке.

Подшибли! Алексей успел свернуть в белую муть облака, сбить со следа погоню. Но что же дальше? Летчик ощущал дрожь подраненной машины всем своим существом, как будто это была не агония изувеченного мотора, а лихорадка, колотившая его собственное тело.

Во что ранен мотор? Сколько может самолет продержаться в воздухе? Не взорвутся ли баки? Чувствуя себя сидящим на динамитной шашке, к которой по шнуру запала уже бежит пламя, он положил самолет на обратный курс, к линии фронта, к своим, чтобы в случае чего хотя бы быть похороненным родными руками.

Развязка наступила сразу. Мотор осекся и замолчал. Самолет, точно соскальзывая с крутой горы, стремительно понесся вниз. Под самолетом переливался зелено-серыми волнами необозримый, как море, лес... «И все-таки не плен!» — успел подумать летчик, когда близкие деревья, сливаясь в продольные полосы, неслись под крыльями самолета...

Падая, самолет задел верхушки сосен. Это смягчило удар. Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части, но мгновением раньше Алексея вырвало из сиденья, подбросило в воздух, и, упав на широкоплечую вековую ель, он соскользнул по ветвям в глубокий сугроб, наметенный ветром у ее подножия. Это спасло ему жизнь...

Сколько пролежал он без движения, без сознания, Алексей не знал. Какие-то человеческие тени, контуры зданий, невероятные машины, стремительно мелькая, проносились перед ним, и от вихревого их движения во всем его теле ощущалась тупая, скребущая боль. Потом из хаоса вышло что-то большое, горячее, неопределенных форм и задышало на него жарким смрадом. Он попробовал отстраниться, но тело его точно влипло в снег. Томимый безотчетным ужасом, он сделал рывок — и вдруг ощутил морозный воздух, ворвавшийся ему в легкие, холод снега на щеке и острую боль уже не во всем теле, а в ногах.

«Жив!» — мелькнуло в его сознании. Он сделал движение, чтобы подняться, и услышал возле себя хрустящий скрип наста под чьими-то ногами и шумное, хрипловатое дыхание. «Немцы! — тотчас же догадался он, подавляя в себе желание раскрыть глаза и вскочить, защищаясь. — Плен, значит, все-таки плен!.. Что же делать?»

Он вспомнил, что его механик Юра, мастер на все руки, явился вчера притачать к кобуре оторвавшийся ремешок, да так и не притачал; пришлось, вылетая, положить пистолет в набедренный карман комбинезона. Теперь, чтобы его достать, надо было повернуться на бок. Этого нельзя, конечно, сделать незаметно для врага. Алексей лежал ничком. Бедром он ощущал острые грани пистолета. Но лежал он неподвижно: может быть, враг примет его за мертвого и уйдет.

Немец потоптался возле, как-то странно вздохнул, снова пошел к Мересьеву, похрустел настом, наклонился. Алексей опять ощутил смрадное дыхание его глотки. Теперь он знал, что немец один и в этом была возможность спастись: если подстеречь его, внезапно вскочить, вцепиться ему в горло и, не дав пустить в ход оружие, завязать борьбу на равных... Но это надо сделать расчетливо и точно.

Не меняя позы, медленно, очень медленно Алексей приоткрыл глаз и сквозь опущенные ресницы увидел перед собой вместо немца бурое мохнатое пятно. Приоткрыл глаз шире и тотчас же плотно зажмурил: перед ним на задних лапах сидел большой, тощий, ободранный медведь.

Зверь вздохнул, поднялся, лапой перевернул человека в сугробе и рванул когтями «чертову кожу» комбинезона. Комбинезон не поддался. Медведь глухо зарычал. Больших усилий стоило Алексею в это мгновение подавить в себе желание открыть глаза, отпрянуть, закричать, оттолкнуть эту грузную, навалившуюся ему на грудь тушу. В то время как все существо его рвалось к бурной и яростной защите, он заставил себя медленным, незаметным движением опустить руку в карман, нащупать там рубчатую рукоятку пистолета, осторожно, чтобы не щелкнул, взвести большим пальцем курок и начать незаметно вынимать уже вооруженную руку.

Зверь еще сильнее рванул комбинезон. Крепкая материя затрещала, но опять выдержала. Медведь неистово заревел, схватил комбинезон зубами, защемив через мех и вату тело. Алексей последним усилием воли подавил в себе боль и в тот момент, когда зверь вырвал его из сугроба, вскинул пистолет и нажал курок.

Глухой выстрел треснул раскатисто и гулко.

Вспорхнув, проворно улетела сорока. Иней посыпался с потревоженных ветвей. Зверь медленно выпустил жертву. Алексей упал в снег, не отрывая от противника глаз. Тот сидел на

задних лапах, и в черных, заросших мелкой шерстью, гноящихся его глазках застыло недоумение. Густая кровь матовой струйкой пробивалась меж его клыков и падала на снег. Он зарычал хрипло и страшно, грузно поднялся на задние лапы и тут же замертво осел в снег, прежде чем Алексей успел выстрелить еще раз.

Напряжение Алексея схлынуло. Он снова ощутил острую, жгучую боль в ступнях и, повалившись на снег, потерял сознание...

Очнулся он, когда солнце стояло уже высоко. Лучи, ронзавшие хвою, сверкающими бликами зажигали наст. В тени снег казался даже не голубым, а синим.

«Жив, жив, жив!» — мысленно повторял Алексей. И весь он, все тело его ликовало, впитывая в себя чудесное, могучее, пьянящее ощущение жизни, которое приходит к человеку и захватывает его всякий раз после того, как он перенес смертельную опасность.

Повинуясь этому могучему чувству, он вскочил на ноги, но тут же, застонав, присел на медвежью тушу. Боль в ступнях прожгла все его тело. В голове стоял глухой, тяжелый шум, точно вращались в ней, грохоча, сотрясая мозг, старые, щербатые жернова. Глаза ломило, будто кто-то нажимал на них поверх век пальцем. Все окружающее, то виднелось четко и ярко, облитое холодными желтыми солнечными лучами, то исчезало, покрываясь серой, мерцающей искрами пеленой.

«Плохо... Должно быть, контузило при падении, и с ногами что-то случилось», — подумал Алексей...

Планишет с карты он потерял при падении. Но и без карты Алексей ясно представлял себе сегодняшний маршрут. ...упал он приблизительно километрах в тридцати пяти от линии фронта, далеко за спиной передовых немецких дивизий, где-то в районе огромного, так называемого Черного леса...

То, что он рухнул в центре этого заповедного леса, было и хорошо и плохо. Хорошо потому, что вряд ли здесь, в этих девственных чащобах, можно было встретить немцев, тяготевших обычно к дорогам и жилию. Плохо же потому, что предстояло совершить хотя и не очень длинный, но тяжелый путь по лесным зарослям, где нельзя надеяться на помощь человека, на кусок хлеба, на крышу, на глоток кипятку. Ведь ноги... Поднимут ли ноги? Пойдут ли?..

Он тихо привстал с медвежьей туши. Та же острая боль, воз-

никавшая в ступнях, пронизала его тело снизу вверх. Он вскрикнул. Пришлось снова сесть. Попытался скинуть унт. Унт не слезал, и каждый рывок заставлял стонать. Тогда Алексей стиснул зубы, зажмурился, изо всех сил рванул унт обеими руками — и тут же потерял сознание. Очнувшись, он осторожно развернул байковую портянку. Вся ступня распухла и представляла собой сплошной сизый синяк. Она горела и ныла каждым своим суставом. Алексей поставил ногу на снег — боль стала слабее. Таким же отчаянным рывком, как будто он сам у себя вырывал зуб, снял он второй унт.

Обе ноги никуда не годились. Очевидно, когда удар самолета по верхушкам сосен выбросил его из кабины, ступни что-то прищемило и раздробило мелкие кости плюсны¹ и пальцев. Конечно, в обычных условиях он даже и не подумал бы подняться на эти разбитые, распухшие ноги. Но он был один в лесной чаще, в тылу врага, где встреча с человеком сулила не облегчение, а смерть. И он решил идти, идти на восток, идти через лес, не пытаясь искать удобных дорог и жилых мест, идти, чего бы это ни стоило... От боли и напряжения через несколько шагов начинало кружить голову. Приходилось стоять, закрыв глаза, прислонившись спиной к стволу дерева, или присаживаться на сугроб и отдыхать, чувствуя острое биение пульса в венах...

Так двигался он до вечера...

Родившийся в Камышине, среди поволжских степей, горожанин, неопытный в лесных делах, Алексей не позаботился заблаговременно ни о ночлеге, ни о костре. Застигнутый крошечной тьмой, ощущая невыносимую боль в разбитых, натруженных ногах, он не нашел в себе сил идти за топливом, забрался в густую поросль молодого сосняка, присел под деревом, весь сжался в комок, спрятал лицо в колени, охваченные руками, и, обогреваясь своим дыханием, замер, жадно наслаждаясь наступившим покоем и неподвижностью.

Наготове был пистолет со взведенным курком, но вряд ли Алексей смог бы применить его в эту первую ночь, проведенную им в лесу. Он спал как каменный, не слыша ни ровного шума сосен, ни уханья филина, стонавшего где-то у дороги, ни далекого воя волков — ничего из тех лесных звуков, которыми

¹ Плюсна — часть ступни между пяткой и пальцами.

была полна густая и непроницаемая, плотно обступавшая его тьма.

Зато проснулся он сразу, точно от толчка, когда чуть брезжил серенький рассвет и только ближние деревья неясными силуэтами выступали из морозной мглы. Проснувшись, вспомнил, что с ним, где он, и задним числом испугался этой так беспечно проведенной в лесу ночи. Промозглый холод пробился сквозь «чертову кожу» и мех комбинезона и пробрал до костей. Тело била мелкая неуправляемая дрожь. Но самое страшное было ноги: они болели еще острее, даже теперь, когда находились в покое. Со страхом подумал он о том, что нужно вставать. Но встал он так же решительно, рывком, как вчера срывал с себя унты. Время было дорого...

Чтобы заглушить боль, которую причинял ему каждый шаг, он стал отвлекать себя, обдумывая и рассчитывая свой путь. Если делать в сутки — десять — двенадцать километров, он дойдет до своих за три, самое большое — за четыре дня.

Так, хорошо! Теперь: что значит пройти десять — двенадцать километров? Километр — это две тысячи шагов; стало быть, десять километров — двадцать тысяч шагов, а это много, если учесть, что после каждых пятисот — шестисот шагов приходится останавливаться и отдыхать...

Он решил перегон между местами отдыха делать в тысячу шагов, то есть в полкилометра, и отдыхать по часам, не более пяти минут. Выходило, что с рассвета и до заката он, хотя и с трудом, пройдет километров десять.

Но как тяжело далась ему первая тысяча шагов! Он пытался переключить свое внимание на подсчет, чтобы ослабить боль, но, пройдя пятьсот шагов, начал путать, врать и уже не мог думать ни о чем другом, кроме жгучей, дергающей боли. И все же он прошел эту тысячу шагов. Не имея уже сил присесть, он упал лицом в снег и стал жадно лизать наст. Прижимался к нему лбом, висками, в которых стучала кровь, и испытывал неслыханное блаженство от ледящего прикосновения.

Потом он вздрогнул, посмотрел на часы. Секундная стрелка отщелкивала последние мгновения пятой минуты. Он со страхом взглянул на нее, как будто, когда завершит она свой круг, должно произойти что-то ужасное; а когда она коснулась цифры «шестьдесят», сразу вскочил на ноги, застонал и двинулся дальше...

...Третий день пути по дремучему лесу, где Алексей не видел ни одного человеческого следа, ознаменовался неожиданным происшествием.

Он проснулся с первыми лучами солнца, дрожа от холода и внутреннего озноба. В кармане комбинезона нашел он зажигалку, сделанную ему на память из винтовочного патрона механиком Юрой. Он как-то совсем забыл о ней и о том, что можно и нужно разводить огонь. Наломав с ели, под которой спал, сухих мшистых веток, он покрыл их хвоей и зажег. Желтые шустрые огоньки вырвались из-под сизого дыма. Смолистое сухое дерево занялось быстро и весело. Пламя перебежало на хвою и, раздуваемое ветром, разгоралось со стонами и свистом.

Костер трещал и шипел, распространяя сухой благотворный жар. Алексею стало уютно...

Теперь уже привычными движениями сорвал он с ног унты, размотал куски шарфа, внимательно осмотрел ноги. Они еще больше опухли. Пальцы торчали в разные стороны, точно ступни были резиновые и их надули воздухом. Цвет у них был еще более темным, чем вчера.

Алексей вздохнул, прощаясь с затухавшим костром, и снова побрел по дороге, скрипя палками по обледеневшему снегу, кусая губы и порой теряя сознание. Вдруг среди других шумов леса, которые привыкшее ухо почти перестало улавливать, услышал он отдаленный звук работающих моторов. Сначала он подумал, что это ему мерещится от усталости, но моторы гудели все громче, то подвывая на первой скорости, то затихая. Очевидно, то были немцы, и ехали они по той же дороге. Алексей чувствовал, как сразу похолодело у него внутри.

Страх придал Алексею силы. Забыв об усталости, о боли в ногах, свернул он с дороги, добрал по целине до густого елового подлеска и тут, зайдя в чащу, опустился на снег. С дороги его, конечно, трудно было заметить; ему же дорога была отчетливо видна, освещенная полуденным солнцем, уже стоявшим над зубчатым забором еловых вершин.

Шум приближался. Алексей вспомнил, что на снегу заброшенной дороги ясно виден его одинокий след. Но уходить было поздно, мотор передней машины гудел где-то совсем близко. Алексей еще крепче вжался в снег. Сначала мелькнул среди ветвей плоский, похожий на колун броневики, окрашенный извесью. Покачиваясь и звеня цепями, он приближался к месту, где след Алексея свертывал в лес. Алексей затаил дыхание.

Броневи́к не остано́вился. За броневи́ком шел маленький откры́тый вездехо́д. Кто-то в высоко́верхой фура́жке, уткну́вшись но́сом в бу́рый мехо́вой воро́тник, си́дел ря́дом с шо́фером, а сза́ди на высо́кой скаме́йке пока́чивались авто́матчи́ки в се́ро-зе́леных ши́нелях и каска́х. На неко́тором рассто́янии, фы́рча и лязга́я гусени́цами, шел еще́ один, уже́ большо́й, вездехо́д, на кото́ром ря́дами си́дело́ челове́к пятна́дцать не́мцев.

Алексе́й вжима́лся в сне́г. Маши́ны были́ так бли́зко, что ему́ в ли́цо па́хнуло́ теплым́ смра́дом га́золино́вой га́ри. Во́лосы́ ше́вели́лись у него́ на заты́лке, и му́скулы́ сверну́лись в ту́гие клубки́. Но маши́ны про́шли, запа́х разве́ялся, и уже́ отку́да-то́ изда́ли разда́вался еле́ разли́чимый шум́ мото́ров.

Дождавши́сь, пока́ все стихне́т, Алексе́й выбра́лся на доро́гу, на кото́рой отче́тливо́ отпеча́тались ле́стничные́ сле́ды гусе́ниц, и по э́тим сле́дам продо́лжал пу́ть...

Летчи́к, приви́кший во́евать в возду́хе, он в первы́й раз встре́тил на земле́ живых, непо́верженны́х врагов. Тепе́рь он бе́рел по их сле́ду, злора́дно усме́хаясь. Невесе́ло же жи́вется им здесь, неуютно́, не хле́босо́льна оку́пиро́ванная ими́ земле́! Даже́ вот по де́вственно́му ле́су, где́ за три́ дня́ не ви́дел Алексе́й ни́ одной́ челове́ческой, живо́й приметки́, приходи́тся их офи́церу́ е́здить под та́ким ко́нвоем.

«Ни́чего, ни́чего, все́ бу́дет хоро́шо!» — подба́дривал се́бя Алексе́й и все́ шага́л, шага́л, шага́л, стара́ясь не́ замеча́ть, что́ но́ги его́ бо́лят все́ о́стрее и что́ он са́м заме́тно сла́беет...

Его́ кача́ло. Земля́ вы́скальзы́вала из-под но́г. Он помину́тно па́дал, мгнове́ние непо́движно́ ле́жал на ве́ршине́ сугро́ба, при́жимая́сь лбо́м к хру́стящему́ сне́гу, пото́м подни́мался и де́лал е́ще́ не́сколько ша́гов. Неуде́ржи́мо клони́ло в сон. Тяну́ло ле́чь, забы́ться, не́ шевели́ть ни́ одним́ му́скулом. Бу́дь что́ бу́дет! Он остано́вливался, це́пеней и по́шаты́ваясь из сто́роны в сто́рону, за́тем, бо́льно закусив́ губу́, при́водил се́бя в со́знание и сно́ва де́лал не́сколько ша́гов, с тру́дом вы́волаки́вая но́ги.

Наконе́ц он почувство́вал, что́ бо́льше не́ може́т, что́ ника́кая си́ла не́ сдви́нет его́ с ме́ста и что́, е́сли тепе́рь он сяде́т, ему́ уже́ бо́льше не́ подня́ться. С то́ской о́гляде́лся он кру́гом. Ря́дом, на обо́чине доро́ги, сто́яла курча́вая молоде́нькая со́сенка. После́дним уси́лием ша́гнул к не́й и пова́лился на не́е, по́пав подбо́рдо́ком в расще́лину́ ее́ раздво́енной ве́ршины. Тя́жесть, при́ходивша́яся на разби́тые но́ги, не́сколько у́меньши́лась, ста́ло ле́гче. Он ле́жал на пру́жиня́щих вет́ках, насла́ждая́сь по́коем. Же́лая уле́чься по́удобнее́, он опе́рся подбо́рдо́ком о́ рогатку́ со́сенки, подтя́нул но́ги — одну́, дру́гую, и они́, не́ не́ся на се́бе тя́жести́ те́ла, ле́гко́ осво́бодили́сь из сугро́ба. И ту́т у Алексе́я о́пять ме́лькну́ла мы́сль.

Ну да, ну да! Ве́дь може́но же́ сре́зать вот э́то маленько́е де́ревце́, сде́лать из него́ дли́нную па́лку, с ро́гатко́й на́верху, вы́брасыва́ть па́лку впе́ред, упи́раться в ро́гатку́ подбо́рдо́ком, пере́носить на не́е тя́жесть те́ла, а пото́м, вот как се́йчас у со́сенки, пере́ставля́ть но́ги впе́ред. Ме́дленно? Ну да, коне́чно, ме́дленно, зато́ не́ так бу́дешь уста́вать и може́но бу́дет продо́лжать пу́ть, не́ ожида́я, пока́ о́сядут, умну́тся сугро́бы.

Он ту́т же́ упал на ко́лени, сру́бил кинжа́лом дере́вце, отре́зал вет́ки, обмота́л ро́гатку́ носовым́ платко́м, би́нтами́ и то́тчас же́ по́пробова́л двину́ться в доро́гу. Вы́бросил па́лку впе́ред, упе́рся в не́е подбо́рдо́ком и ру́ками, сде́лал ша́г, два, сно́ва вы́бросил па́лку, сно́ва упе́рся, сно́ва ша́г, два. И по́шел, счита́я ша́ги и уста́навлива́я се́бе но́вые но́рмы пе́редви́жения...

Ступни́ уже́ ока́менели́ и ни́чего не́ чувство́вали, но́ те́ло при́ каждо́м ша́ге про́нзала́ бо́ль. Голо́д пере́стал му́чить. Судоро́ги и ре́зь в жи́воте пре́кратили́сь и пере́шли в по́стоян-

ную тупую боль, как будто пустой желудок отвердел и, неловко перевернувшись, сдавил все внутренности.

Алексей питался молодой сосновой корой, которую на отдыхе сдирал кинжалом, почками берез и лип да еще зеленым мягким мхом. Он выкапывал его из-под снега и на ночлегах вываривал в кипятке. Отрадой ему был «чай» из собранных на проталинах лакированных листочков брусники. Горячая вода, наполняя тело теплом, создавала даже иллюзию сытости. Прихлебывая пахнущий дымом и венником горячий взвар, Алексей как-то весь успокаивался, и не таким бесконечным и страшным казался ему путь...

Шумит лес, лицу жарко, а со спины подбирается колючий холод. Гукает во тьме филин, твякают лисицы. У костра съежился, задумчиво глядя на гаснущие, перемигивающиеся угли, голодный, больной, смертельно усталый человек, единственный в этом огромном дремучем лесу, и перед ним во тьме лежит неведомый, полный неожиданных опасностей и испытаний путь.

— Ничего, ничего, все будет хорошо! — говорит вдруг этот человек, и при последних багровых отсветах костра видно, что он улыбается растрескавшимися губами каким-то своим далеким мыслям.

* * *

...Совершенно уже измученный, поминутно останавливаясь, чтобы передохнуть, он тащился по оттаявшей лесной дороге. Весна теперь уже не улыбалась издали. Она вошла в этот заповедный лес со своими теплыми, порывистыми ветрами, с острыми солнечными лучами, пробивающимися сквозь ветви и смывающими снег с кочек, пригорков, с грустным вороньим граем по вечерам, с медлительными, солидными грачами на побуревшем горбе дороги, с пористым, как пчелиные соты, влажным снежком, с искристыми лужицами на проталинах, с этим могучим бражным запахом, от которого у всего живого весело кружится голова.

Алексей с детства любил эту пору, и даже теперь, волоча по лужам свои больные ноги в мокрых, раскисших унтах, голодный, теряющий сознание от боли и усталости, проклиная лужи, вязкий снег и раннюю грязь, он все же жадно вдыхал хмельной влажный аромат. Он уже не разбирал дороги, не обходил луж, спотыкался, падал, вставал, тяжело ложась на свою пал-

ку, стоял, покачиваясь и собираясь с силами, потом выбрасывал палку вперед, как можно дальше, и продолжал медленно двигаться на восток.

Вдруг у поворота лесной дороги, резко бравшей здесь влево, он остановился и застыл. Там, где дорога была особенно узка, зажатая с двух сторон частым молодым леском, он увидел немецкие машины, которые обогнали его. Путь им преграждали две огромные сосны. Возле самых этих сосен, уткнувшись в них радиатором, стоял похожий на колун броневик. Только был он не пятнисто-белый, как раньше, а багрово-красный, и стоял он низко на железных ободьях, так как шины его сгорели. Башня валялась в стороне, на снегу под деревом, как диковинный гриб. Возле броневика лежали три трупа — его экипаж — в черных замасленных коротких тужурках и матерчатых шлемах.

Два беззвездых, тоже сожженные, багровые, с черными, обугленными внутренностями, стояли впритык к броневiku на темном от гари, пепла и угольев обтаявшему снегу. А вокруг — на обочинах дороги, в придорожных кустах, в кюветах — валялись тела немецких солдат, и по ним было видно, что разбежались солдаты в ужасе, даже не понимая хорошенько, что же произошло, что смерть стерегла их за каждым деревом, за каждым кустом, скрытая снежной пеленой выюги. К дереву был привязан труп офицера в мундире, но без штанов. К зеленому его френчу с темным воротником приколоты записка: «За чем пойдешь, то и найдешь», — написано было на ней. И ниже, другим почерком, чернильным карандашом было добавлено крупно выведенное слово — «собака».

Алексей долго осматривал место побоища, ища чего-нибудь съестного. Только в одном месте обнаружил он втоптаный в снег, уже поклеванный, старый, заплесневелый сухарь и поднес его ко рту, жадно вдыхая кислый запах ржаного хлеба. Хотелось втиснуть этот сухарь целиком в рот и жевать, жевать, жевать ароматную хлебную массу. Но Алексей разделил его на три части: две убрал поглубже в набедренный карман, а одну стал щипать на крошки и крошки эти сосать, как леденцы, стараясь растянуть удовольствие.

Он обошел еще раз поле боя. Тут его осенила мысль: партизаны должны быть где-то здесь, поблизости! Ведь это их ногами истоптан жухлый снег в кустах и вокруг деревьев. Может быть, его, бродящего меж трупов, уже заметил и откуда-нибудь с вер-

шины ели, из-за кустов, из-за сугробов наблюдает за ним партизанский разведчик. Алексей приложил руки ко рту и закричал что есть мочи:

— Ого-го! Партизаны! Партизаны!

Его удивило, как вяло и тихо звучит его голос. Даже эхо, отылавшееся ему из лесной чащи и возвращавшее его крик обратно дробно отраженным от древесных стволов, казалось громче.

— Партизаны! Партиза-ны-и-и! Эге-е-й! — звал Алексей, сидя на снегу среди черной машинной гари и молчаливых вражеских тел.

Звал и напрягал слух. Он охрип, сорвал голос. Он уже понял, что партизаны, сделав свое дело, собрав трофеи, давно ушли, — он все кричал, надеясь на чудо, на то, что сейчас вот выйдут из кустов бородатые люди, о которых он столько слышал, подберут его, унесут с собой и можно будет хоть день, хоть час отдохнуть, подчиняясь чужой доброй воле, ни о чем не заботясь, никуда не стремясь.

Только лес отвечал ему звучным и дробным эхом. И вдруг — или это, может быть, показалось от большого напряжения? — Алексей услышал сквозь мелодичный, глубокий шум хвои глухие и частые, то отчетливо различимые, то совсем затухавшие удары. Он весь встрепенулся, точно издали донесся до него в лесную пустыню дружеский зов. Но он не поверил слуху и долго сидел, вытянув шею.

Нет, он не обманывался. Влажный ветер потянул с востока и опять донес отчетливо различимые теперь звуки канонады... Линия фронта, судя по звуку, была километрах в десяти, что-то на ней происходило, кто-то наступал и кто-то отчаянно отстреливался, обороняясь. Радостные слезы текли по щекам Алексея...

Бормоча себе под нос: «Ничего, ничего, товарищи, все будет хорошо», — Алексей смело ткнул палку в снег, оперся на нее подбородком, перебросил на нее всю тяжесть тела, с трудом, но решительно переставил ноги в сугроб...

В этот день ему не удалось сделать по снегу и полтора шагов. Сумерки остановили его. Он опять облюбовал старый пенек, обложил его сушняком, достал заветную зажигалку, сделанную из патрона, чиркнул колесиком, чиркнул еще раз — и похолодел: в зажигалке кончился бензин. Он тряс ее, дул, ста-

раясь выжать остатки бензиновых паров, но тщетно. Стемнело. Искры, сыпавшиеся из-под колесика, как маленькие молнии, на мгновение раздвигали мрак вокруг его лица. Камешек истерся, а огня так и не удалось добыть.

Пришлось на ощупь доползти до молоденького густого соснычка, свернуться клубком, сунуть подбородок в колени, охватить их кольцом рук и так замереть, слушая лесные шорохи. Может быть, в эту ночь Алексея охватило бы отчаяние. Но в спящем лесу звуки канонады раздавались отчетливей, ему казалось, что он даже начал отличать короткие удары выстрелов от глухого уханья разрывов.

Проснувшись утром с ощущением безотчетной тревоги и горя, Алексей сразу подумал: «Что же случилось? Плохой сон?» Вспомнил, зажигалка. Однако, когда ласково пригревало солнце, это уже не казалось большой бедой. Хуже было другое: расцепив отекие руки, он почувствовал, что не может встать. Сделав несколько безуспешных попыток подняться, он сломал свою палку с рогаткой и, как куль, рухнул на землю...

Держась за сосенку, Алексей еще раз пытался встать. Это ему наконец удалось, но как только он попробовал подтянуть ноги к деревцу, — тотчас же упал от слабости и от какой-то страшной, новой, зудящей боли в ступнях.

Неужели все? Неужели так и придется погибнуть вот здесь, под соснами, где, может быть, никто никогда не найдет и не похоронит его обглоданных зверьем костей? Слабость неодолимо прижимала к земле. Но вдали гремела канонада. Там шел бой, там были свои. Неужели он не найдет в себе сил, чтобы одолеть эти последние восемь — десять километров?

Канонада притягивала, бодрила, настойчиво звала его, и он ответил на этот зов. Он поднялся на четвереньки и по-звериному пополз на восток, пополз сначала безотчетно, загибпнотизированный звуками далекого боя, а потом уже сознательно, поняв, что так передвигаться по лесу проще, чем с помощью палки, что меньше болят ступни, не несущие теперь никакой тяжести, что, ползя по-звериному, он сможет двигаться гораздо быстрее. И опять он ощутил, как от радости поднимается в груди и подкатывает к горлу клубок. Точно не себя, а убеждая кого-то другого, кто слаб духом и сомневался в успехе такого невероятного передвижения, он сказал вслух:

— Ничего, уважаемый, теперь-то уж все будет в порядке!

К полудню, когда стало заметно пригревать, Алексей сделал уже изрядное число «шагов» ползком. Канонада, вследствие ли того, что он приблизился к ней, или в результате какого-то акустического¹ обмана, звучала сильнее. Было так тепло, что ему пришлось опустить «молнию» комбинезона и расстегнуться.

Когда он переползал моховое болотце с зелеными кочками, вытяжавшими из-под снега, судьба приготовила ему еще подарок: на седоватом сыром и мягком мху увидел он тоненькие ниточки стебельков с редкими, острыми, полированными листочками, и между ними, прямо на поверхности кочек, лежали багровые, чуть помятые, но все еще сочные ягоды клюквы. Алексей наклонился к кочке и прямо губами стал снимать с бархатистого, теплого, пахнущего болотной сыростью мха одну ягоду за другой...

За болотцем, которое он переполз, открылась поляна, пересеченная старой изгородью из посеревших от ветров жердей, лыком и ивовыми вязками прикрученных к вбитым в землю кольям. Между двумя рядами изгороди кое-где проглядывала из-под снега колея заброшенной, нехоженной дороги. Значит, где-то недалеко жилье! Сердце Алексея тревожно забилося.

Вряд ли немцы заберутся в такую глушь. А если и так, там все же есть и свои, а они, конечно, спрячут, укроют раненого и помогут ему.

Чувствуя близкий конец скитаний, Алексей пополз, не жалея сил, не отдыхая. Он полз, задыхаясь, падая лицом в снег, теряя сознание от напряжения, полз, торопясь скорее добраться до гребня пригорка, с которого, наверно, должна быть видна спасительная деревня...

Вот наконец и вершина земляного горба. Алексей, еле переводя дыхание и судорожно глотая воздух, поднял глаза. Поднял и тут же опустил — таким страшным показалось ему то, что открылось перед ним.

Несомненно, еще недавно это было небольшой лесной деревенькой. Очертания ее без труда угадывались по двум неровным рядам печных труб, торчавших над заметенными снегом буграми пожарищ. Кое-где сохранились палисадники, плетни, метелки рябин, стоявших когда-то у окошек. Теперь они торчали из снега, обгорелые, убитые жаром...

И ни души, ни звука, ни дымка. Пустыня. Как будто и не жил здесь никогда человек.

Алексей продолжал машинально двигаться вперед. Крупные слезы ползли по его небритым щекам и падали на снег...

Так полз он еще день, два или три... Счет времени он потерял, все слилось в одну сплошную цепь автоматических усилий. Порой не то дрема, не то забытие овладевали им...

...Продолжать ползти? Но инстинкт, выработавшийся в нем за дни лесной жизни, настораживал его. Он не видел, нет, он по-звериному чувствовал, что кто-то внимательно и неотрывно следит за ним...

Треснула ветка.

Он выхватил из-за пазухи заржавевший, запылившийся пистолет и принужден был взводить курок усилиями обеих рук. Когда курок щелкнул, в сосенках точно кто-то отпрянул. Несколько деревьев передернули вершинами, как будто за них задели, и вновь все стихло.

«Что это — зверь, человек?» — подумал Алексей, и ему показалось, в кустах кто-то тоже вопросительно сказал: «Человек?». Показалось или действительно там, в кустах, кто-то говорит по-русски? Ну да, именно по-русски. И оттого, что говорили по-русски, он почувствовал вдруг такую сумасшедшую радость,

¹ Акустический — здесь: слуховой.

что, совершенно не задумываясь над тем, кто там — друг или враг, издал торжествующий вопль, вскочил на ноги, всем телом рванулся вперед на голос и тут же со стоном упал как подрубленный, уронив в снег пистолет...

* * *

Свалившись после неудачной попытки встать, Алексей на мгновение потерял сознание, но то же ощущение близкой опасности привело его в себя. Несомненно, в сосняке скрывались люди, они наблюдали за ним и о чем-то перешептывались.

Он приподнялся на руках, поднял со снега пистолет и, незаметно держа его у земли, стал наблюдать. Опасность вернула его из ползузабытья. Сознание работало четко. Кто они были? Может быть, лесорубы, которых немцы гоняют сюда на заготовку дров? Может, русские, такие же, как и он, окруженцы, пробирающиеся из немецких тылов, через линию фронта к своим? Или кто-нибудь из местных крестьян? Ведь слышал же он, как кто-то отчетливо вскрикнул: «Человек?»

Пистолет дрожал в его руке, одеревеневшей от ползанья. Но Алексей приготовился бороться и хорошо израсходовать оставшиеся три патрона...

В это время из кустов раздался взволнованный детский голос:

— Эй, ты кто? Дойч¹? Ферштееш²?

Эти странные слова насторожили Алексея, но кричал, несомненно, русский и, несомненно, ребенок.

— Ты что тут делаешь? — спросил другой детский голос.

— А вы кто? — ответил Алексей и смолк, пораженный тем, как немощен и тих был его голос.

За кустами его вопрос произвел переполох. Там долго шептались, жестикулируя так, что металась веточки сосняка.

— Ты нам шарики не крути, не обманешь. Я немца за пять верст по духу узнаю. Ты есть дойч?

— А вы кто?

— А тебе почто знать? Не ферштею...

— Я русский.

— Врешь... лопни глаза, врешь: фриц!

— Я русский, русский, я летчик, меня немцы сбили.

Теперь Алексей не осторожничал. Он убедился, что за кустами свои, русские, советские. Они не верят ему, что ж, война учит осторожности. Впервые за весь свой путь он почувствовал, что совершенно ослаб, что не может уже больше шевелить ни ногой, ни рукой, ни двигаться, ни защищаться. Слезы текли по черным впадинам его щек.

— Гляди, плачет! — раздалось за кустами. — Эй ты, чего плачешь?

— Да русский, русский я, свой, летчик...

— А с какого аэродрома?

— Да вы-то кто?

— А тебе что? Ты отвечай!

— С Мончаловского... Помогите же мне, выходите! Какого черта...

В кустах зашептались оживленнее. Теперь Алексей отчетливо слышал фразы:

— Ишь, говорит — с Мончаловского... Может, верно... И плачет... Эй ты, летчик, брось наган-то! — крикнули ему. — Брось, говорю, а то не выйдем, убежим!

Алексей откинул в сторону пистолет. Кусты раздвинулись, и два мальчугана, настороженные, как любопытные синички,

¹ Дойч — здесь употреблено в смысле «немец» (deutsch — немецкий).
² Ферштееш — искаженное немецкое слово «понимаешь» (verstehen — понимать).

готовые каждую минуту сорваться и дать стрекача, осторожно, держась за руки, стали подходить к нему, причем старший, худенький, голубоглазый, с русыми пеньковыми волосами, держал в руке наготове топор, решив, должно быть, применить его при случае. За ним, прячась за его спину и выглядывая из-за нее полными неукротимого любопытства глазами, шел меньший, рыженький, с пятнистым от веснушек лицом, шел и шептал:

— Плачет. И верно, плачет. А тощей-то, тощей-то!

Старший, подойдя к Алексею, все еще держа наготове топор, огромным отцовским валенком отбросил подальше лежащий на снегу пистолет.

— Говоришь, летчик? А документ есть? Покажь.

— Кто тут? Наши? Немцы? — шепотом, невольно улыбаясь, спросил Алексей.

— А я знаю? Мне не докладывают. Лес тут, — дипломатично ответил старший.

Пришлось лезть в гимнастерку за удостоверением. Красная командирская книжка со звездой произвела на ребят волшебное впечатление. Точно детство, утерянное в дни оккупации¹, вернулось к ним разом оттого, что перед ними оказался свой, родной Красной Армии летчик.

— Свои, свои, третий день свои!

— Дяденька, ты почему такой тощей-то?

— ...Их тут наши так тряханули, так чесанули, так бабахнули! Вой тут был, страсть! Набито ух ужасть, ну ужасть сколько!

— А удирали кто на чем... Один привязал к оглоблям корыто и в корыте едет. А то двое раненых идут, за лошадиный хвост держатся, а третий на лошади, верхом, как фон-барон... Где же тебя, дяденька, сбили?

Пострекотав, ребята начали действовать. До жилья было от вырубки, по их словам, километров пять. Алексей, совсем ослабевший, не мог даже повернуться, чтобы удобнее лечь на спину. Санки, с которыми ребята пришли за ветками на «немецкую вырубку», были слишком малы, да и не под силу было мальчикам тащить без дороги, по снежной целине, человека. Старший, которого звали Серенькой, приказал брату Федьке бежать во весь дух в деревню и звать народ, а сам остался возле

Алексея караулить его, как он пояснил, от немцев, втайне же не доверяя ему и думая: «А ляд его знает, фриц хитер — и помиравшему прикинется, и документик достанет...» А впрочем, по-настоящему опасения эти рассеялись, мальчуган разболтался.

Алексей дремал с полузакрытыми глазами на мягкой пушистой хвое. Он слушал и не слушал его рассказ...

Немцы пришли в эти лесные и озерные края еще в октябре. Жителям Плавней было предписано выставить через двадцать четыре часа пятнадцать добровольцев, желающих ехать на постоянные работы в Германию. В противном случае деревне сулили большие беды. Добровольцам явиться к крайней избе, где помещались артельный рыбный склад и правление, иметь с собой смену белья, ложку, вилку, нож и продуктов на десять дней. К положенному сроку никто не пришел. Впрочем, немцы в черном, уже, должно быть, наученные опытом, не очень на это и надеялись. Они схватили и расстреляли для острастки перед зданием правления председателя колхоза, пожилую воспитательницу из детского сада Веронику Григорьевну, двух колхозных бригадиров да человек десять крестьян, подвернувшихся им под руку. Тела не велели хоронить и заявили, что так будет со всей деревней, если через сутки добровольцы не явятся на место, названное в приказе.

Добровольцы опять не явились. А утром, когда немцы из зондеркоманды СС пошли по деревне, все избы оказались пустыми. В них не было ни души — ни старых, ни малых. Ночью, бросив свои дома, землю, все свои годами нажитое добро, почти всю скотину, люди под покровом густых в этих краях ночных туманов бесследно исчезли. Деревня вся как есть, до последнего человека, снялась и ушла в лесную глушь — за восемнадцать верст, на старую вырубку. Накопив землянок, мужчины ушли партизанить, а бабы с ребятишками остались бедовать в лесу до весны. Мятужную деревню зондеркоманда сожгла дотла, как и большинство деревень и сел в этом районе, названном немцами мертвой зоной...

— Так в лесу и живете? — еле слышно спросил мальчика Алексей, с трудом освобождаясь от пут дремы.

— А как же, так и живем. А вон и дядя с Федькой, глянь! На опушке леса стоял рыженький Федька и показывал на Алексея пальцем высокому сутулому старику в рваном, из крашенной луком домотканын армяке, подвязанном веревкой, и в высоковерхой офицерской немецкой фуражке.

¹ Оккупация — захват чужой территории военной силой.

Старик, дядя Михайла, как называли его ребяташки, был высок, сутул, худ. У него было доброе лицо Николы-угодника немудреного сельского письма, с чистыми, светлыми, детскими глазами и мягкой негустой бородкой, струистой и совершенно серебряной. Закутывая Алексея в старую баранью шубу, всю состоявшую из пестрых заплаток, без труда поднимая и переворачивая его легкое тело, он все приговаривал с наивным удивлением:

— Ах ты, грех-то какой, вовсе истощился человек! До чего дошел... Ах ты, боже ты мой, ну сущий шкилет! И что только война с людьми делает. Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

Осторожно, как новорожденного ребенка, опустил он Алексея на салазки, прикрутил к ним веревочной вожжей, подумал, стащил с себя армяк, свернул и подмостил ему под голову. Потом вышел вперед, впрягся в маленький хомут, сделанный из мешковины, дал по веревке мальчикам, сказал: «Ну, с богом!» — и втроем они потянули салазки по талому снегу, который цеплялся за полозья, скрипел, как картофельная мука, и оседал под ногами.

* * *

Следующие два-три дня были окутаны для Алексея густым и жарким туманом, в котором нечетко и призрачно видел он происходящее. Действительность смешивалась с бредовыми снами, и только уже много времени спустя удалось ему восстановить истинные события во всей их последовательности.

...Алексей помнит: лежит он в маленькой темной земляной норе; слегка чадая, потрескивая и роняя искры, горит воткнутая в стену лучина. В свете ее видны с нар стол, сколоченный из ящика от немецких мин и утвержденный на вкопанном в землю столбе, и чурки около него вместо табуреток, и тонкая, по-старушечьи одетая женщина в черном платке, наклонившаяся к столу, — младшая сноха деда Михайлы Варвара, и голова самого старика, повитая седыми негустыми кудрями...

Алексей закрывает глаза. Открывает он их, разбуженный током холодного воздуха, пахнувшего в дверь, обитую дерюжкой с черным немецким орлом. У стола какая-то женщина. Она положила на стол мешочек и еще держит на нем руки, точно колеблясь, не взять ли его обратно, вздыхает и говорит Варваре:

— Манка это... С мирного времени для Костюньки берегли. Не надо ему теперь ничего, Костюньке-то. Возьмите, кашки вот постояльцу своему сварите. Она для ребяташек, кашка-то, ему как раз.

Повернувшись, она тихо уходит, овевая всех своей печалью. Кто-то приносит мороженого леща, кто-то — лепешки, испеченные на камнях камелька, распространяющие по всей землянке кислый теплый хлебный парок.

Приходит Серенька с Федькой. С крестьянской степенностью Серенька снимает в дверях с головы пилотку, говорит: «Здравствуйте вам», — кладет на стол два кусочка пиленого сахара с прилипшими к ним крошками махры и отрубей.

— Мамка прислала. Он полезный, сахар-то, ешьте, — говорит он и деловито обращается к деду. — Опять на пепелище ходили. Чугунок откопали. Два заступа не больно обгорелые, топор без топорича. Принесли, сгодится.

А Федька, выглядывая из-за брата, жадно смотрит на белеющие на столе кусочки сахара и с шумом втягивает слюну.

Только уже гораздо позже, обдумывая все это, Алексей сумел оценить приношения, которые делались ему в селении, где в эту зиму около трети жителей умерло от голода, где не было семьи, не похоронившей одного, а то и двух покойников...

Много такого, что глубоко поразило его, увидел Алексей в этом лесном поселении. Немцы лишили жителей Плавней домов, добра, инвентаря, скота, обиходной рухляди, одежды — всего, что нажито было трудом поколений; жили люди теперь в лесу, терпели великие бедствия, страх от ежеминутной угрозы, что немцы их откроют, голодали, мерли, — но колхоз, который передовикам в тридцатом году после полугодовой брани и споров еле-еле удалось организовать, не развалился. Наоборот, великие бедствия войны еще больше сплотили людей. Даже землянки рыли коллективно и расселились в них не по-старому, где кому пришлось, а по бригадам. Председательские обязанности, взамен убитого зятя, взял на себя дед Михайла. Он свято соблюдал в лесу колхозные обычаи, и вот теперь руководимая им пещерная деревня, загнанная в чащу бора, по бригадам и звеньям готовилась к весне.

Страдающие от голода крестьянки снесли и ссыпали в обшую землянку до последнего зернышка все, у кого что сохранилось после бегства. За телятами от коров, заблаговременно

уведенных от немцев в лес, был установлен строжайший уход. Люди голодали, но не резали общественного скота. Рискав полатиться жизнью, мальчишки ходили на старые пепелища и в углях пожарища выкапывали посиневшие от жара плуги. К наиболее сохранившимся из них приделали деревянные ручки. Из мешковины мастерили ярма, чтобы с весны начать пахать на коровах. Бабы бригады ловили по нарядам в озерах рыбу, и ею всю зиму питалась деревня.

На третий день гостевания Алексея у деда Михайлы старик утром решительно сказал ему:

— Обовшивел ты, Алеха, — беда: что жук навозный. А чесаться-то тебе трудно. Вот что, баньку я тебе сооружу. Что? Баньку. Помою тебя, косточки попарю. Оно, с трудов-то твоих, больно хорошо, банька-то. Что? Не так?

...А потом Алексей лежал на полосатом тощем тюфяке в длинной, вкривь и вкось заштопанной, но чистой и мягкой рубахе деда Михайлы, с ощущением свежести и бодрости во всем теле. После баньки, когда пар вытянуло из землянки через волоковё¹ оконце, сделанное в потолке над очагом, Варя напоила его брусничным, припахивавшим дымком чаем. Онпил его с крошками тех самых двух кусочков сахара, которые принесли ему ребятишки и которые Варя мелко-мелко накрошила для него на беленькую берестичку. Потом он заснул — в первый раз крепко, без снов.

Разбудил его громкий разговор. В землянке было почти темно, лучина еле тлела. В этом дымном мраке дребезжал резкий тенорок деда Михайлы:

— Бабий ум, где у тебя соображение? Человек одиннадцать ден во рту просяного зернышка не держал, а ты вкрутую... Да эти самые крутые яйца — ему смерть!.. — Вдруг голос деда стал просительным: — Ему бы не яиц сейчас, ему бы сейчас, знаешь что, Василиса, ему бы сейчас куриного супчику похлебать! О! Вот ему что надо. Это бы его сейчас к жизни подбодрило. Вот Партизаночку бы твою, а?..

Но старушечий голос, резкий и неприятный, с испугом перебил:

— Не дам! Не дам и не дам, и не проси, черт ты старый! Ишь! И говорить об этом не смей. Чтобы я Партизаночку мою...

¹ Волоковёе оконце — оконце в избе, в которое выходит дым, если у печки нет трубы.

Супчику похлебать... Супчику! Вон и так эва сколько натащили всего, чисто на свадьбу! Придумал тоже!

— Эх, Василиса, совестно тебе, Василиса, за такие твои бабы слова! — задрезжал тенорок старика. — У самой двое на фронте, и такие у тебя бестолковые понятия! Человек, можно сказать, за нас вовсе покалечился, кровь пролил...

— Не надо мне его крови. За меня мои проливают. И не проси, сказано — не дам, и не дам!

Темный старушечий силуэт скользнул к выходу, и в распахнувшуюся дверь ворвалась такая яркая полоса весеннего дня, что Алексей невольно зажмурился и застонал, ослепленный. Старик кинулся к нему:

— Ай ты не спал, Алеха? А? Ай слышал разговор? Слышал? Только ты ее, Алеха, не суди; не суди, друг слова-то ее. Слова — они что шелуха, а ядрышко в ней хорошее. Думаешь, курицы она для тебя пожалела? И-и, нет, Алеша! Всю семью ихнюю — а семья была большущая, душ десять — немец перевел. Полковником у нее старший-то. Вот дознались, что полковникова семья, всех их, окромя Василисы, в одночасье в ров. И хозяйство все порушили. И-их, большая это беда — в ее-то годы без роду-племени остаться! От хозяйства от всего оказалась у ней одна курица, значит. Хитрая курица, Алеша. Еще в первую неделю немцы всех курей-уток переловили, потому для немца птица — первое лакомство. Все — «курка, матка, курка!» Ну, а эта спаслась. Ну, просто артист, а не курица! Бывало, немец — во двор, а она — на чердак и сидит там, будто ее и нет. А свой войдет — ничего, гуляет. Шут ее знает, как она узнавала. И осталась она одна, курица эта, на всю нашу деревню, и вот за хитрость за ее вот эту самую Партизанкой мы ее и окрестили.

Мересьев дремал с открытыми глазами. Так привык он в лесу. Деда Михайлу молчание его, должно быть, беспокоило. Посуегившись по землянке, что-то поделав у стола, он опять вернулся к этой теме:

— Не суди, Алеха, бабу-то! Ты, друг любезный, в то вникни: была она как старая береза в большом лесу, на нее никто не дуло, а теперь торчит, как трухлявый пенёк на вырубке, и одна ей утеха — эта самая курица. Чего молчишь-то, ай заснул?.. Ну, спи себе, спи...

В эту ночь Алексею стало плохо.

Дедова баня встряхнула его организм, вывела его из состоя-

ния медленного, оцепенелого угасания. Сразу ощутил он с небывалой еще силой и истощение, и нечеловеческую усталость, и боль в ногах. Находясь в бредовой полудреме, он метался на тюфяке, стонал, скрежетал зубами, кого-то звал, с кем-то ругался, чего-то требовал...

Чуть свет поднялся старик. Посмотрел на Алексея, уже утихшего и задремавшего, пошептался с Варей и стал собираться в дорогу. Он напялил на валенки большие самодельные калоши из автомобильных камер, лычком крепко перепоясал армяк, взял можжевелевую палку, отполированную его руками, которая всегда сопровождала старика в дальних походах.

Он ушел, не сказав Алексею ни слова.

Мересьев лежал в таком состоянии, что даже и не заметил исчезновения хозяина. Весь следующий день пробыл он в забытии. Снова все поплыло в сероватой, расплывавшейся светлыми радужными кругами тьме. Потом в этой тьме, тихо шелестевшей какими-то колючими звуками, услышал он два голоса — Варин и еще другой, женский, старушечий, тоже знакомый. Говорили шепотом:

— Не ест?

— Где там ест!.. Так, пожевал вчера лепешечки самую малость — стошнило. Разве это еда? Молочко вот тянет помаленьку. Даем.

— А я вот, гляди, супчику принесла... Может, примет душа супчик-то!

— Тетя Василиса! — вскрикнула Варя. — Неужто...

— Ну да, куриный, чего всполохнулась? Обыкновенное дело. Потрожь его, побуди — можа, поест.

И прежде чем Алексей, слышавший все это в полузабытии, успел открыть глаза, Варя затрясла его сильно, бесцеремонно, радостно:

— Лексей Петрович, Лексей Петрович, проснись! Бабка Василиса супчику куриного принесла! Проснись, говорю!.. Морщинистое лицо бабки Василисы сохраняло суровое и сердитое выражение.

— Принесла вот, не побрезгуйте, кушайте на здоровье. Может, бог даст, на пользу пойдет...

И вспомнились Алексею печальная история бабкиной семьи, рассказ о курице, носившей смешное прозвище Партизаночка, и все — и бабка, и Варя, и вкусно дымившийся на столе

котелок — расплылось в мути слез, сквозь которую сурово, с бесконечной жалостью и участием смотрели на него строгие старушечьи глаза.

— Спасибо, бабушка, — только и сумел сказать он, когда старуха пошла к выходу.

И уже от двери услышал:

— Не на чем. Что тут благодарить-то? Мои-то тоже воют. Может, и им кто супчику даст. Кушайте себе на здоровье. Поправляйтесь.

— Бабушка, бабушка! — Алексей рванулся к ней, но руки Вари удержали его и уложили на тюфяк.

— А вы лежите, лежите! Ешьте вот лучше супчик-то...

И у самого своего лица увидел Алексей большую, почерневшую от времени, с обгрызненным деревянным краем ложку, полную янтарного бульона...

Бабкин супчик имел чудодейственное свойство. Поев, Алексей заснул — не впал в забытье, а именно заснул — крепким, оздоравливающим сном. Проснулся, поел и снова заснул, и ничто — ни дым очага, ни бабий говор, ни прикосновение Вариних рук, которая опасаясь, не умер ли он, нет-нет да и наклонялась послушать, бьется ли у него сердце, — не могло его разбудить.

Он был жив, дышал ровно, глубоко. Он проспал остаток дня, ночь и продолжал спать так, что казалось, нет в мире силы, которая могла бы нарушить его сон.

Но вот ранним утром где-то очень далеко раздался совершенно не отличимый среди других шумов, наполнявших лес, далекий, однообразный воркующий звук. Алексей встрепенулся и, весь напрягившись, поднял голову с подушки.

Чувство дикой, необузданной радости поднялось в нем. Алексей угадал, что это тархтит мотор «ушки» — самолета «У-2». Звук то приближался и нарастал, то слышался глуше, но не уходил. У Алексея захватило дух. Было ясно, что самолет где-то поблизости, что он кружит над лесом, то ли что-то высматривая, то ли ища место для посадки. Он считал круги, совершаемые самолетом, насчитал один, другой, третий и упал на тюфяк, упал, сломленный волнением, снова стремительно и властно ввергнутый в тот же всемогущий, целительный сон.

Его разбудил звук молодого, сочного, басовитого рокоющего голоса. Он отличил бы этот голос в любом хоре других голосов. Таким в истребительном полку обладал только командир эскадрильи Андрей Дегтяренко...

— Живой! Ах, мать честная! Живой, бис тоби в лопатку! Да где же ты был столько дней? Как же ты так?..

Дегтяренко все порывался вскочить, посмотреть на друга, возле которого возились женщины, укутывая его в серые, привезенные сестрой армейские одеяла.

— А ты, друг, сиди, сиди, не наше это мужское дело — пеленать! Ты слушай, да на ус мотай, да начальству какому-нибудь там своему перескажи. Великого подвига человек этот! Вишь, он какой. Полную неделю всем колхозом его отхаживаем, а он шевелиться не может. А то вот сил в себе набирал, по лесам да по болотам нашим полз. На это, брат, мало кто способный!..

Дегтяренко не слышал. Он старался представить себе, как этот человек, его товарищ, казавшийся в полку таким обычным парнем, с отмороженными или перебитыми ногами день и ночь ползет по талому снегу через леса и болота, теряя силы, ползет, катится, чтобы только уйти от врага и попасть к своим. Профессия летчика-истребителя приучила Дегтяренко к опасности. Бросаясь в воздушный бой, он никогда не думал о смерти и даже чувствовал какую-то особую, радостную взволнованность. Но чтобы вот так, в лесу, одному...

— Когда вы его нашли?

— Когда? — Старик зашевелил губами, снова взял папиросу из открытой коробки, изувечил ее и принялся делать сигарку. — Когда же? Да в чистую субботу, под самое прощенное воскресенье, стало быть, как раз с неделю назад.

Летчик прикинул в уме числа, и вышло, что полз Алексей Мересев восемнадцать суток. Проползти столько времени раненому, без пищи — это казалось просто невероятным.

— Ну, спасибо тебе, дидусь! — Летчик крепко обнял и прижал к себе старика. — Спасибо, брат!

— Не на чем, не на чем, за что тут благодарить! Ишь, спасибо. Что я, чужак иностранный какой! Ага!..

Провожать неожиданного своего гостя вышло все наличное население деревни Плавни...

Когда носилки поднимали в самолет и Алексей вдохнул знакомый терпкий запах авиационного бензина, он снова испытал бурный прилив радости. Над ним закрыли целлулоидную крышку. Он не видел, как махали руками провожающие, как маленькая носатая старушка, похожая в своем сером платке на сердитую ворону, преодолевая страх и поднятый винтом ветер, прорвалась к сидевшему уже в кабине Дегтяренко и сунула ему узелок с недоеденной курятиной, как дед

Михайло суетился вокруг машины, покрикивая на баб, разгоняя ребятишек...

Ничего этого Алексей не видел и не слышал. Знакомые запахи бензина, масла, радостное ощущение полета заставили его потерять сознание, и очнувшись он только на аэродроме, когда его носилки вынимали из самолета, чтобы перенести на скоростную санитарную машину, уже прилетевшую из Москвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мир тяжело раненных обычно ограничен стенами их госпитальной палаты. Где-то за пределами этих стен идет война, вершатся великие и малые события, бурлят страсти, и каждый день накладывает какой-то новый штришок на душу человека. В палату «тяжелых» жизнь внешнего мира не пускают, и бури за стенами госпиталя доходят сюда только отдаленными и глухими отголосками...

И то всегдешнее, что заполняло для «тяжелого» томительно медленные госпитальные дни, что приковывало к себе его мысли, была его рана, вырвавшая его из рядов бойцов, из трудной боевой жизни и бросившая сюда, на эту вот мягкую и удобную, но сразу же опостылевшую койку. Он засыпал с мыслью об этой ране, опухоли или переломе, видел их во сне и, проснувшись, сейчас же лихорадочно старался узнать, убавилась ли опухоль, сошла ли краснота, повысилась или понизилась температура.

Мересев тщательно скрывал свои переживания, делал вид, что его не интересуют разговоры врачей. Но всякий раз, когда ноги разбинтовывали для электризации и он видел, как медленно, но неуклонно ползет вверх по подъему предательская багровая краснота, глаза его расширялись от ужаса. Краснота по подъему и расползлась по щиколоткам. Пальцы совершенно потеряли чувствительность, их кололи булавками, и булавки эти входили в тело, не вызывая боли. Распространение опухоли удалось приостановить каким-то новым способом, носившим странное название «блокада». Но боль росла. Она становилась совершенно нестерпимой. Днем Алексей тихо лежал, уткнувшись лицом в подушку. Ночью Клавдия Михайловна впрыскивала ему морфий¹.

¹ Морфий — сильнодействующее болеутоляющее и снотворное лекарство, употребляемое в случаях крайне тяжелого состояния больного.

Все чаще и чаще в разговорах врачей звучало теперь страшное слово «ампутация». Василий Васильевич иногда оставался у койки Мересева, спрашивал:

— Ну как, ползун, мозжит? Может, отрезать, а? Чик — и к стороне.

Алексей весь холодел и сжимался. Стиснув зубы, чтобы не закричать, он только мотал головой, и профессор сердито бормотал:

— Ну, терпи, терпи — твое дело. Попробуем еще вот это. — И делал новое назначение.

Дверь за ним закрывалась, стихали в коридоре шаги обхода, а Мересев лежал с закрытыми глазами и думал: «Ноги, ноги, ноги мои!.. Неужели остаться без ног, калекой на деревяшках, как старый перевозчик дядя Аркаша в родном его Камышине! Чтобы при купанье так же, как тот, отстегивать и оставлять на берегу деревяшки, а самому на руках, пообезьянью лезть в воду...»

Эти переживания усугублялись еще одним обстоятельством. В первый же день в госпитале он прочел письма из Камышина. Маленькие треугольнички матери наполовину состояли из родственных поклонов и успокоительных заверений в том, что дома все слава богу и что он, Алеша, о ней может не беспокоиться, а наполовину — из просьб беречь себя, не стесняться, не мочить ног, не лезть туда, где опасно, остерегаться коварства врага, о котором мать достаточно наслышана от соседок...

В синих конвертах, надписанных крупным и круглым ученическим почерком, были письма от девушки, с которой Алексей вместе учился в ФЗУ. Звали ее Ольгой...

Писала она, что хлопот у нее полон рот, что теперь и ночевать домой она не ходит, чтобы не терять времени, а спит тут же, в конторе, что завода своего теперь Алексей, пожалуй, и не узнал бы и что поразился бы и сошел бы с ума от радости, если бы догадался, что они сейчас производят. Между прочим писала, что в редкие выходные, которые случаются у нее не чаще раза в месяц, бывает она у его матери, что чувствует себя старушка неважно, так как от старших братьев — ни слуху ни духу, что живет матери туго, в последнее время она стала сильно прихварывать. Девушка просила почаще и побольше писать матери и не волновать ее дурными вестями, так как он для нее теперь, может быть, единственная радость...

И вот теперь, когда в беседах врачей все чаще и чаще звучало слово «ампутация», ему становилось страшно. Как он калекой приедет в Камышин? Как он покажет Оле свои культяпки? Какой страшный удар нанесет он своей матери, растерявшей на фронтах всех сыновей и ожидающей домой его, последнего!..

«Ампутация? Нет, только не это! Лучше смерть... Какое холодное, колючее слово! Ампутация! Да нет же, не быть тому!» — думал Алексей. Страшное слово даже снилось ему в виде какого-то стального, неопределенных форм паука, раздиравшего его острыми, коленчатыми ногами.

* * *

С неделю обитатели сорок второй палаты жили вчетвером. Но однажды пришла озабоченная Клавдия Михайловна с двумя санитарями и сообщила, что придется потесниться. Койку Степана Ивановича, к его великой радости, установили у самого окна. Кукушкина перенесли в угол, рядом со Степаном Ивановичем, а на освободившееся место поставили хорошую низкую кровать с мягким пружинным матрацем.

Как раз в этот момент и внесли пятого.

Он был, должно быть, очень тяжел, так как носилки скрипели, глубоко прогибаясь в такт шагам санитаров. На подушке бессильно покачивалась круглая, наголо выбритая голова. Широкое желтое, точно налитое воском, одутловатое лицо было безжизненно. На полных бледных губах застыло страдание.

Казалось, новичок был без сознания. Но как только носилки поставили на пол, больной сейчас же открыл глаза, приподнялся на локте, с любопытством осмотрел палату, почему-то подмигнул Степану Ивановичу — дескать, как она жизнь-то, ничего? — басовито прокашлялся. Грузное тело его было, вероятно, тяжело контужено, и это причиняло ему острую боль. Мересьев, которому этот большой распухший человек с первого взгляда почему-то не понравился, с неприязнью следил за тем, как два санитаря, две сиделки и сестра общими усилиями с трудом поднимали того на кровать. Он видел, как лицо новичка вдруг побледнело и покрылось испариной, когда неловко повернули его бревноподобную ногу, как болезненная гримаса перекосила его побелевшие губы. Но он только скрипнул зубами.

Очутившись на койке, он сейчас же ровно выложил по краю одеяла каемку пододеяльника, стопками разложил на тумбочке принесенные за ним книжки и блокноты, аккуратно расставил на нижней полочке пасту, одеколон, бритвенный прибор, мыльницу, потом хозяйственным оком подвел итог всем этим своим делам и тотчас, точно сразу почувствовав себя дома, глубокоим и раскатистым басом прогудел:

— Ну, давайте знакомиться. Полковой комиссар Семен Воробьев. Человек смирный, некурящий. Прошу принять в компанию.

Он спокойно и с интересом оглядел товарищей по палате, и Мересьев успел поймать на себе внимательно-испытующий взгляд его узеньких золотистых, очень цепких глаз.

— Я к вам ненадолго. Не знаю, кому как, а мне здесь залеживаться недосуг. Меня мои конники ждут. Вот лед пройдет, дороги подсохнут — и айда: «Мы красная кавалерия, и про нас...» А? — пророкотал он, заполняя всю комнату сочным веселым басом.

— Все мы тут ненадолго. Лед тронется — и айда... ногами вперед в пятидесятую палату, — отозвался Кукушкин, резко отвернувшись к стене.

Пятидесятая палата в госпитале не было. Так между собой больные называли мертвецкую. Вряд ли Комиссар успел узнать об этом, но он сразу уловил мрачный смысл шутки, не обиделся и только, с удивлением глянув на Кукушкина, спросил:

— А сколько вам, дорогой друг, лет? Эх, борода, борода! Что-то вы рано состарились.

...С появлением Комиссара в палате произошло что-то подобное тому, что бывало по утрам, когда сиделка открывала форточку и в нудную больничную тишину вместе с веселым шумом улиц врывался свежий и влажный воздух ранней московской весны. Комиссар не делал для этого никаких усилий. Он просто жил, жил жадно и полнокровно, забывая или заставляя себя забывать о мучивших его недугах.

Проснувшись утром, он садился на койке, разводил руки вверх, вбок, наклонялся, выпрямлялся, ритмично вращал и наклонял голову — делал гимнастику. Когда давали умыться, он требовал воду похолоднее, долго фыркал и плескался над тазом, а потом вытирался полотенцем с таким азартом, что краснота выступала на его отеком теле и, глядя на него, всем

невольно хотелось сделать то же. Приносили газеты. Он жадно выхватывал их у сестры и торопливо вслух читал сводку Советского Информбюро, потом уже обстоятельно, одну за другой, — корреспонденции с фронта. И читать он умел как-то по-своему, так сказать, активно, то вдруг начинал шепотом повторять понравившееся ему место и бормотать «правильно» и что-то подчеркивал. А то задумывался над газетой, откидывался на подушку и лежал так с раскрытыми глазами или начинал вдруг рассказывать интересные истории о своих конниках, которые, если судить с его слов, все были героями к герою и молодец к молодцу. А потом снова принимался за чтение...

Алексей целыми днями приглядывался к Комиссару, пытаясь понять секрет его неиссякаемой бодрости. Несомненно, тот сильно страдал. Стоило ему заснуть и потерять контроль над собой, как он сразу же начинал стонать, метаться, скрежетать зубами, лицо его искажалось судорогой. Вероятно, он знал это и старался не спать днем, находя для себя какое-нибудь занятие. Бодрствуя же, он был неизменно спокоен и ровен, как будто и не мучил его страшный недуг, неторопливо разговаривал с врачами, пошучивал, когда те прощупывали и осматривали у него больные места, и разве только по тому, как рука его при этом комкала простыню, да по бисеринкам пота, проступавшим на переносице, можно было угадать, до чего трудно ему было сдерживаться. Летчик не понимал, как может этот человек подавлять страшную боль, откуда у него столько энергии, бодрости, жизнерадостности. Алексею тем более хотелось понять это, что, несмотря на все увеличивавшиеся дозы наркотиков, он сам не мог уже спать по ночам и иногда до утра лежал с открытыми глазами, вцепившись зубами в одеяло, чтобы не стонать.

Все чаще, все настойчивее звучало теперь на осмотрах злое слово «ампутация». Чувствуя неуклонное приближение страшного дня, Алексей решил, что жить без ног не стоит.

И вот день настал. На обходе Василий Васильевич долго ощупывал почерневшие, уже не чувствовавшие прикосновения ступни, потом резко выпрямился и произнес, глядя прямо в глаза Мересьеву: «Резать!» Побледневший летчик ничего не успел ответить, как профессор запальчиво добавил: «Резать — и никаких разговоров, слышишь? Иначе подохнешь! Понял?»

Он вышел из комнаты, не оглянувшись на свою свиту. Палату наполнила тяжелая тишина. Мересьев лежал с окаменевшим лицом, с открытыми глазами. Перед ним маячили в тумане синие безобразные култышки инвалида-перевозчика, он опять видел, как тот, раздевшись, на четвереньках, по-обезьяньи, опираясь на руки, ползет по мокрому песку к воде.

— Леша, — тихо позвал Комиссар.

— Что? — отозвался Алексей далеким, отсутствующим голосом.

— Так надо, Леша.

В это мгновение Мересьеву показалось, что это не перевозчик, а он сам ползет на култыпках и что его девушка, его Оля, стоит на песке в пестром развевающемся платье, легкая, солнечная, красивая, и, кусая губы, с напряжением смотрит на него. Так будет! И он зарыдал бесшумно и сильно, уткнувшись в подушку, весь согнувшись и дергаясь. Всем стало жутко. Степан Иванович, кряхтя, сполз с койки, напялил халат и, шаркая туфлями, перебирая руками по спинке кровати, кряхтя пошел к Мересьеву. Но Комиссар сделал запрещающий знак: дескать, пусть плачет, не мешай.

И действительно, Алексею стало легче. Скоро он успокоился и почувствовал даже облегчение, какое всегда ощущает человек, когда наконец решит долго мучивший его вопрос. Он молчал до самого вечера, пока за ним не пришли санитары, чтобы нести его в операционную. В этой белой, ослепительно сверкающей комнате он тоже не проронил ни слова. Даже когда ему объявили, что состояние сердца не позволяет усыплять его и операцию придется делать под местным наркозом, он только кивнул головой. Во время операции он не издал ни стоана, ни крика. Василий Васильевич, сам делавший эту несложную ампутацию и, по обыкновению своему, грозно зашумевший при этом сестер и помощников, несколько раз ставлял ассистента смотреть, не умер ли больной под ножом.

Когда пилили кость, боль была страшная, но он привык переносить страдания и даже не очень понимал, что делают у его ног эти люди в белых халатах, с лицами, закрытыми марлевыми масками.

Очнувшись он уже в палате, и первое, что он увидел, было заботливое лицо Клавдии Михайловны. Странно, но он ничего не помнил и даже удивился, почему у этой милой, ласковой

белокурой женщины такое взволнованное, вопрошающее лицо. Заметив, что он раскрыл глаза, она просияла, тихонько пожала ему руку под одеялом.

— Какой вы молодец! — и сейчас же взялась за пульс.

«Что это она?» — Алексей чувствовал, что ноги у него болят где-то выше, чем раньше, и не прежней горячей, мозжащей, дергающей болью, а как-то тупо и вяло, будто их крепко стянули выше голени веревками. И вдруг увидел по складкам одеяла, что тело его стало короче. Мгновенно вспомнилось: ослепительное сверкание белой комнаты, свирепая воркотня Василия Васильевича, тупой стук в эмалированном ведре. «Уже?!» — как-то вяло удивился он и, сию секунду улыbnуться, сказал сестре:

— Я, кажется, стал короче.

Улыбка получилась нехорошая, похожая на гримасу. Клавдия Михайловна заботливо поправила ему волосы.

— Ничего, ничего, голубчик, теперь легче будет.

— Да, верно, легче. На сколько килограммов?

— Не надо, родной, не надо. А вы молодец, иные кричат, других ремнями привязывают и еще держат, а вы не пикнули... Эх, война, война!

В это время из вечерней полутьмы палаты послышался сердитый голос Комиссара:

— Вы чего там панихиду затеяли? Вот передайте-ка ему, сестричка, письма. Везет человеку, даже меня завидки берут: столько писем сразу!

Комиссар передал Мересьеву пачку писем.

Это были письма из родного полка. Датированы они были разными днями, но пришли почему-то вместе, и вот теперь, лежа с отрезанными ногами, Алексей одно за другим читал эти дружеские послания, повествующие о далекой, полной трудов, неудобств и опасностей, неудержимо тянувшей к себе жизни, которая была потеряна теперь для него безвозвратно. Он смаковал и большие новости, и дорогие мелочи, о которых писали ему из полка...

На миг он уносился мыслью туда, на затерянный среди лесов и озер аэродром, который летчики так часто поругивали за коварный грунт и который казался ему теперь лучшей точкой на земле.

Он так увлекся письмами, что не обратил внимания на разницу в датах и не заметил, как Комиссар подмигнул

сестре, с улыбкой показывая в его сторону, и тихо шепнул ей: «Мое-то лекарство куда лучше, чем все эти ваши люминалы и вероналы». Алексей так никогда и не узнал, что, предвидя события, Комиссар прятал часть его писем, чтобы в страшный для Мересьева день, передав летчику дружеские приветы и новости с родного аэродрома, смягчить для него тяжелый удар...

* * *

После операции с Алексеем Мересьевым случилось самое страшное, что может произойти при подобных обстоятельствах. Он ушел в себя. Он не жаловался, не плакал, не раздражался. Он молчал.

Целые дни, неподвижный, лежал он на спине, смотря все на одну и ту же извилистую трещину на потолке. Когда товарищи заговаривали с ним, он отвечал — и часто невпопад — «да», «нет» и снова смолкал, уставившись в темную трещину штукатурки, точно это был некий иероглиф, в расшифровке которого было для него спасение. Он покорно выполнял все назначения врачей, принимал все, что ему прописывали, вяло, без аппетита съедал обед и опять ложился на спину.

— Эй, борода, о чем думаешь? — кричал ему Комиссар.

Алексей поворачивал в его сторону голову с таким выражением, точно не видел его.

— О чем, спрашиваю, думаешь?

— Ни о чем.

В палату как-то зашел Василий Васильевич.

— Ну, ползун, жив? Как дела? Герой, герой, не пикнул! Теперь, брат, верю, что ты восемнадцать дней от немцев на карачках уползал. Я на своем веку столько вашего брата видел, карачки ты картошки не съел, а таких, как ты, резать не пришло. — Профессор потер свои шелушащиеся, красные руки с изъеденными сулемой ногтями. — Чего хмуришься? Его хвалят, а он хмурится. Я ж генерал-лейтенант медицинской службы. Ну, приказываю улыбнуться!

С трудом растягивая губы в пустую, резиновую улыбку, Мересьев думал: «Знать бы, что все так кончится, стоило ли ползти? Ведь в пистолете оставалось три патрона».

В невеселом раздумье текли однообразные госпитальные

дни Алексея Мересьева. И хотя его железный организм легко перенес мастерски сделанную ампутацию и раны быстро затягивались, он заметно слабел и, несмотря на все меры, день ото дня худел и чахнул у всех на глазах.

Но Комиссар не оставил своих попыток «отомкнуть» его. Однажды, находясь в обычном состоянии равнодушного оценивания, Алексей услышал комиссарский бас:

— Леша, глянь: тут о тебе написано.

Степан Иванович уже нес Мересьеву журнал. Небольшая статья была отчеркнута карандашом. Алексей быстро пробежал глазами отмеченное и не встретил своей фамилии. Это была статейка о русских летчиках времен первой мировой войны. Со страницы журнала глядело на Алексея незнакомое лицо молодого офицера с маленькими усиками, закрученными «шпильцем», с белой кокардой на пилотке, надвинутой на самое ухо.

— Читай, читай, прямо для тебя, — настаивал Комиссар.

Мересьев прочел. Повествовалось в статье о русском военном летчике, поручике Валерьяне Аркадьевиче Карповиче. Летая над вражескими позициями, поручик Карпович был ранен в ногу немецкой разрывной пулей «дум-дум». С раздробленной ногой он сумел на своем «фармане» перетянуть через линию фронта и сесть у своих. Ступню ему отняли, но молодой офицер не пожелал увольняться из армии. Он изобрел протез собственной конструкции. Он долго и упорно занимался гимнастикой, тренировался и благодаря этому к концу войны вернулся в армию. Он служил инспектором в школе военных пилотов и даже, как говорилось в заметке, «порой рисковал подниматься в воздух на своем аэроплане». Он был награжден офицерским «Георгием» и успешно служил в русской военной авиации, пока не погиб в результате катастрофы.

Мересьев прочел эту заметку раз, другой, третий. Немножко напряженно, но, в общем, лихо улыбался со снимка молодой худощавый поручик с усталым волевым лицом. Вся палата безмолвно наблюдала за Алексеем. Он поерошил волосы и, не отрывая от статейки глаз, нащупал рукой на тумбочке карандаш и тщательно, аккуратно обвел ее.

— Прочел? — хитровато спросил Комиссар. (Алексей молчал, все еще бегая глазами по строчкам.) — Ну, что скажешь?

— Но у него не было только ступни.

— А ты же советский человек.

Он летал на «фармане». Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.

— Но ты же советский человек! — настаивал Комиссар.

— Советский человек, — машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно-радостным взглядом.

На ночь Алексей сунул журнал под подушку, сунул и вспомнил, что в детстве, забираясь на ночь на полати, где спал с братьями, клал он так под подушку уродливого корноухого медведя, сшитого ему матерью из старой плюшевой кофты. И он засмеялся этому своему воспоминанию, засмеялся на всю комнату.

Ночью он не сомкнул глаз. Он то и дело доставал журнал и при свете ночника смотрел на улыбающееся лицо поручика. «Тебе было трудно, но ты все-таки сумел, — думал он. — Мне вдесятеро труднее, но вот увидишь, я тоже не отстану».

Среди ночи Комиссар вдруг стих. Алексей приподнялся и увидел, что лежит он бледный, спокойный и, кажется, уже не дышит. Летчик схватил колокольчик и бешено затряс им. Прибежала Клавдия Михайловна, простоволосая, с помятым лицом и рассыпавшейся косой. Через несколько минут вызвали ординатора¹. Щупали пульс, впрыскивали камфору, совали в рот шланг с кислородом. Возня эта продолжалась около часа и порой казалась безнадежной. Наконец Комиссар открыл глаза, слабо, еле заметно улыбнулся Клавдии Михайловне и тихонько сказал:

— Извините, взбулгачил я вас, а без толку. До ада так и не добрался и мазито от веснушек не достал. Так что вам, родная, придется в веснушках щеголять, ничего не поделаешь.

От шутки всем стало легче на душе. Крепок же этот дуб! Может, выстоит он и такую бурю. Ушел ординатор — скрип его ботинок медленно угас в конце коридора; разошлись сиделки; и только Клавдия Михайловна осталась, усевшись бочком на кровати Комиссара. Больные уснули, но Мересьев лежал с закрытыми глазами, думая о протезах, которые можно было бы прикреплять к ножному управлению в само-

¹ Ординатор — врач, заведующий палатой.

лете хотя бы ремнями. Вспомнил он, что когда-то, еще в аэроклубе, он слышал от инструктора, старого летчика времен гражданской войны, что один коротконогий пилот привязывал к педалям колодочки.

«Я, брат, от тебя не отстану, — убеждал он Карповича. — Буду, буду летать!» — звенело и пело в голове Алексея, отгоняя сон. Он лежал тихо, закрыв глаза. Со стороны можно было подумать, что он крепко спит, улыбаясь во сне...

Проснулся Алексей поздно, когда солнечные зайчики лежали уже посреди палаты, что служило признаком полдня, — и проснулся с сознанием чего-то радостного. Сон? Какой сон... Взгляд его упал на журнал, который и во сне крепко сжимала его рука. Поручик Карпович все так же натянуто и лихо улыбался с помятой страницы. Мересьев бережно разглядел журнал и подмигнул ему.

Уже умытый и причесанный, Комиссар с улыбкой следил за Алексеем.

— Чего ты с ним перемигиваешься? — довольно спросил он.

— Полетим, — ответил Алексей.

— А как же? У него только одной ноги не хватает, а у тебя обеих?

— Так ведь я же советский, русский! — отозвался Мересьев.

Он произнес это слово так, будто оно гарантировало ему, что он обязательно превзойдет поручика Карповича и будет летать.

За завтраком он съел все, что принесла сиделка, с удивлением посмотрел на пустые тарелки и попросил еще; он был в состоянии нервного возбуждения, напевал, пробовал свистеть, вслух рассуждал сам с собой. Во время профессорского обхода, пользуясь расположением Василия Васильевича, он донял его расспросами, что нужно сделать, чтобы ускорить выздоровление. Узнав, что для этого надо больше есть и спать, он потребовал за обедом два вторых и, давись, с трудом доедал четвертую котлету. Заснуть же днем он не смог, хотя и пролежал с закрытыми глазами часа полтора...

Странное состояние переживал Алексей.

С тех пор как он поверил, что путем тренировки сможет научиться летать без ног и снова стать полноценным летчиком, им овладела жажда жизни и деятельности. Теперь у

него была цель жизни: вернуться к профессии истребителя. С тем же фанатическим¹ упорством, с каким он, обезножив, выползал к своим, стремился он к этой цели. Еще в ранней юности привыкший осмысливать свою жизнь, он прежде всего точно определил, что он должен сделать, чтобы достичь этого как можно скорее, не тратя попусту драгоценного времени. И вышло, что он должен, во-первых, быстрее поправиться, вернуть утраченные во время голодания здоровье и силу, а для этого больше есть и спать; во-вторых, восстановить боевые качества летчика и для этого развивать себя физически доступными ему, пока еще коечному больному, гимнастическими упражнениями; в-третьих, и это было самое важное и трудное, развивать обрубленные по голень ноги так, чтобы сохранить в них силу и ловкость, а потом, когда появятся протезы, научиться проделывать на них все необходимые для управления самолетом движения.

Даже хождение для безногого — нелегкое дело. Мересьев же намеревался управлять самолетом, и именно истребителем. А для этого, в особенности в мгновения воздушного боя, когда все рассчитано на сотые доли секунды и согласованность движений должна подниматься до степени безусловного рефлекса, ноги должны уметь проделывать не менее точную, искусную, а главное — быструю работу, чем руки. Нужно было так себя натренировать, чтобы пристегнутые к обрубкам ног куски дерева и кожи выполняли эту тонкую работу, как живой орган.

Любому человеку, знакомому с техникой пилотажа, это показалось бы невероятным. Но Алексей верил теперь, что это в пределах человеческих возможностей, а раз так, то он, Мересьев, обязательно этого достигнет...

Заставить себя есть, спать, принимать лекарства нетрудно. С гимнастикой было хуже. Обычная система, по которой Мересьев раньше делал зарядку, человеку, лишенному ног, привязанному к койке, не годилась. Он придумал свою: по целым часам сгибался, разгибался, упершись руками в бока, крутил торс, поворачивал голову с таким азартом, что хрустели позвонки...

Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днем отводил ей на минуту больше, чем вчера. Это

¹ Фанатический — здесь непреклонный.

были страшные минуты — минуты, когда слезы сами лились из глаз и приходилось до крови кусать губы, чтобы сдержаться. Но он заставлял себя проделывать упражнения сначала один, потом два раза в день, с каждым разом увеличивая их продолжительность. После каждого такого упражнения он бессильно падал на подушку с мыслью: сумеет ли он снова возобновить их? Но приходило положенное время, и он принимался за свое. Вечером он ощупывал мускулы бедра, голени и с удовольствием чувствовал под рукой не дряблое мясо и жирок, как это было вначале, а прежний тугой мускул...

* * *

Комиссар умер первого мая.

Произошло это как-то незаметно. Еще утром, умытый и причесанный, он дотошно выпрашивал у брившей его парикмахерши, хороша ли погода, как выглядит праздничная Москва, порадовался, что начали разбирать на улицах баррикады, посетовал, что в этот вот сверкающий, богатый весенний день не будет демонстраций, пошутил над Клавдией Михайловной, предпринявшей по случаю праздника новую героическую попытку запудрить свои веснушки. Казалось, ему стало лучше, и у всех родилась надежда: может быть, дело пошло на поправку. В девять часов диктор, голос которого в те дни слушал и знал весь мир, начал читать приказ Народного комиссара обороны. Все замерли, боясь пропустить хотя бы слово. Уже прозвучали слова: «Под непобедимым знаменем великого Ленина — вперед к победе!» — а в палате еще царила напряженная тишина.

— Вот разъясните мне такое дело, товарищ полковой комиссар... — начал было Кукушкин и вдруг вскрикнул с ужасом: — Товарищ комиссар!

Все оглянулись. Комиссар лежал на кровати, прямой, вытянутый, строгий, с глазами, неподвижно устремленными в какую-то точку на потолке, и на лице его, осунувшемся и побелевшем, окаменело торжественное, спокойное и величавое выражение.

— Умер! — вскрикнул Кукушкин, бросаясь на колени у его кровати. — У-ме-ер!..

Вечером этого дня в опустевшую сорок вторую принесли но-

вичка. Это был летчик-истребитель майор Павел Иванович Стручков из дивизии воздушного прикрытия столицы...

На следующий день хоронили Комиссара...

Свесившись через подоконник, все смотрели на улицу, куда из ворот медленно выплывал на лафете красный гроб. В зелени, в цветах лежало тело Комиссара. За ним на подушках несли ордена — один, два, пять, восемь...

— Хлопцы, кого хоронят? — спросил майор.

Он тоже все пытался подняться к окну, но ноги его, зажатые в лубки и залитые в гипс, мешали ему, и он не мог дотянуться.

Процессия удалилась. Уже издали глухо плыли, отдаваясь от стен домов, тягучие торжественные звуки. Уже вышла из ворот хромая дворничиха и закрыла со звоном металлические ворота, а обитатели сорок второй все еще стояли у окна, провожая Комиссара в его последний путь.

— Кого же хоронят? Ну? Чего это вы все точно деревянные! — нетерпеливо спрашивал майор, все еще не оставляя своих попыток дотянуться до подоконника.

Тихо, глухо, надтреснутым и словно сырым голосом ответил ему наконец Константин Кукушкин:

— Настоящего человека хоронят... Большевика хоронят...

* * *

Стояло прохладное, светлое и сверкающее летнее утро, когда Клавдия Михайловна торжественно привела в палату пожилого человека в железных, перевязанных веревочкой очках, у которого даже новый, топорщащийся от избытка крахмала халат не изменял внешности старого мастерового. Он принес что-то завернутое в белую тряпку и, положив на полу у койки Мересьева, осторожно и важно, точно фокусник, стал развязывать узелки. Под руками у него скрипела кожа, а в палате разнесся приятный и острый, кисловатый запах дубильных веществ.

В свертке старика оказалась пара новых желтых скрипучих протезов, очень ловко сконструированных и пригнанных по мерке. Протезы — это составляло едва ли не главную гордость мастера — были обуты в новенькие желтые, казенного образца башмаки. Башмаки сидели так ловко, что создавалось впечатление живых обутых ног.

— Калошки надеть, так хоть под венец! — сказал мастер,

любясь поверх очков изделием своих рук. — Сам Василий Васильевич наказал мне: «Сделай, говорит, Зуев, такие протезы, чтобы лучше ног были». И — нате, пожалуйста, Зуев сделал. Царские!

У Мересьева сердце тоскливо сжалось при виде своих искусственных ног, сжалось, похолодело, но жажда поскорее попробовать протезы, пойти, пойти самостоятельно, победила все остальное. Он выкинул из-под одеяла свои култышки и стал торопить старика с примеркой. Но старому протезисту, делавшему, по его словам, еще в «мирное время» протезы какому-то «большому князю», сломавшему ногу на скачках, такая торопливость не понравилась. Он был очень горд изделием и хотел как можно дольше растянуть удовольствие от его вручения...

— Мне Василий Васильевич говорит: «Отличись, говорит, Зуев, на этих протезах; лейтенант, говорит, без ног летать собрался». А я что, я готов, я — пожалуйста, возьмите. С такими протезами не только что ходить, а и на лисапете кататься, с барышнями польку-бабочку танцевать... Работка!

Он сунул обрубок правой ноги Алексея в шерстистое и мягкое гнездо протеза и крепко охватил ногу прикрепляющими ремнями. Отошел, полюбовался, прищелкнул языком:

— Хороша обувка!.. Не беспокоит? То-то! Лучше Зуева, почитай, и мастера в Москве нет. Зуев — золотые руки.

Он ловко надел второй протез и едва успел застегнуть ремни, как Мересьев неожиданно сильно, пружиnistым движением прыгнул с койки на пол. Раздался глухой стук, Мересьев вскрикнул от боли и тут же тяжело рухнул во весь рост.

У старого мастера от удивления очки полезли на лоб. Он не ожидал от своего заказчика такой прыти. Мересьев лежал на полу, беспомощный, пораженный, широко разбросав свои искусственные ноги в ботинках. В глазах его было недоумение, обида, страх. Неужели он обманулся?..

— Э-э-э, мил человек, этак-то нежеже, вовсе нежеже, — ворчал мастер. — Ишь, прыгнул, будто и верно живые ноги ему приставили. Нос-то вешать не к чему, друг милый, только теперь твое дело такое — начинать все сначала. Теперь забудь, что ты вояка, теперь ты дитя малое — по шажку, по шажку учишь ходить: сначала с костыликами, потом по стеночкам, потом с палочкой. Да не вдруг, да помаленьку, а он — накося! Ноги-то и хорошие, да не свои.

От неудачного прыжка ноги тяжело ныли. Но Мересьев хотел сейчас же попробовать протезы. Ему принесли легкие алюминевые костыли. Он уперся ими в пол, зажал под мышками подушки и теперь тихо, осторожно соскользнул с койки и встал на ноги. И точно: он походил теперь на младенца, не умеющего ходить, инстинктом угадывающего, что пойти он может, и боящегося оторваться от спасительной, поддерживающей его стенки. Как младенца, которого мать или бабушка выводят в первое путешествие на просунутом под мышками полотнце, Мересьева с двух сторон заботливо поддерживали Клавдия Михайловна и старый протезист. Постояв на месте, чувствуя с непривычки острую боль в местах прикрепления протезов, Мересьев неуверенно переставил сначала один, потом другой костыль, перенес на них тяжесть корпуса и подтянул сперва одну, потом другую ногу. Туго и хрустко заскрипела кожа, раздался два тяжелых удара об пол: бум, бум.

— Ну, и в добрый час, в добрый час, — забормотал старый мастер.

Мересьев сделал еще несколько осторожных шагов, и дались они ему, эти первые шаги на протезах, с таким трудом, что, дойдя до двери и обратно, он почувствовал, будто бы культи втащил на пятый этаж. Добравшись до койки, он повалился на нее грудью, весь мокрый от пота, не имея сил даже повернуться на спину.

— Ну, как протезы? — То-то, благодари бога, что есть на свете мастер Зуев! — по-стариковски хвалился протезист, осторожно развязывая ремни, освобождая слегка уже отекившие и опухшие с непривычки ноги Алексея. — На таких не только что летать, и до самого господа бога долететь можно. Работка!

— Спасибо, спасибо, старик, работа знатная, — бормотал Алексей...

И старик удалился, кланяясь, что-то бормоча. А Мересьев лежал, рассматривая валявшиеся подле кровати свои новые ноги, и чем больше он на них смотрел, тем больше они ему нравились и остроумностью конструкции, и мастерством работы, и легкостью: на лисапете ездить, польку-бабочку танцевать, на самолете летать аж до господа бога. «Буду, все буду, обязательно буду», — думал он...

Утром он попробовал ходить без костылей. Осторожно спустился с кровати. Встал, расставив ноги и беспомощно разведя руки для баланса. Потом, придерживаясь за стену руками, сделал шаг. Захрустела кожа протеза. Тело понесло в сторону, но он сбалансировал рукой. Сделал второй шаг, все еще не отрываясь от стены. Он никогда не думал, что ходить так трудно. В детстве, мальчишкой, он учился ходить на ходулях. Встанет на колодочки, оттолкнется спиной от стены — шаг, другой, третий, неудержимо тянет вбок, и он соскакивает, а ходули валятся в пыльную мураву, которой заросла окраинная улица. Но на ходулях легче, с них можно спрыгнуть. С протезов не спрыгнешь. И когда его на третьем шаге бросило в сторону и подвернулась нога, он грузно, ничком грохнулся на пол...

Мересьев умел добиваться своего. Учтя ошибки, он снова оттолкнулся от стены и, отворачивая носок искусственной ноги в сторону, стал на пятку, потом перенес тяжесть корпуса на носок. Сердито скрипнул протез. В момент, когда тяжесть переходила на носок, Алексей резко оторвал от пола вторую ногу и выбросил ее вперед. Пятка тяжело грохнула об пол. Теперь, балансируя руками, он стоял среди комнаты, не решаясь на следующий шаг. Стоял, шатался, все время теряя равновесие и чувствуя, как холодный пот выступает у переносицы.

В таком виде и застал его Василий Васильевич. Он постоял в дверях, понаблюдая за Мересьевым, подошел и взял его под мышки:

— Браво, ползун! — А почему один, без сестры, без санитаря? Гордыня человеческая... Ну, ничего, во всяком деле важен первый шаг, теперь самое трудное сделал. А ну, голубчик, давайте, раз... Да держитесь, держитесь за меня, чего стесняться! Держитесь, я генерал, меня слушаться надо. Ну, два, так... Теперь на правую. Хорошо.левой. Здорово!

Знаменитый медик весело потер руки, как будто, уча человека ходить, совершал бог весть какой важный медицинский эксперимент¹. Но такое уж было свойство его характера — увлекаться всем, за что бы он ни брался, и вкладывать в это свою большую энергичную душу. Он заставил Мересьева пройти вдоль палаты, и когда тот, совершенно измученный, брякнулся на стул, он поставил свой стул рядом с ним.

¹ Эксперимент — научный опыт.

— Ну, а летать — как, будем? То-то. Ныне, батенька, война такая: люди с оторванной рукой роту в атаку ведут, смертельно раненные строчат из пулемета, доты вон грудью закрывают... Только вот мертвые не воюют. — Старик потускнел, вздохнул... — Да и те воюют, славой своей. Да... Ну-с, начнем, молодой человек...

А вечером старый служитель клиники принес Мересьеву палку, великолепную старинную, черного дерева палку, с удобной ручкой из слоновой кости и с какими-то накладными монограммами¹.

— От профессора, от Василия Васильевича: свою собственную прислал в подарок. Вам ходить с палочкой велел.

Скучно было в госпитале в этот летний вечер. И в сорок вторую потянулись экскурсии. Соседи справа, слева, даже сверху приходили смотреть профессорский подарок. Палка действительно была хороша.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В разгар лета 1942 года из тяжелых дубовых дверей госпиталя в Москве, опираясь на крепкую, черного дерева палку, вышел коренастый молодой человек в открытом френче военного летчика, в форменных брюках навыпуск, с тремя кубиками старшего лейтенанта на голубых петлицах...

Раненые в синих, желтых, коричневых пижамах махали ему из окон руками, палками, костылями, что-то кричали, что-то советовали, напутствуя его. Он тоже махал им рукой, но видно было, что стремился он как можно скорее уйти от этого большого серого здания и отворачивался от окон, чтобы скрыть свое волнение. Он шел быстро, странной, прямой, подпрыгивающей походкой, легко опираясь на палку. Если бы не тихий скрип, отмечавший каждый его шаг, никому и в голову не пришло бы, что у этого стройного и крепко сбитого подвижного человека ампутированы ноги.

Алексея Мересьева направили после госпиталя долечиваться в санаторий Военно-Воздушных Сил, находившийся под Москвой... В санатории ему полагается прожить двадцать восемь дней. После этого решится, будет ли он воевать, летать,

¹ Монограмма — здесь: сделанное из металла сплетение начальных букв имени и фамилии.

жить или ему будут вечно уступать место в трамвае и прово-
жать его сочувственными взглядами. Стало быть, каждая
минута этих долгих и вместе с тем коротких двадцати восьми
дней должна быть борьбой за то, чтобы стать настоящим че-
ловеком.

Алексей составил план упражнений. Он включил сюда ут-
реннюю и вечернюю зарядки, хождение, бег, специальную тре-
нировку ног...

По санаторию распространилась весть, казавшаяся нелепой:
безногий летчик... увлекся танцами.

Алексей неукоснительно участвовал в вечерах, недурно тан-
цевал, не пропуская ни одного танца. Играл баян, крутились
пары. Мересьев, разгоряченный, со сверкающими от возбужде-
ния глазами, выделял все эти глissады, змейки, повороты,
точки, ловко и, как казалось бы, без труда вел свою легонькую
и изящную даму. И никому из наблюдавших за этим разудалым
танцором не могло даже в голову прийти, что делает он,
исчезая порой из зала.

С улыбкой на разгоряченном лице выходил он на улицу,
небрежно обмахиваясь платком, но как только переступал порог
и вступал в полутьму ночного леса, улыбка тотчас же сменя-
лась гримасой боли. Цепляясь за перила, шатаясь, со стоном
сходил он со ступенек крыльца, бросался в мокрую, росистую
траву и, прижавшись всем телом к влажной, еще державшей
дневное тепло земле, плакал от жгучей боли в натруженных,
стянутых ремнями ногах.

Тяжелые танцевальные упражнения уже давали свои ре-
зультаты: Алексей все меньше и меньше ощущал сковываю-
щее действие протезов. Они как бы постепенно прирастали к
нему...

* * *

Обстановка на юге осложнялась...

Санаторий летчиков волновался, как муравейник, на кото-
рый наступили ногой. Брошены были все привычные занятия:
шашки, шахматы, волейбол, городки...

Ничто не шло на ум. За час до подъема к первой, семичасо-
вой сводке, передаваемой по радио, сходились даже самые ле-
нивые. Когда в эпизодах сводки упоминались подвиги летчи-
ков, все ходили мрачные. обиженные, придирались к сестрам,

ворчали на режим и на пищу, как будто администрация сана-
тория была виновата в том, что им приходится в такое горя-
чее время торчать здесь на солнце, в лесной тиши у зеркального
озера, а не сражаться там, над сталинградскими степями.
В конце концов отдыхающие заявили, что они сыты отдыхом,
и потребовали досрочной отправки в действующие части.

Под вечер прибыла комиссия отдела комплектования ВВС.

Мересьев легко прошел все испытания, он выжал кистью
раза в полтора больше нормы, выдохнул столько, что измери-
тельная стрелка коснулась ограничителя. Давление крови бы-
ло у него нормальное, нервы в отличном состоянии. В заключе-
ние он ухитрился рвануть стальную ручку крафт-аппарата¹
так, что прибор испортился.

— Летчик? — с удовольствием спросил врач, разваливаясь
в кресле и уже нацеливаясь писать на уголке «Личного дела
старшего лейтенанта Мересьева А. П.» резолюцию.

— Летчик!

— Истребитель?

— Истребитель.

— Ну и отправляйтесь истреблять. Там сейчас ваш брат ох
как нужен!.. Да вы с чем лежали в госпитале?

Алексей замялся, чувствуя, что все внезапно проваливает-
ся, но врач уже читал его личное дело, и широкое, доброе лицо
его растягивалось от удивления.

— Ампутация ног... что за чушь! Тут описка, что ли? Ну,
чего вы молчите?

— Нет, не описка, — тихо и очень медленно, точно подни-
маясь по ступенькам на эшафот, выговорил Алексей.

Врач и вся комиссия подозрительно уставились на этого
крепкого, отлично развитого, подвижного парня, не понимая,
в чем дело.

— Засучите брюки! — нетерпеливо скомандовал врач.

Алексей поблел, медленно поднял брюки и так и остался
стоять перед столом на кожаных своих протезах, поникший, с
опущенными руками.

— Так что же вы, батенька мой, нас морочите? Столько
времени отняли. Не думаете же вы без ног пойти в авиацию? —
сказал наконец врач.

¹ Крафт-аппарат — силомер.

— Я не думаю: я пойду! — тихо сказал Алексей, и его цыганские глаза сверкнули упрямым вызовом.

— Вы с ума сошли! Без ног?

— Да, без ног — и буду летать, — уже не упрямо, а очень спокойно ответил Мересьев: он полез в карман своего летного френча старого образца и достал оттуда аккуратно свернутую вырезку из журнала. — Видите, он же летал без ноги, почему же я не могу летать без обеих?

Врач, прочтя заметку, удивленно, с уважением посмотрел на летчика.

— Но для этого нужна чертовская тренировка. Видите, он тренировался десять лет. Нужно ж научиться орудовать протезами, как ногами, — сказал он, смягчаясь...

— Вы не пишете ни «да», ни «нет». Приходите сегодня вечером к нам на танцы. Вы убедитесь, что я могу летать...

В последний вечер перед отправкой в действующую армию отобранных добровольцев, а таких оказалось в санатории человек двести, танцы были устроены по расширенной программе...

Военврач первого ранга Мировольский, сидевший у открытого окна с кружкой холодного пива, не сводил глаз с Мересьева и его огненноволосой партнерши. Он был медик, больше того — он был военный медик. На бесконечных примерах знал он, как отличаются протезы от живых ног.

И вот теперь, наблюдая за смуглым плотным летчиком, красиво ведущим свою маленькую, изящную даму, он никак не мог отделаться от мысли, что все это какая-то сложная мистификация¹. Под конец, после того как летчик лихо сплясал в центре рукоплещущего круга «барыню» — да с гиком, с прихлопываниями ладонями по бедрам, по щекам — и потом, вспотевший и оживленный, пробился к Мировольскому, тот с уважением пожал ему руку. Мересьев молчал, но глаза его, в упор смотревшие на врача, молили, требовали ответа.

— Я, как вы понимаете, не имею права направить вас прямо в часть. Но я дам вам заключение для управления кадров. Я напишу наше мнение, что при соответствующей тренировке вы будете летать. Словом, в любом случае считайте мой голос «за», — ответил врач...

¹ Мистификация — обман, намеренное введение кого-либо в заблуждение.

* * *

В школе тренировочного обучения, разместившейся под Москвой, подле небольшого осоавиахимовского аэродромчика, в те тревожные дни была страдная пора...

Тренировочные самолеты, стрекозоподобные «ушки» и «уточки», облепляли маленький, тесный аэродром, как мухи небрунный кухонный стол. Они жужжали над ним с восхода и до заката, и, когда ни взглянешь на исчерченное вкривь и вкось колесами поле, всегда здесь кто-нибудь взлетал или садился...

В первый же день Мересьев отыскал на летном поле инструктора третьего отряда лейтенанта Наумова, под начало которого он был отдан...

— Пришел? — спросил он, не ответив на сделанное по полной форме официальное приветствие Алексея. — Ну и ладно: первым пришел — первым и полетишь. А ну, садись в заднюю кабину девятки, а я сейчас. Посмотрим, что ты за гусь.

Он стал быстрыми затылками докуривать крохотный «чинрик», а Алексей заторопился к самолету. Ему хотелось прикрепить ноги до того, как подойдет инструктор. Славный он малый, но кто его знает: а вдруг заупрямится, откажется пробовать, поднимет шум? Мересьев карабкался по скользкому крылу, судорожно цепляясь за борт кабины. От волнения, от непривычки он все срывался и никак не мог закинуть ногу в кабину, так что узкоколейный, немолодой, унылого вида механик, удивленно поглядев на него, решил: «Пьян, собака».

Но вот наконец Алексею удалось закинуть в кабину свою негнущуюся ногу, с невероятными усилиями подтянул он другую и грузно плюхнулся в сиденье. Он сейчас же пристегнул кожаными хомутиками протезы к педальному управлению. Конструкция оказалась удачной, хомутики упруго и прочно прижимали протезы к рычажкам, и он чувствовал их, как в детстве чувствовал под ногой хорошо пригнанный конек.

В кабину сунулась голова инструктора.

— А ты, друг, часом не пьян? Дыхни.

Алексей дыхнул. Не почуя знакомого запаха, инструктор погрозил механику кулаком.

— К запуску!

— Контакт!

— Есть контакт!

В косо поставленном зеркале инструктор видел лицо нового курсанта. Сколько он наблюдал таких лиц при первом взлете после длительного перерыва! Он видел снисходительное добродушие асов, видел, как загорались глаза летчиков-энтузиастов, ощутивших родную стихию после долгого скитания по госпиталям. Он видел, как, очутившись в воздухе, бледнели, начинали нервничать, кусать губы те, кого травмировало во время тяжелой воздушной аварии. Он наблюдал задорное любопытство новичков, отрывавшихся от земли в первый раз. Но такого странного выражения, какое инструктор видел в зеркале на лице этого красивого смуглого парня, явно не новичка в летном деле, ни разу не доводилось наблюдать Наумову за многие годы его инструкторской работы.

Сквозь смуглую кожу новичка проступил пятнистый, лихорадочный румянец. Губы у него побледнели, но не от страха, нет, а от какого-то непонятного Наумову благородного волнения. Кто он? Что с ним происходит? Почему технарь принял его за пьяного?

Когда самолет оторвался от земли и повис в воздухе, инструктор видел, как глаза курсанта, черные, упрямые, цыганские глаза, на которые тот не опустил защитных очков, вдруг заплаыли слезами и как слезы поползли по щекам и были смазаны ударившей в лицо на повороте воздушной струей.

«Чудак какой-то! С ним нужно осторожно. Мало ли что!» — решил про себя Наумов. Но было в этом взволнованном лице, глядевшем на него из четырехугольного зеркала, что-то такое, что захватило и инструктора. Он с удивлением почувствовал, что и у него клубок подкатывает к горлу и приборы начинают расплываться перед глазами...

После первого круга Наумов перестал опасаться за ученика. Машина шла уверенно, «грамотно». Только странно, пожалуй, было, что, ведя ее по плоскости, курсант все время то делал маленькие повороты вправо, влево, то бросал машину на небольшую горку, то пускал вниз. Он точно проверял свои силы. Про себя Наумов решил, что завтра же новичка можно направить одного в зону, а после двух-трех полетов пересадить на «утенка» — учебно-тренировочный самолет «Ут-2», маленькую фанерную копию истребителя.

Было холодно, термометр на стойке крыла показывал минус 12. Резкий ветер задувал в кабину, пробивался сквозь собачий мех унтов, леденил ноги инструктора. Пора было возвращаться.

Но всякий раз, когда Наумов командовал в трубку: «На посадку!» — он видел в зеркале немую просьбу горячих черных глаз, даже не просьбу, а требование, и не находил в себе духа повторить приказание. Вместо десяти минут они летали около получаса.

Выскочив из кабины, Наумов запрыгал около самолета, прихлопывая рукавицами, топая ногами. Ранний морозец действительно в это утро был островат. Курсант же что-то долго возился в кабине и вышел из нее медленно, как бы неохотно, а сойдя на землю, присел у крыла со счастливым, действительно пьяным каким-то лицом, пылавшим румянцем от мороза и возбуждения.

— Ну, замерз? Меня сквозь унты ух как прохватило! А ты, на-ка, в ботиночках. Не замерзли ноги?

— У меня нет ног, — ответил курсант, продолжая улыбаться своим мыслям.

— Что? — подвижное лицо Наумова вытянулось.

— У меня нет ног, — повторил Мересьев отчетливо.

— То есть как это «нет ног»? Как это понимать? Больные, что ли?

— Да нет — и все... Протезы.

Мгновение Наумов стоял, точно пригвожденный к месту ударом молотка по голове. То, что ему сказал этот странный парень, было совершенно невероятным. Как это нет ног? Но ведь он только что летал, и неплохо летал...

Наумов сразу понял и волнение этого человека, и необыкновенное выражение его лица, и слезы в его черных глазах, и ту жадность, с какой он хотел продлить ощущение полета. Курсант его поразил. Наумов бросился к нему и бешено затряс его руки.

— Родной, да как же? Да ты... ты просто даже не знаешь, какой ты есть человек!..

* * *

Свыше пяти месяцев занимался Мересьев в учебно-тренировочной школе...

Остаток зимы и раннюю весну провел Мересьев в школе переподготовки...

Большая группа летчиков, в которую был зачислен и Алексей Мересьев, переучивалась на новый тогда советский истребитель — «Ла-5». Подготовка велась серьезно: изучали мотор, материальную часть, проходили технику...

Машина действительно была хороша. На этом сходились все. Но когда очередь дошла до Мересьева и он, прикрепив к педалям управления ремнями свои протезы, поднялся в воздух, он вдруг почувствовал, что конь этот для него, безногого, слишком резв и требует особой осторожности. Оторвавшись от земли, он не ощутил того великолепного, полного контакта с машиной, который и дает радость полета. Это была отличная конструкция. Машина чувствовала не только каждое движение, но и дрожание руки, лежащей на рулях, тотчас же фиксируя его соответствующим движением в воздухе. Вот тут-то и почувствовал Алексей со всей остротой непоправимость своей утраты, неповоротли-

вость своих протезов и понял, что при управлении этой машинной протез — даже самый лучший, при самой большой тренировке, — не заменит живой, чувствующей, эластичной ноги...

Алексей вылез из кабины молчаливый, хмурый. Товарищи и даже сам инструктор, кривя душой, принялись наперебой хвалить и поздравлять его. Такая снисходительность его только обидела. Он махнул рукой и молча заковылял через снежное поле к серому зданию школы, тяжело раскачиваясь и подволакивая ноги.

Со следующего дня Мересьев стал тренироваться отдельно. Он работал не только с упорством, как тогда, когда он учился ходить, бегать, танцевать. Его охватило настоящее вдохновение. Он старался проанализировать технику полета, обдумать все детали, разложить ее на мельчайшие движения и разучить каждое движение особо...

Это была очень трудная, кропотливая работа. Результаты ее вначале почти не ощущались. И все же Алексей чувствовал, что с каждым разом самолет как бы больше и больше срастается с ним, становится послушной. Дела подвигались хотя и не очень ходко, но уверенно и твердо, и, что самое главное, в результате этих тренировок Алексей перестал ощущать себя в самолете неумелым, слабым всадником, сидящим на горячем и быстром коне. Он снова верил в свое мастерство. Это как бы передавалось самолету, и тот, как живое существо, как конь, чувствующий хорошего ездока, становился все более покорным. Машина постепенно раскрывала Алексею все свои полетные качества.

Ясно: он летчик, хороший летчик, не зря на его тренировки тратили сверх нормы драгоценный бензин. Уж он отработает этот бензин сторицей, только бы поскорей на фронт, в бой!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В жаркий летний день 1943 года по фронтовой дороге, проторенной обозами наступавших дивизий Красной Армии, прямо через заброшенное, заросшее могучим багровым бурьяном поле, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах, дребезжа расхлябанным деревянным кузовом, по направлению к фронту бежал старенький грузовик...

В кузове, набитом кулями с письмами, на пачках свежих газет, подсакивая и раскачиваясь вместе со всем грузом, сидели

двое военных в летних гимнастерках и фуражках с голубыми околышами. Младший из них, судя по новеньким, необмятым погонам, старший сержант авиации, был тонок, строен, белокур. Лицо у него было такое девически нежное, что казалось, кровь просвечивала сквозь белую кожу. На вид ему было лет девятнадцать. Хотя изо всех сил старался он выглядеть бывалым солдатом — плевал сквозь зубы, хрипловато бранился, вертел цигарки в палец толщиной и прикидывался ко всему равнодушным, — ясно было, что на фронт он едет в первый раз и очень волнуется.

В спутнике его, старшем лейтенанте, наоборот, можно было безошибочно угадать опытного фронтовика. На первый взгляд ему можно было дать не больше двадцати — двадцати четырех лет. Но, взглядевшись в загорелое, обветренное лицо с тонкими ниточками морщин у глаз, на лбу, у рта, в его черные задумчивые усталые глаза, можно было бы прикинуть и еще с десяток...

Уже вечерело, когда грузовик влетел на улицу небольшой деревеньки, где опытный глаз сразу угадал бы командный пункт небольшой авиационной части...

Кабинет командира полка помещался в просторном классе.

— Старший лейтенант Алексей Мересев, — отрекомендовался чернявый офицер, вытягиваясь и стукнув каблуками. — Прибыл в ваше распоряжение.

— Старший сержант Александр Петров, — отрапортовал юноша, стараясь вытянуться еще прямее и еще звучнее брякая об пол каблуками солдатских кирзовых сапог.

— Командир полка полковник Иванов, — буркнул хозяин. — Пакет?

Мересев четким жестом вырвал из планшета пакет и протянул полковнику. Тот пробежал препроводительные бумаги и быстрым глазом осмотрел прибывших.

— Хорошо, вовремя. Только что же это они мало прислали? — Потом вдруг что-то вспомнил, на лице его мелькнуло удивление. — Позвольте, это вы Мересев? Мне о вас звонил начальник штаба ВА. Он предупредил меня, что вы...

— Это не имеет значения, товарищ полковник, — не очень вежливо перебил его Алексей. — Разрешите приступить к несению службы?

Полковник с любопытством посмотрел на старшего лейтенанта и с одобрительной усмешкой кивнул головой...

Раз утром, когда яркие солнечные лучи уже падали через незапахнутый полог входа на устланный хвоей пол землянки, а оба друга еще потягивались на сделанных в стенах нишах-койках, наверху по дорожке торопливо протопали чьи-то шаги и послышалось магическое на фронте слово: «Почтарь!»

Оба разом сбросили одеяла, пока Мересев пристегивал протезы, Петров успел догнать почтаря и вернулся, торжественно неся два письма для Алексея. Это были письма от матери и Оли. Алексей вырвал их из рук друга, но в это время на аэродроме часто забарабанили в рельс. Экипажи вызывались к машинам. Мересев сунул письма за пазуху и, тотчас же забыв о них, побежал вслед за Петровым по протоптанной в лесу дорожке, ведущей к месту стоянки самолетов...

Тройка машин фыркнула на старте, тронулась, побежала, за ней потянулась другая, и уже приходила в движение третья. Вот первые самолеты скользнули в небо. Вслед за ними разбегается звено Мересева. Уже внизу покачивается из стороны в сторону плоская земля. Не теряя из виду первой тройки, Алексей пристраивает к ней свое звено, а сзади, впритык к ним, идет третье.

Вот и передовая. Рябая, изъезженная снарядами земля, напоминающая сверху пыльную дорогу, на которую упали первые щедрые потоки ливня. Изрыты, вскопаны ходы траншей, маленькие прыщички блиндажей и дзотов топорщатся бревнами и кирпичом. Желтые искры вспыхивают и гаснут по всей истерзанной долине. Это и есть огонь великого сражения. Каким игрушечным, маленьким и странным кажется все это сверху! Не верится, что там, внизу, все горит, ревет, сотрясается и смерть гуляет по изувеченной земле, в дыму и копоти, собирая обильную жатву.

— Внимание! Я — «Леопард-три», я — «Леопард-три». Справа «лаптежники», «лаптежники»!..

Враг был близко. Чуть ниже их в любимом немцами строю — двойным гусем — шли одномоторные пикировщики «Ю-87». Они имели неубирающиеся шасси¹. Шасси эти в полете висели под брюхом. Колеса были защищены продолговатыми обтека-

¹ Шасси у самолета — выдвигаемое или неподвижное устройство, к которому прикреплены колеса, поплавки или лыжи.

телями. Было похоже, что из брюха машины торчат ноги, обу-тые в лапти. Поэтому летная молва на всех фронтах и окрестила их «лаптежниками»...

Немцы шли красиво, ровно, будто связанные между собой невидимыми нитями. Плоскости их машин ослепительно сверкали, освещенные сверху солнцем.

— ...«Леопард-три». Атака! — рванулся в уши Мересьева отрывок командирской фразы.

Он видел, как справа, сверху, точно бешено скользя с ледяной горы, во фланг вражескому строю неслись Чеслов и его ведомый. Нити трасс хлестнули по ближайшему «лаптежнику», тот вдруг провалился, и Чеслов с ведомым и третий из его звена проскочили в образовавшееся пространство и исчезли за немецкой шеренгой. Шеренга немецких пикировщиков тотчас же сомкнулась за ними. «Лаптежники» продолжали идти в идеальном порядке.

Сказав свой позывной, Алексей хотел крикнуть: «Атака!» — но от возбуждения из горла вырвалось только свистящее: «А-а-а!» Он уже неслся вниз, ничего не видя, кроме этого стройно плывущего вражеского строя. Он наметил себе того самого немца, который заступил место сбитого Чесловым. В ушах у Алексея звенело, сердце готово было выпрыгнуть через горло. Он поймал самолет в паутиный крестик прицела и неслся к нему, держа оба больших пальца на гашетках. Точно серые пушистые веревки мелькнули справа от него. Ага! Стреляют. Промазали. Снова и уже ближе. Цел. А Петров? Тоже цел. Он слева. Отвернул. Молодец, мальчишка! Серый борт «лаптежника» увеличивается в крестике. Пальцы чувствуют холодный алюминий гашеток. Еще чуть-чуть...

Вот когда Алексей с торжеством ощутил совершенное слияние со своей машиной! Он чувствовал мотор, точно тот бился в его груди, всем существом своим он ощущал крылья, хвостовые рули, и даже неповоротливые искусственные ноги, казалось ему, обрели чувствительность и не мешали этому его соединению с машиной в бешено стремительном движении. Выскользнула, но снова поймана в крестик прицела стройная, зализанная туша «немца». Несясь прямо на него, Мересьев нажал гашетку. Он не слышал выстрелов, не видел даже огневых трасс, но знал, что попал, и, не останавливаясь, продолжал нестись на вражеский самолет, зная, что тот провалится и он не столкнется с ним. Оторвавшись от прицела, Алексей с удивлением увидел, что ря-

дом провалился еще и второй. Неужели он случайно сбил и его? Нет. Это Петров. Он тянул справа. Это его работа. Молодец новичок! Удаче молодого друга Алексей порадовался даже больше, чем своей...

— Следи! — гикнул Мересьев, скользнув глазом по силуэту ведомого, и выжал ручку на себя.

Земля опрокинулась. Точно тяжелый удар втиснул его в сиденье, прижал к нему. Он почувствовал вкус крови во рту и на губах, в глазах замельтешила красная пелена. Машина, встав почти вертикально, неслась вверх. Лежа на спинке сиденья, Алексей на мгновение увидел в крестике пятнистое брюхо «лаптежника», смешные лапти, накрывающие толстые колеса, и даже комья аэродромной глины, прилипшие к ним.

Он нажал обе гашетки. Куда он попал: в баки ли, в мотор ли, в кассету с бомбами, — он не понял, но немец сразу исчез в бурном облаке взрыва.

Машину Мересьева бросило в сторону, и она пронеслась мимо кома огня. Переводя машину в плоскостной полет, Алексей осмотрел небо. Ведомый шел за ним справа, вися в бескрайней небесной голубизне, над слоем облаков, напоминавших белую мыльную пену. Было пустынно, и только на горизонте, на фоне далеких облаков, были видны черточки расползавшихся в разные стороны «лаптежников». Алексей глянул на часы и поразился. Ему казалось, что бой продолжался, по крайней мере, полчаса и бензин должен быть на исходе. Часы показывали, что все заняло три с половиной минуты.

— Жив? — спросил он, оглядываясь на ведомого, который «перелез» направо и летел рядом.

Из сутолоки звуков он услышал далекий восторженный голос:

— Жив!.. Земля... На земле...

Внизу, на избитой, истерзанной холмистой долине, в нескольких местах горели чадные бензиновые костры. Тяжелый дым их столбами поднимался в безветренном воздухе. Но Алексей смотрел не на эти догоравшие трупы вражеских самолетов. Он смотрел на серо-зеленых жучков, уже широко разбежавшихся по всему полю. Двумя лощинами они подползали к вражеским позициям, передние уже перевалили через траншеи. Выбрасывая из своих хоботков красные огоньки уже за линией немецких укреплений, они ползли все дальше и дальше, хотя за спиной у них еще вспыхивали выстрелы и тянулись дымки немецкой артиллерии.

Мересьев понял, что значат сотни этих жучков в глубине разбитых вражеских позиций.

Произошло то, о чем на следующий день советский народ и весь свободолюбивый мир, ликуя, читал во всех газетах. На одном из участков Курской дуги после мощной двухчасовой артиллерийской подготовки армия прорвала немецкую оборону и всеми силами вошла в прорыв, расчищая путь советским войскам, перешедшим в наступление...

Для гвардейского истребительного авиаполка, в котором служил теперь Алексей, день прорыва танковой армии был началом боевой страды. Над местом прорыва эскадрилья сменяли одна другую. Едва успевала выйти из боя и приземлиться одна, как ей на смену поднималась другая...

Только вечером, когда сумерки надежно прикрыли район наступления армии, экипажи отпустили по домам...

Алексей не пошел в землянку. Он лег под березой на влажный шерстистый, пахнущий грибами мох и осторожно вынул из конверта листок Олиного письма...

После сегодняшних дел он мог говорить с ней как равный. Он не только летает: он воюет. Ведь он обещал себе, дал зарок все рассказать ей или когда его надежды потерпят крушение, или когда в бою он станет равным среди других. Теперь он этого достиг. Два сбитых им самолета упали и сгорели в кустарнике на виду у всех. Дежурный занес это сегодня в боевой журнал. Об этом пошли донесения в дивизию, в армию и в Москву...

Лунные белые пятна попеременно с черными тенями ползали по траве у ног Алексея, все еще сидевшего под березой на мягком, теперь уже сыром мху. Он опять достал из кармана фотоаппарат, положил ее на колени и, смотря на нее, освещаемую луной, задумался. Над головой в ясном темно-синем небе один за другим тянулись на юг темные маленькие силуэты ночных бомбардировщиков. Моторы их басовито ревели, но даже этот голос войны воспринимался сейчас в лесу, полном лунного света и соловьиного пения, как мирное гудение майских жуков...

С рассветом ушла в воздух первая эскадрилья под командованием самого полковника. Пока она действовала, подготавливалась к вылету вторая группа в двенадцать истребителей...

Летели низко, осторожно держась зоны вчерашнего прорыва. Теперь уже не с большой высоты, не в дальнем плане, который придает всему ненастоящий, игрушечный вид, а близко пронеслась земля под самолетом Алексея. И в это время у самой ли-

нии горизонта заметил Алексей сначала одну, потом целый рой низко висящих над землей черточек. Немцы! Они тоже шли, прижимаясь к земле, и явно нацеливались на хвосты пыли, далеко видные над красноватыми, забурьяненными полями...

Он разглядел врага. Это были истребители-штурмовики «Фокке-Вульф-190», сильные, верткие машины, только что появившиеся тогда на вооружении и уже прозванные советскими летчиками «фоками».

Численно их было в два раза больше. Шли они тем самым строгим строем, каким отличались части дивизии «Рихтгофен»: шли лесенкой, парами, расположенными так, что каждая последующая защищала хвост предыдущей...

В воздухе началась сутолока. Оба строя распались на отдельные сражающиеся пары и четверки...

Пары кружились, гоняясь друг за другом, и в воздухе затеялся сложный хоровод.

Только опытный глаз мог разобраться в этой сутолоке, точно так же, как только опытный слух мог различить отдельные звуки, врывавшиеся через наушники в уши пилота. Что только не звучало в эти минуты в эфире: и хриплая сочная брань идущего в атаку, и вопль ужаса подбитого, и крик торжества победителя, и стон раненого, и скрежет зубов напрягающегося на крутом вираже, и хрип тяжелого дыхания... Кто-то в упоении боя орал песню на чужом языке, кто-то, ахнув, по-детски, сказал «мама», кто-то, должно быть, нажимая на гашетки, зло приговаривал: «На тебе, на, на, на!»...

Казалось по этим звукам, что борются не истребители высоко над землей, казалось, что враги сцепились врукопашную и, хрипя и задыхаясь, напрягая все силы, катаются по земле.

Мересьев осмотрел воздух, намечая противника, и вдруг почувствовал, как у него сразу похолодела спина и волосы шевельнулись на затылке. Чуть пониже он увидел «Ла-5» и атакующего его сверху «фоку». Он не заметил номера советского самолета, но понял, почувствовал, что это Петров. «Фокке-Вульф» неся прямо на него, строча из всего своего оружия. Жить Петрову оставалось доли секунды. Сражались слишком близко, и Алексей не мог броситься на помощь другу, соблюдая правила воздушной атаки. Не было ни времени, ни места, чтобы развернуться. Жизнь товарища, стоявшая на карте, заставила Мересьева идти на риск. Он бросил свою машину по вертикали вниз и прибавил газу. Самолет, увлекаемый собственной тяжестью,

помноженной на инерцию и на полную мощь мотора, весь содрогающийся от необычайного напряжения, пал камнем — нет, не камнем, а ракетой — прямо на короткокрылое тело «фоки», опутывая его нитями трасс. Чувствуя, что от этой безумной скорости, от резкого снижения сознание уходит, Мересьев несясь в пропасть и едва заметил помутневшими, налитыми кровью глазами, что где-то перед самым его винтом «фока» окутался дымным облаком взрыва. А Петров? Он куда-то исчез. Где он? Сбит? Спрыгнул? Ушел?

Небо кругом было чисто, и откуда-то издали, с невидимого уже самолета, в притихшем эфире гудел голос:

— Я — «Чайка-два», Федотов. Я — «Чайка-два», Федотов. Подстраивайтесь, подстраивайтесь ко мне. Домой. Я — «Чайка-два»...

Должно быть, Федотов уводил группу.

После того как Мересьев, расправившись с «фокке-вульфом», вывел свой самолет из сумасшедшего вертикального пике, он, жадно и тяжело дыша, наслаждался наступившим покоем, ощущая радость минувшей опасности, радость победы. Он взглянул на компас, чтобы определить обратный путь, и нахмурился, заметив, что бензина мало и вряд ли хватит до аэродрома. Но более страшное, чем бензомер со стрелкой, близкой к нулю, он увидел в следующее мгновение. Из мохнатых косм пушистого облака прямо на него несясь бог весть откуда взявшийся «Фокке-Вульф-190». Думать было некогда, уходить некуда.

Враги стремительно понеслись друг на друга.

«Лавочкин-5» и «Фокке-Фульф-190» были быстроходными самолетами. Враги сближались со скоростью, превышающей скорость звука.

Алексей Мересьев и неизвестный ему немецкий ас из знаменитой дивизии «Рихтгофен» шли на атаку в лоб. Лобовая атака в авиации продолжается мгновения, за которые самый проворный человек не успеет закурить папиросу. Но эти мгновения требуют от летчика такого нервного напряжения, такого испытания всех духовных сил, какого в наземном бою хватило бы на целый день сражения.

Представьте себе два скоростных истребителя, несущихся прямо друг на друга на полной боевой скорости. Самолет врага растет на глазах. Вот он мелькнул во всех деталях, видны его плоскости, сверкающий круг винта, черные точки пушек. Еще мгновение — и самолеты столкнутся и разлетятся в такие

клучья, по каким нельзя будет угадать ни машину, ни человека. В это мгновение испытываются не только воля пилота, но и все его духовные силы. Тот, кто малодушен, кто не выдерживает чудовищного нервного напряжения, кто не чувствует себя в силах погибнуть для победы, тот инстинктивно рванет ручку на себя, чтобы перескочить несущийся на него смертельный ураган, и в следующее мгновение его самолет полетит вниз с распоротым брюхом или отсеченной плоскостью. Спасения ему нет. Опытные летчики отлично это знают, и лишь самые храбрые из них решаются на лобовую атаку.

Враги бешено мчались друг на друга.

Алексей понимал, что навстречу ему идет не мальчишка из так называемого призыва Геринга, наскоро обученный летать по сокращенной программе и брошенный в бой, чтобы заткнуть дыру, образовавшуюся в немецкой авиации вследствие огромных потерь на Восточном фронте. Навстречу Мересьеву шел ас из дивизии «Рихтгофен», на машине которого наверняка была изображена в виде самолетных силуэтов не одна воздушная победа. Этот не уклонится, не удерет из схватки.

— Держись, «Рихтгофен»! — промычал сквозь зубы Алексей и, до крови закусив губу, сжавшись в комок твердых мускулов, впился в цель, всей своей волей заставляя себя не закрывать глаза перед несущейся на него вражеской машиной...

Он приготовился к мгновенной смерти. И вдруг где-то, как ему показалось, на расстоянии вытянутой руки от его самолета, немец не выдержал, скользнул вверх, и, когда впереди, как вспышка молнии, мелькнуло освещенное солнцем голубое брюхо, Алексей, нажав сразу все гашетки, распорол его тремя огненными струями. Он тотчас же сделал мертвую петлю и, когда земля пронеслась у него над головой, увидел на ее фоне медленно и бессильно порхающий самолет. Неистовое торжество вспыхнуло в нем. Он закричал: «Оля!» — позабыв обо всем, и стал вычерчивать в воздухе крутые круги, провожая немца в его последний путь до самой красневшей от бурьяна земли, пока немец не ударился о нее, подняв целый столб черного дыма.

Только тогда нервное напряжение Мересьева прошло, окаменевшие мускулы распустились, он почувствовал огромную усталость, и сразу же взгляд его упал на циферблат бензомера. Стрелка вздрагивала около самого нуля.

Бензину осталось минуты на три, хорошо, если на четыре.

До аэродрома же надо было лететь по крайней мере десять минут. Если бы еще не тратить времени на набор высоты. Но это прохождение сбитого «фоки» до земли!.. «Мальчишка, дурак!» — ругал он себя. Мозг работал остро и ясно, как всегда бывает в минуту опасности у смелых, хладнокровных людей...

На горячее надеяться нечего. Даже если бензомер слегка подвирает, бензина все-таки не хватит. Сесть на пути? Где? Он мысленно вспомнил всю короткую трассу. Лиственные леса, болотистые перелески, холмистые поля в зоне долговременных укреплений, все перекопанные вкривь и вкось, сплошь изрытые воронками, оплетенные колючей проволокой.

— Нет, сесть — это смерть.

Прыгать с парашютом? Это можно. Хоть сейчас! Открыть колпак, вырвать ручку от себя, рывок — и все. Но самолет, эта чудесная верткая, проворная птица! Ее боевые качества трижды за этот день спасли ему жизнь. Бросить ее, разбить, превратить в груды алюминиевых лохмотьев? Ответственность?.. Нет, ответственности он не боялся. В подобном положении даже полагалось прыгать с парашютом. Машина в это мгновение казалась ему прекрасным, сильным, великодушным и преданным живым существом, бросить которое было бы с его стороны гнусным предательством...

— Как бы не так! — вслух сказал Алексей, точно с сердцем отвергая сделанное кем-то предложение.

Лететь, пока не остановится мотор! А там? Там видно будет. И он летел, с высоты трех, потом четырех тысяч метров осматривая окрестности, стараясь увидеть где-нибудь хоть небольшую полянку. На горизонте уже синел неясно лес; за которым был аэродром. До него оставалось километров пятнадцать. Стрелка бензомера уже не дрожит, она прочно лежит на винтике ограничителя. Но мотор еще работает. На чем он работает? Еще, еще выше... Так!

Вдруг равномерное гудение, которого ухо летчика даже не замечает, как не замечает здоровый человек биения своего сердца, перешло в иной тон. Летчик чувствует это всем телом, как будто не мотор, а сам он стал задыхаться. И вдруг это страшное «чих, чих, чих», которое, точно острая боль, отдается во всем его теле...

Нет, ничего. Снова работает равномерно. Работает, работает, ура! Работает! А лес, вот он уже, лес: уже видны сверху вершины берез, зеленая курчавая пена, шевелящаяся под солнцем.

Лес. Теперь уже совершенно невозможно сесть где-нибудь, кроме своего аэродрома. Пути отрезаны. Вперед, вперед!

«Чих, чих, чих!..»

Опять загудел. Надолго ли? Лес внизу. Дорога шла по песку прямая и ровная, как пробор на голове командира полка. Теперь до аэродрома километра три. Он там за зубчатой кромкой, которую Алексей, кажется, уже видит.

«Чих, чих, чих, чих!» И вдруг стало тихо, так тихо, что слышно, как гудят снасти на ветру. Все? Мересьев почувствовал, как весь холодеет. Прыгать? Нет, еще немного...

Как страшна в воздухе эта абсолютная тишина! Такая, что слышно, как потрескивает остывающий мотор, как кровь бьется в висках и шумит в ушах от быстрой потери высоты. И как быстро несется навстречу земля, точно тянет ее к самолету огромным магнитом!

Вот она, кромка леса. Вот мелькнул вдали за ней изумрудно-зеленый лоскуток аэродрома. Поздно? Остановившись на полуобороте, висит винт. Как страшно видеть его на лету. Лес уже близко. Конец?.. Неужели она так и не узнает, что с ним случилось, какой нечеловечески трудный путь прошел он за эти восемнадцать месяцев, что он все-таки добился своего, стал настоящим... ну да, настоящим человеком, чтобы так нелепо разбиться тотчас же, как только это совершилось?

Прыгнуть? Поздно!.. Точно привидение, скользнул он над головами, над землей и, словно притянулся ею, одновременно коснулся травы всеми тремя колесами.

Послышался глухой звук, хруст гравия и шелест травы — такой необычайный, потому что летчики никогда его не слышат из-за клекота работающего мотора. Случилось все это так неожиданно, что никто даже не понял, что именно произошло, хотя происшествие было само по себе обычным: сел самолет, и именно «одиннадцатый», как раз тот самый, которого все так ждали.

— Он! — заорал кто-то таким неистовым и неестественным голосом, что все сразу вышли из оцепенения.

Самолет уже закончил пробежку, пискнул тормозами и остановился у самой кромки аэродрома, перед стеной кудрявых, белевших стволами молодых берез, освещенных оранжевыми вечерними лучами.

Из кабины опять никто не поднялся. Люди бежали к машине, что есть мочи, задыхаясь, предчувствуя недоброе. Коман-

дир полка добежал первым, легко вскочил на крыло и, открыв колпак, заглянул в кабину. Алексей Мересьев сидел без шлема, бледный, как облако, и улыбался бескровными, зеленоватыми губами. С нижней прокушенной губы его текли по подбородку две струйки крови.

— Жив? Ранен?

Слабо улыбаясь, он смотрел на полковника смертельно уставшими глазами.

— Нет, цел. Перетрусил очень... Километров шесть тянул на соплях.

Летчики шумели, поздравляли, жали руки.

Алексей улыбался.

— Братцы, крылья не обломайте. Разве можно? Ишь надели... Я сейчас вылезу.

Командир полка стоял возле, маленький, живой, покачиваясь на крепких ногах, обутых в тугие сверкающие сапоги, видневшиеся из-под штанин синего комбинезона.

— Старший лейтенант Мересьев, доложите о полете. Сбитые есть?

— Так точно, товарищ полковник. Два «фокке-вульфа».

— Обстоятельства?

— Один — атакой на вертикали. У Петрова на хвосте висел. Второй — лобовой атакой километрах в трех севернее от места общей схватки...

На командный пункт они отправились пешком. Так как полеты в этот день были окончены, вся толпа двинулась за ними. Зеленый холмик командного пункта был уже близко, когда оттуда выбежал им навстречу дежурный офицер. С разгона он остановился перед командиром, простоволосый, радостный, и открыл было рот, чтобы что-то крикнуть. Полковник перебил его сухим, резким голосом:

— Почему без фуражки? Вы что, школьник на перемене?

— Товарищ полковник, разрешите обратиться, — вытягиваясь и едва переводя дыхание, выпалил взволнованный лейтенант.

— Ну?

— Наш сосед, командир полка «яков», просит вас к телефону.

— Сосед? Ну и что же?..

Полковник проворно сбежал в землянку.

— Там о тебе... — начал было говорить Алексею дежурный. Но снизу раздался голос командира:

— Мересьева ко мне!

Когда Мересьев застыл около него, вытянув руки по швам, полковник, зажав ладонью трубку, набросился на него:

— Что же вы меня подводите? Звонит сосед, спрашивает: «Кто из твоих на «одинадцатке» летает?» Я говорю: «Мересьев, старший лейтенант». Говорит: «Ты сколько ему сегодня сбитых записал?» Отвечаю: «Два». Говорит: «Запиши ему еще одного: он сегодня от моего хвоста «фокке-вульфа» отцепил. Я, говорит, сам видел, как тот в землю ткнулся». Ну? А вы что молчите? — полковник хмуро смотрел на Алексея, и трудно было понять, шутит ли он или сердится всерьез. — Было это?.. Ну, объясняйтесь сами, нате вот. Алло, слушаешь? Старший лейтенант Мересьев у телефона. Передаю трубку.

У уха зарокотал незнакомый сиплый бас:

— Ну, спасибо, старший лейтенант! Классный удар, ценю, спас меня. Да. Я до самой земли его проводил и видел, как он ткнулся...

Мересьев положил трубку. Он так устал от всего пережитого, что еле стоял на ногах. Он думал теперь только о том, как бы скорее добраться до «кротового городка», до своей землянки, сбросить протезы и вытянуться на койке. Неловко потоптавшись у телефона, он медленно двинулся к двери.

— Куда идете? — командир полка заступил ему дорогу: он взял руку Мересьева и крепко, до боли, сжал ее сухой маленькой ручкой. — Ну, что вам сказать? Молодец! Горжусь, что у меня такие люди... Ну, что еще? Спасибо... А этот ваш дружок Петров разве плох? А остальные... Эх, с таким народом войны не проиграешь!

Он еще раз до боли стиснул руку Мересьева.

Очутившись в своей землянке уже ночью, Мересьев не мог заснуть. Он перевертывал подушку, считал до тысячи и обратно, вспоминал своих знакомых, фамилии которых начинались на букву «А», потом — на букву «Б» и так далее, неотрывно смотрел на тусклое пламя коптилки, но все эти стократ проверенные способы самоуспокоения сегодня не действовали. Как только Алексей закрывал глаза, начинали мелькать перед ним то ясные, то еле выделяющиеся из мглы знакомые образы: озабоченно смотрел на него из своих серебряных косм дед Михайла; добродушно мигал «коровыми» ресницами Андрей Дегтя-

ренко; кого-то распекая, сердито потрясал своей седеющей гривой Василий Васильевич; с белого фона подушки смотрело на Алексея своими умными, пронизательно-насмешливыми, все понимающими глазами восковое лицо комиссара Воробьева; улыбался, подмигивал сочувственно и понимающе маленький подвижный инструктор Наумов. Сколько славных дружеских лиц смотрело, улыбалось из тьмы, будя воспоминания, наполняя теплом и без того переполненное сердце! Но вот среди этих дружеских лиц возникло и сразу их заслонило лицо Оли, худощавое лицо подростка в офицерской гимнастерке, с большими усталыми глазами. Алексей увидел его так ясно и четко, будто девушка действительно встала перед ним, какой он никогда ее не видел. Это видение было настолько реальным, что он даже приподнялся.

Какой уж тут сон! Чувствуя прилив радостной энергии, Алексей вскочил с лежака, засветил «сталинградку», вырвал из тетради лист и, поточив о подшву конец карандаша, начал писать.

«Родная моя! — писал он неразборчиво, едва успевая записывать быстро летящую мысль. — Я сегодня сбил трех немцев. Но дело не в этом. Некоторые мои товарищи делают это сейчас почти ежедневно. Я не стал бы тебе об этом хвастать... Родная моя, далекая, любимая! Сегодня я хочу, я имею право сегодня рассказать тебе все, что со мной случилось восемнадцать месяцев назад и что, каюсь и очень каюсь, я скрывал от тебя. А вот сегодня наконец решил...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В дни, когда Орловская битва близилась к своему победному концу и передовые полки, наступавшие с севера, уже сообщали, что они видят с Красногорской возвышенности горящий город, в штаб Брянского фронта поступило сообщение, что летчики гвардейского истребительного полка, действовавшего в том районе, за девять последних дней сбили сорок семь самолетов противника. Потеряли они при этом пять машин и только трех человек, так как двое из сбитых выбросились на парашютах и пешком добрались до своего полка. Даже для тех дней бурного наступления Красной Армии такая победа была необычайной. На связанном самолете я вылетел в этот полк, намереваясь написать в «Правду» о подвигах летчиков-гвардейцев...

Солнце уже легло на вершины берез, облив их расплавленным золотом своих лучей.

Садились последние машины. Не выключая моторов, с ходу подруливали они прямо к леску...

Последним прилетел самолет командира третьей эскадрильи.

Открылся прозрачный колпак кабины. Сначала оттуда вылетела и упала на траву большая, черного дерева палка, облепленная золотыми монограммами. Затем загорелый широколицый черноволосый человек быстро поднялся на крепких руках, ловко перенес свое тело через борт, опустил на крыло и потом тяжело слез на землю. Кто-то сказал мне, что это лучший летчик полка. Чтобы не терять попусту вечера, я решил сейчас же поговорить с ним. Отлично помню, как, весело глядя мне прямо в лицо живыми черными, цыганскими глазами, в которых непогашенный мальчишеский задор странно сочетался с усталой мудростью бывалого, много пережившего человека, он сказал, улыбаясь: — Помилосердствуйте! Честное слово, с ног валяюсь. В ушах гудит. Вы кушали? Нет? Ну и отлично! Пойдемте в столовку, поужинаем вместе...

Впрочем, в столовой усталость с него будто ветром сдуло. Он сел у окна, в котором виднелся холодный красный закат, по приметам летчиков предвещавший на завтра ветер; жадно, с шумом выпил большую кружку воды, пошутил с хорошенькой кудрявой официанткой о каком-то своем находящемся в госпитале приятеле, из-за которого та будто бы пересаливала всем супы. Ел он с аппетитом, много, крепкими зубами с хрустом обгладывал кости бараньего бока. Перешучивался через стол с товарищами, выпрашивал у меня московские новости, интересовался новинками литературы и постановками в московских театрах, где он, по его словам, ни разу, увы, не бывал. Когда мы доели третье — черничный кисель, называвшийся здесь «грозовые облака», — он спросил:

— Вы, собственно, где ночуете? Нигде? Ну и отлично, ночуйте в моей землянке! — он на мгновение насупился и, помолчав, глухо пояснил: — Сосед мой сегодня... не вернулся с задания... Стало быть, лежак свободен. Свежее белье найдется, идемте.

Он был, видимо, из тех, кто любит людей, кого неудержимо тянет поболтать со свежим человеком и обязательно выпросить у него все, что тот знает.

Я согласился. Мы пришли в овраг, по обоим скатам которого в пахнущих прелым листом и грибной сыростью дебрях маличника, медуницы, иван-чая были нарыты землянки...

Летчик вышел наружу, и было слышно, как он шумно чистит зубы, обливается холодной водой, крикая, фыркая во весь лес. Он вернулся веселый, свежий, с каплями воды на бровях и волосах, опустил фитиль в лампе и стал раздеваться. Что-то тяжело грохнуло об пол. Я оглянулся и увидел такое, чему сам не поверил. Он оставил на полу свои ноги. Безногий летчик! Летчик-истребитель! Летчик, только сегодня совершивший семь боевых вылетов и сбивший два самолета! Это казалось совершенно невероятным.

Но ноги его, точнее говоря, протезы, ловко обутые в ботинки военного образца, валялись на полу. Нижние концы их торчали из-под койки и были похожи на ноги прячущегося там человека. Должно быть, взгляд у меня в эту минуту был очень озадаченный, так как хозяин, посмотрев на меня, спросил с хитрой, довольной улыбкой:

— Неужели вы раньше не заметили?

— Даже в голову не пришло.

— Вот хорошо! Вот спасибо! Удивляюсь только, как вам никто не рассказал. У нас в полку столько же асов, сколько и звонарей. Как это они нового человека, да еще из «Правды», прозевали и не похвастались такой диковинкой? Это потому, что сегодня вымотались все так...

— Но ведь это небывалое дело. Это же черт знает какой подвиг: без ног сражаться на истребителе! История авиации ничего подобного еще не знает.

Летчик весело свистнул.

— Ну, история авиации!.. Она много чего не знала, да узнала от советских летчиков в эту войну. Да и что тут хорошего? Можете поверить, что я с большим бы удовольствием летал с настоящими, а не с этими вот ногами. Но что поделаешь? Так сложились обстоятельства, — летчик вздохнул, — впрочем, если быть точным, подобные примеры история авиации все-таки знает.

Порывшись в планшете, он вынул оттуда вырезку из какого-то журнала, совершенно истертую, расплывшуюся на сгибах и бережно подклеенную к листу целлофана. В ней говорилось о летчике, который летал без ступней.

— Но ведь у него одна нога все-таки была здоровой. Потом, он не истребитель, он же летал на допотопном «фармане».

— Зато я советский летчик. Только не подумайте, что я хвастаюсь, это не мои слова. Их сказал мне однажды один хороший, настоящий, — он особенно подчеркнул слово «настоящий», — человек... Он теперь умер.

На широком энергичном лице летчика появилось выражение ласковой, хорошей грусти, глаза засветились тепло и ясно, лицо помолодело сразу лет на десять, стало почти юношеским, и я с удивлением убедился, что хозяину моему, казавшемуся минуту назад человеком средних лет, едва ли было и двадцать два, двадцать три года.

— Я не перевариваю, когда начинают спрашивать, что, да когда, да как... А вот сейчас все вдруг вспомнилось... Вы тут человек посторонний, завтра попрощаемся и больше не встретимся, наверно... хотите, я расскажу вам историю с моими ногами?

Он сел на койке, натянул до подбородка одеяло и стал рассказывать. Он словно думал вслух, совершенно забыв о собеседнике, но говорил интересно, образно. Чувствовались в нем тонкий ум, острая память и большое, хорошее сердце. Сразу поняв, что услышу что-то значительное, небывалое, чего потом больше уже никогда и не узнаешь, я схватил лежавшую на столе ученическую тетрадку с надписью «Дневник боевых полетов третьей эскадрильи» и стал записывать его рассказ.

Многое в свое время я не успел записать, многое за четыре года потерялось в памяти. О многом, по скромности своей, умолчал тогда Алексей Маресьев. Пришлось додумывать, дополнять. Стерлись в памяти портреты его друзей, о которых тепло и ярко рассказывал он в ту ночь. Их пришлось создавать заново. Не имея здесь возможности строго придерживаться фактов, я слегка изменил фамилию героя и дал новые имена тем, кто сопровождал его, кто помогал ему на трудном пути его подвига. Пусть не обидятся они на меня, узнав себя в этом повествовании...

Так возникла эта «Повесть о настоящем человеке».

После того как книга эта была написана и приготовлена к печати, мне захотелось перед публикацией познакомить с ней ее главного героя. Но он бесследно затерялся для меня в путанице бесконечных фронтовых дорог, и ни наши общие друзья-летчики, ни официальные источники, к которым я обращался, не смогли мне помочь отыскать Алексея Петровича Маресьева.

Повесть уже печаталась в журнале, ее читали по радио,

когда однажды утром у меня зазвонил телефон.

— Мне бы хотелось с вами встретиться, — зазвучал в трубке хрипловатый, мужественный, как будто знакомый, но уже позабытый голос. — А с кем я разговариваю?

— С гвардии майором Алексеем Маресьевым.

А через несколько часов, быстрый, веселый, все такой же деятельный, своей медвежьей, чуть-чуть с развалышкой походкой он уже входил ко мне. Четыре военных года почти не изменили его.

— ...Я вчера сижу дома, читаю, радио включено, но я увлечен и не слушаю, что там передают. Вдруг подходит взволнованная мама, показывает на приемник и говорит: «Послушай, сынок, это же про тебя». Прислушался, — верно, про меня, передают о том, что со мной было. Я удивился: кто это мог написать? Ведь вроде бы я никому не рассказывал об этом. И вдруг вспомнилась наша встреча под Орлом и как я вам в землянке всю ночь не давал спать своими разговорами... Думаю: как же так, это ж было давно, почти пять лет назад... Но зачитали отрывок, назвали автора, и вот решил я вас разыскать...

Все это он пояснил залпом, улыбаясь своей широкой, чуть-чуть застенчивой, прежней маресьевской улыбкой.

Как всегда бывает при встрече двух давно не видевших друг друга военных, заговорили об общих знакомых офицерах, добрым словом упомянули тех, кто не дожил до победы. О себе Алексей Петрович рассказывал по-прежнему неохотно, и выяснил я, что он еще много и удачно повоевал. Вместе со своим гвардейским полком проделал он боевую кампанию 1943—1945 годов. После нашей встречи он сбил под Орлом три самолета, а потом, участвуя в сражениях за Прибалтику, увеличил свой боевой счет еще на две машины. Словом, он щедро расквитался с противником за свои утраченные в бою ноги. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Рассказал Алексей Петрович и о своих домашних делах, и я рад, что и в этом отношении могу дописать к повести счастливый конец.

Закончив войну, он женился на любимой девушке, и у них родился сын Виктор. Из Камышина к Маресьевым приехала его старушка мать, которая сейчас живет с ними, радуясь счастью своих детей и нянча маленького Маресьева.

Так сама жизнь продолжила эту написанную мной повесть об Алексее Маресьеве — Настоящем Советском Человеке.

Вопросы и задания.

1. О каком времени рассказывается в «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого? Какие эпизоды, повествующие о жизни фронта и тыла, запомнились вам после прочтения книги? Какие герои?

2. Внимательно прочитайте план, в котором объединены картины войны (1-я и 4-я части):

а) Воздушный бой. Самолет Маресьева сбит.

б) Фашисты на оккупированной ими земле; неожиданная встреча Маресьева с врагами; события в партизанском лесу.

в) Расправа с жителями деревни Плавни.

г) Картина передовой линии фронта — «огонь великого сражения». Маресьев снова в строю.

д) Ожесточенные воздушные бои. Спасение Петрова.

е) Бой Маресьева с немецким асом. Лобовая атака.

Подготовьте развернутый ответ на тему: «Как изображаются в повести бедствия и героизм советского народа во время Великой Отечественной войны». Свой рассказ сопроводите выразительным чтением эпизодов и рисунками-иллюстрациями.

3. Как показан в повести тыл? Какими заботами живут советские люди, к чему стремятся, что переживают, как приближают победу (1, 2, 3-я части)? Подтвердите свой ответ примерами из текста:

а) вести из глубокого тыла (письма Ольги из Камышина);

б) вблизи фронта (госпиталь в Москве, подмосковный санаторий Военно-Воздушных Сил, школа тренировочного обучения);

в) колхозная деревня в тылу у фашистов.

4. Что позволило автору дать Маресьеву высокое звание «Настоящий Советский Человек»?

Восстановите в памяти этапы жизни Маресьева и связанные с ними его мысли, чувства и переживания.

Выполняя это задание:

а) подготовьте краткий пересказ на тему: «Путь Маресьева к своим» (часть 1-я). Что помогло летчику найти силы и преодолеть все трудности?

б) Охарактеризуйте душевное состояние Маресьева до и после ампутации ног, подтверждая свой рассказ примерами из текста (часть 2-я).

в) Выразительно прочитайте эпизод «Маресьев узнает о подвиге».

- ге Карповича». Как и во имя чего добивался Мересьев возвращения в строй? О каких человеческих качествах свидетельствует тот путь самовоспитания, самодисциплины, который избрал Мересьев для достижения своей цели (часть 3-я)?
- г) Расскажите о подвигах Мересьева на фронте. Почему в смертельном поединке с фашистским асом одержал победу именно Мересьев?
 - д) Каким рисует автор своего героя в момент встречи с ним («Послесловие»)? Что восхищает его в Мересьеве?
 5. Кто из героев повести, кроме Мересьева, может быть назван настоящим советским человеком? Что сделали для Мересьева те люди, о которых он с благодарностью вспоминает бессонной ночью после боя? Расскажите о каждом из них.
 6. Какую роль в жизни Мересьева сыграл комиссар Воробьев? Какие душевные качества комиссара привлекали к нему людей? О комиссаре Воробьеве в повести сказано: «Ко всем комиссар умел найти ключик...». Как эта способность обнаруживается в его общении с людьми? Покажите это на примерах из текста.
 7. Какой смысл мы вкладываем в слова «Настоящий Советский Человек»?
 8. Как вы думаете, почему, описывая в повести жизнь летчика Алексея Мересьева, писатель несколько изменил его фамилию?
 9. Какие произведения о подвигах советских людей во время Великой Отечественной войны вы читали? Расскажите о героях этих книг.
 10. Запишите рассказы ветеранов о Великой Отечественной войне.
 11. Прочитайте очерк Б. Н. Полевого о послевоенной судьбе летчика Алексея Мересьева.
«Он славно повоевал... и он стал в народе... признанным героем и любимцем всей авиации. Но тяжелое и, может быть, главное испытание поставила жизнь перед ним уже после того, как прогремел салют Победы, стихли фронты и наступил мир на земле. Он получил хорошую пенсию, на которую мог жить с семьей безбедно. Но по натуре своей он был не из тех, кого материальный достаток мог успокоить. И в мирной жизни он не хотел чувствовать себя выбитым из седла... он стал приобщать себя к активной мирной жизни... подготовился в Высшую партийную школу. Окончил ее с отличием. Поступил в Академию обществен-

ных наук при ЦК КПСС. Закончил ее, защитил кандидатскую диссертацию,— и все это сочетал с активной общественной деятельностью, с докладами, выступлениями на собраниях и митингах, с участием в движении сторонников мира, активистом которого он стал с самого его возникновения».

Подумайте, возможна была бы такая судьба без поддержки советских людей, Советского государства?

О рассказе и повести

Вы познакомились с «Повестью о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Чем отличается повесть от рассказа, понятие о котором вы получили в IV классе? Вспомним: в рассказе обычно небольшое количество действующих лиц, описывается какое-то одно, значительное событие жизни главного героя, действие протекает в ограниченный отрезок времени.

В повести Б. Полевого изображается целый ряд событий из жизни летчика Алексея Мересьева (гибель самолета Мересьева в воздушном бою, спасение летчика, путь к своим, жизнь в подземной деревушке, пребывание в госпитале, ампутация ног летчика, борьба за возвращение в строй и т. д.). Через многие испытания прошел он, прежде чем вновь сел за штурвал боевого самолета. Характер главного героя повести раскрывается перед нами постепенно, в разных эпизодах произведения. Мы узнаём о мужестве летчика, ползущего с перебитыми ногами к своим, о его воле и настойчивости, когда он после операции вновь учится ходить, о выдержке и отваге в воздушном бою.

Мы знакомимся и с другими людьми, которые помогли Мересьеву вернуться в строй, с событиями их жизни.

Таким образом, по сравнению с рассказом повесть шире изображает жизнь: в ней больше событий и действующих лиц; в ней показано, как изменяются главные герои в зависимости от жизненных обстоятельств.

Вопросы.

1. Чем отличается повесть от рассказа?
2. Почему произведение В. Катаева «Белеет парус одинокий» — повесть?
3. Как вы считаете, «Тимур и его команда» — повесть или рассказ? Мотивируйте свое суждение.
4. Какие повести вы читали? Какие рассказы знаете?

*

Партизанские окопы
Заросли травой,
Можжевельником пахучим,
Елкой молодой.

Матери сюда приходят,
Слезы их росой
Долго тлеют на курганах
Раннею порой.

И несут сюда девчата
Розы, васильки,
Дорогих воспоминаний,
Дум своих венки.

А приходят партизаны
На места боев,
Запевают они песню
Про друзей-бойцов.

Льется песня по раздолью...
А дремучий бор,
Что вершинами уходит
В голубой простор,

Под ветрами, облаками
Долго вторит им
Неумолчным гулом сосен,
Шумом вековым.

Перевод с белорусского
А. Прокофьева

Вопрос и задание.

Объясните слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Как эти слова находят свое воплощение в стихотворении Максима Танка?

Слышу умолкнувший звук
божественной эллинской речи,
Старца великого тень
чую смущенной душой.

А. С. ПУШКИН

Поэтические сказания древней Эллады

«Илиада» и «Одиссея» — самые древние произведения греческой литературы. Автором их считается народный певец — поэт Гомер. Точных сведений о его жизни не сохранилось (историки предполагают, что он мог жить в VIII—IX веках до нашей эры). Античные скульпторы изображали поэта слепым стариком.

Гомер сочинял и пел песни о Троянской войне и о возвращении героев-греков на родину после падения Трои (Илиона). Позд-

нее, когда эти песни были записаны, они составили две книги — «Илиаду» и «Одиссею».

«Илиада» и «Одиссея», основанные на народных сказаниях и мифах, пользовались необычайной известностью и любовью у древних греков.

Семь городов Эллады оспаривали честь называться родиной Гомера. На многолюдных народных праздниках странствующие певцы — рапсоды декламировали большие отрывки из сочинений Гомера, состязались в их исполнении. Торжественные, величавые стихи звучали напевно, мерно, и слушатели уносились в полусказочный мир, где наряду с героями давних событий действовали боги, а исторические факты переплетались с фантастическими вымыслами.

О содержании «Илиады» и «Одиссеи» вы читали в своем учебнике истории (раздел «Древняя Греция», с. 116—119). Теперь вы познакомитесь с одним эпизодом из «Одиссеи». Герой ее — хитроумный Одиссей, отважный, многоопытный военный вождь и многострадальный мореплаватель — рассказывает гостеприимному царю Алкиною о пережитых им приключениях на пути к родной Итаке¹.

Одним из самых опасных было посещение Одиссеем и его спутниками острова, где жили циклопы — свирепые одноглазые великаны.

Рассказ Одиссея о встрече с циклопами напоминает нам народные сказки и былины. Как в каждом произведении устного народного творчества, мы находим здесь гиперболы (например, могучей силой обладает Одиссей и еще большей — циклоп Полифем), разнообразные повторения (например, несколько раз повторяется описание возвращения Полифема в пещеру и его занятий), постоянные эпитеты (могучие весла, темные воды).

Песни Гомера были настоящей сокровищницей народной мудрости. Они отражали мысли и чувства героического народа, ярко, образно рисовали его жизнь.

Вопрос и задание.

1. Вспомните, что рассказывалось об «Илиаде» и «Одиссее» на уроках истории.
2. Чем нам интересны и дороги древнегреческие поэмы?

¹ *Итака* — остров в Ионическом море, родина Одиссея.

Одиссей у циклопов

(ИЗ ПОЭМЫ ГОМЕРА «ОДИССЕЯ»)

- 1 Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.

Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.

- 5 К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром¹, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
- 10 Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз, ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
- 15 Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.

- Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно, с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
- 20 С ними; и мы запаслися вина драгоценного... мехом².

- Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали все мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
- 25 Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным
в порядке

Там размещенные: старшие — с старшими, средние — подле
Средних и с младшими — младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.

¹ *Лавр* — южное вечнозеленое дерево с душистыми листьями.

² *Мех* — здесь: кожаный мешок для вина.

Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,
30 Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
35 Даст нам подарок, — но встретиться с ним не на радость нам
было.

Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерних пищи, явился
40 Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
45 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им в пещеру задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
50 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы¹,
В них он оставил его, чтоб оно огустело до сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити² стадо пригнавши.
55 Кончив с заботливым спехом³ работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
— Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добытки вольные⁴, мчась,
60 Жизнью играя своей и беды приключая народам?
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремевший и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок отвечивал так я циклопу:

— Все мы — ахейцы¹, плывем от далекия Трои; сюда же
65 Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу...
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, неприютных, к себе дружелюбно принять и подарок
70 Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов, мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный

Кронийон²...

Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
— Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
75 Если мог вздумать, что я побоюсь или уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в божестве Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах...
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
80 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами отвечивал злому циклопу:
— Бог Посидон³, колебатель земли, мой корабль уничтожил,
85 Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж, и со мною немногим, от смерти спастись удалось». —
Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул⁴, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
90 Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился, обрызгало мозгом пещеру...
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца.
95 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.

¹ Ахейцы — одно из племен древних греков. Гомер называет ахейцами вообще всех греков.

² Зевс был сыном Крона, бога земледелия и времени, поэтому его часто называют Кронийоном или Кронидом.

³ Посидон (Посейдон) — бог морей.

⁴ Прянул — здесь: неожиданно прыгнул.

¹ Плетеница — сосуд в плетеной корзине.

² Пажить — пастбище.

³ С заботливым спехом — старательно и быстро.

⁴ Добытки вольные — морские разбойники.

- Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
100 Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос¹;
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
105 Клад сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.
110 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать
средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу².
Вот что, размыслив, нашел, наконец, я удобным и верным:
В козлей закуте стояла дубина циклопова, свежий
115 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним;
подобен
Нам показался он мачте, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает...
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя³,
120 Выглядить чисто отрубков велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжéгши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
125 Кончив, своих пригласил я спутников жéребий⁴ кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предасться.
Жеребий дал четырех мне и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал, не по жеребью —
пятый.

¹ Эос — богиня утренней зари.

² Паллада — одно из имен богини Афины, победительницы гиганта Палланта.

³ Локоть — старинная мера длины (около 50 см).

⁴ Жеребий — жребий.

- 130 Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо
Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана...
Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
135 — Выпей, циклоп, золотого вина...
...узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо.
Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался, другой попросил он
140 Чаши: «Налей мне, — сказал он, — еще и свое назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
Твой же напиток — амврозия чистая с нектаром сладким¹.
Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
145 Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
— Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок.
Я называюсь НИКТО; мне такое название дали
150 Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
— Знай же, Никто мой любезный, что будешь ты самый
последний

- Съеден, когда я разделаюсь с прочими, — вот мой подарок.
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
155 Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
Сон овладел им...
Кол свой достав, мы его острием на огонь положили,
Тотчас зардел² он; тогда я, товарищей избранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
160 Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно

¹ Твой же напиток — амврозия чистая с нектаром сладким — превосходный, чудесный напиток. Амврозия (амбрóзия) и нектáр — пища и питье богов, дающие им бессмертие и вечную юность.

² Зардел — здесь: раскалился докрасна.

Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно, вложило
отважность;

Кол обхватили они и его острием раскаленным
165 Втиснули спящему в глаз...
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав

Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в иступленье
170 Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах¹ окрест и на горных, лобзаемых ветром вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюда сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифём? Что случилось? На что ты
175 Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «Никто! Но своей я оплошностью гибну; Никто бы
180 Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали
циклопы:

«Если никто, для чего же один так ревешь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
В помощь отца своего призови, Посидона-владыку».

Так говорили, они, удаляясь. Во мне же смеялось

185 Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
Охая тяжко, с крихтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
190 Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
195 Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,

Жирные, мощные, в стаде; руно¹ их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злему циклопу,
200 По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждых
Трех был один из товарищей наших, а сам я?.. Дебелый²,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
обхвативши

Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
205 Брюхом, а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.

С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
К выходу все побежали самцы, и козлы, и бараны...
210 Господин их, от боли...
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать неспособен,

¹ Руно — здесь: шерсть.

² Дебелый — здесь: упитанный, откормленный.

¹ Грот — искусственная или естественная пещера.

Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
215 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время
о многом.

Спину ощупав его, с ним циклоп разговаривать начал:
— Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру
последний

Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
220 Сладкоцветущей травкою питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,

Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
225 Ум отуманил; его называют Никто; но еще он
Власти моей не избежал! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отмстил бы
230 Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедля
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
235 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье¹
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедля
240 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыть расстояние, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
245 — Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных

гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным²
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес и другие
250 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
255 Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно

¹ *Взморье* — берег моря.

² *Святотатный* (поступок) — дерзкое нарушение общепринятого обычая или правила.

- Прочь отвалил; а товарищам, молча, кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
- 260 Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянии от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, — они говорили, — зачем ты чудовище дразнишь?»
- 265 В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
- 270 Так говорили они, но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
— Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
«Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
- 275 Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз
мой».

Перевод В. Жуковского

Вопросы и задания.

1. В поэме Гомера Одиссей часто именуется хитроумным. Докажите справедливость этого эпитета. Какими еще качествами обладает Одиссей? Покажите это на примерах из текста.
2. Найдите строки, в которых рисуются внешность и образ жизни циклопа Полифема. Охарактеризуйте его нрав. Какие гиперболы и эпитеты помогают нам ярче представить свирепого людоеда?
3. Какое отражение нашли в эпизоде «Одиссей у циклопов» быт, нравы и верования древних греков?
4. Чем напоминает прочитанный вами отрывок из «Одиссеи» русские былины?

Роберт Стивенсон

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов¹
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилах тесных,
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых,

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед.

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

¹ Стихотворение «Вересковый мед» навеяно старыми шотландскими преданиями о судьбе древних народов покоренной Шотландии — о вольнолюбивых и мужественных пиктах.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский
король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою
совесть
Совестно будет при нем.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный
мед! —
Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я,
шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

Перевод С. Маршак

Вопрос и задание.

Выразительно прочитайте стихотворение. Какое впечатление оно произвело на вас?

Кайсын Кулиев

Солнце греет землю, красит небо,
Подступает к окнам белый сад.
Книги рядом с караваем хлеба
В доме на столе моем лежат.

Хлеб и книга. Скрыты в них недаром
Кровь и сок земли, где мы живем.

Их сжигало пламя всех пожаров,
Все владыки шли на них с мечом.
Хлеб и книга, вечные от века,
На столе лежат передо мной,
Подтверждая мудрость человека,
Бесконечность щедрости земной.

Задания.

Прочитайте выразительно стихотворение народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева. Подумайте, почему поэт самыми высокими ценностями жизни считает хлеб и книгу. Поделитесь своими мыслями с товарищами.

В. А. Луговской

БЕССМЕРТИЕ

Перелистает старых книг страницы
Когда-нибудь прилежный ученик,
И станет он по-новому гордиться
Делами предков доблестных своих.

К вершинам поколения иного
Из наших лет стремительных придут
Четыре кратких и высоких слова:
Единство, Дружба, Мир и Труд.

Достигшие счастливого удела,
Возьмут потомки вечности звено.
У каждой жизни есть свои пределы,
Бессмертие народу суждено.

СОДЕРЖАНИЕ

Волшебная сила художественного слова	3
--	---

Раздел 1. Устное народное творчество

Народ-сказитель	4
Илья Муромец и Соловей Разбойник	5
А. К. Толстой. Илья Муромец	12
Вольга и Микула Селянинович	14
О бытине	21
Устное народное творчество и литература	22
Художественная письменная литература	24
Евпатий Коловрат	—
А. К. Толстой. Курган	28

Раздел 2

И. А. Крылов	29
Волк и Ягненок	31
Квартет	33
Волк на псарне	35
Демьянова уха	37
О басне	39
А. С. Пушкин (по С. Бонди)	41
Москва!.. как много в этом звуке	43
Зимнее утро	44
Няне	45
Об эпитете	46
Песнь о вещем Олеге	47
О летописном источнике «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина	52
Дубровский	53
М. Ю. Лермонтов (по В. Рождественскому)	119
Парус	121
Два великана	122
Н. А. Некрасов	123
На Волге	125
В. Г. Короленко	129
Дети подземелья	130
О портрете литературного героя	162
Н. И. Рыленков. Я помню руки матери моей...	163

Раздел 3

В. П. Катаев	164
Белеет парус одинокий	166
О пейзаже в литературном произведении	244
Дмитрий Гулиа. Олень (перевод с абхазского М. Соболя)	246
М. В. Исаковский	247
Дума о Ленине	249
Демьян Бедный	252
Снежинки	253
З. И. Воскресенская	254
Отчаянные глаза	255
М. Светлов. Имя Ленина снова и снова повторяет великий народ...	266
Л. Н. Радищев. Незаряженная кассета	267
М. М. Пришвин	274
Кладовая солнца	276
Значение олицетворений в литературном произведении	302
Н. А. Заболоцкий. Журавли	304
В. Н. Полевой	306
Повесть о настоящем человеке	308
О рассказе и повести	381
М. Танк. Партизанские окопы... (перевод с белорусского А. Прокофьева)	382

Раздел 4

Поэтические сказания древней Эллады	383
Одиссей у циклопов. Из поэмы Гомера «Одиссея» (перевод В. Жуковского)	385
Роберт Стивенсон. Вересковый мед (перевод С. Маршака)	395
Кайсын Кулиев. Солнце греет землю...	396
В. А. Луговской. Бессмертие	397

№ п/п	Фамилия и имя ученика	Учебный год	Состояние учебника	
			в начале года	в конце года
1				
2				
3				
4				
5				

Учебное издание
РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА
УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ 5 КЛАССА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Составители

Зепалова Татьяна Сергеевна
Мещерякова Наталия Яковлевна

Зав. редакцией Л. А. Худякова

Редактор Е. П. Пронина

Оформление Б. Л. Рымана

Художники В. П. Высоцкий, И. Л. Ушаков,
М. М. Салтыков, Н. И. Пчелко

Художественный редактор И. М. Ременникова

Технический редактор Г. В. Субочева

Корректоры И. В. Бородина, Н. В. Красильникова

ИБ № 11294

Сдано в набор 02.04.87. Подписано к печати 10.09.87. А11054. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 2. Гарнит. школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25+форз. 0,25+вкл. 0,5. Усл. кр.-отт. 28,31. 84-изд. л. 22,63+форз. 0,45+вкл. 0,56. Тираж 3 867 000 (1—2 707 000) экз. Заказ № 1838. Цена 45 коп. Цена с припрессовкой пленки 55 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Печать с диапозитивов Ордена Трудового Красного Знамени Калининского полиграфического комбината Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

170024, Калинин, пр. Ленина, 5 на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

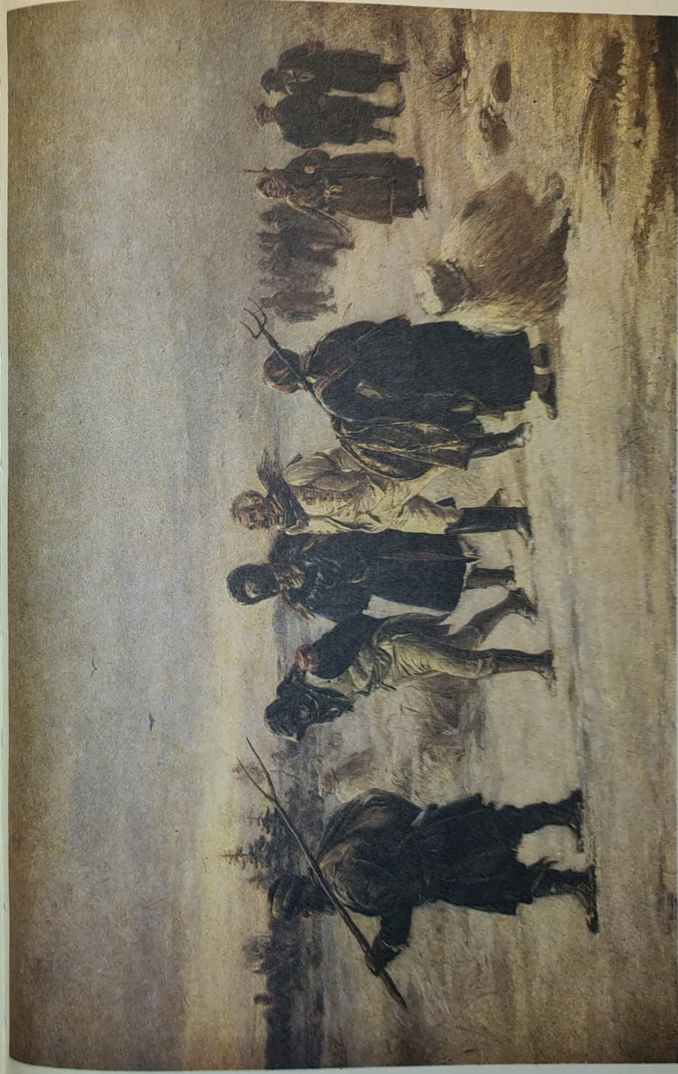
В. М. Васнецов. Богатыри.

Виктор Михайлович Васнецов (1848—1926) — выдающийся русский живописец. Особенно известен картинами на темы национальной истории, русских былин и народных сказок («После победы Игоря Святославича с половцами», «Царь Иван Васильевич Грозный», «Витязь на распутье», «Иван-царевич на сером волке», «Аленушка» и др.). На картине «Богатыри» Васнецов так изобразил защитников родины, что они стали художественным олицетворением воинской доблести, силы и славы русского народа.

Н. Н. Ге. А. С. Пушкин в селе Михайловском.

Николай Николаевич Ге (1831—1894) — известный русский живописец, создавший ряд картин на темы русской истории («Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе», «Пушкин в селе Михайловском») и много портретов выдающихся деятелей русской культуры — Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена и др.

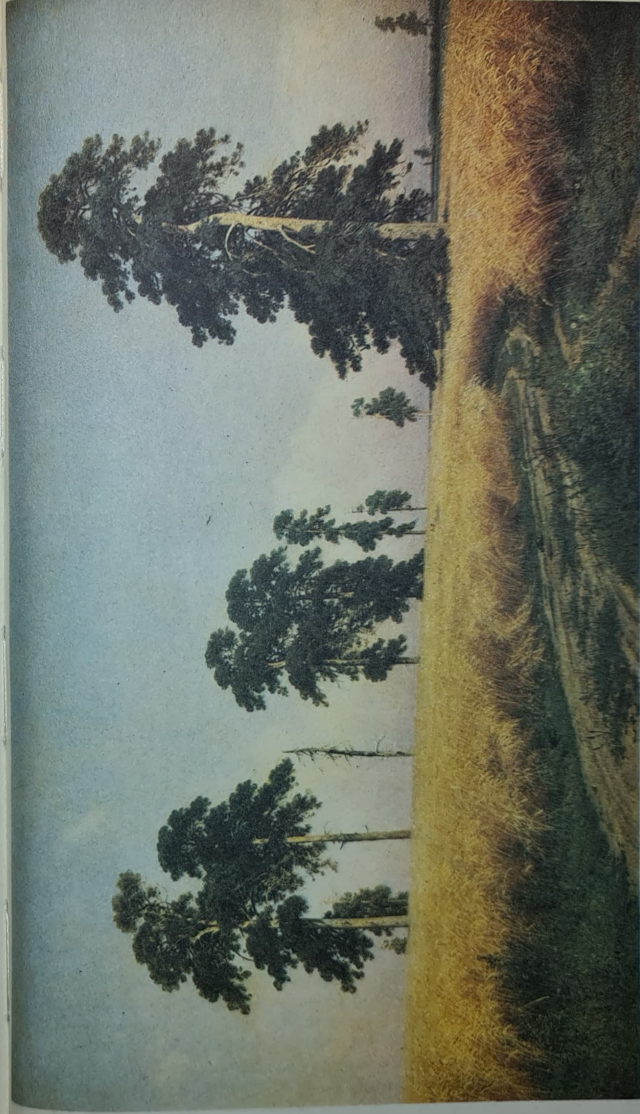
И. М. Прянишников. В 1812 году.

Илларион Михайлович Прянишников (1840—1894) — известный русский художник. Сюжетом большинства его картин служили сцены из народной жизни («Порожняки», «Шутники», «Гостинный двор в Москве»).

И. Е. Репин. Бурлаки на Волге.

Илья Ефимович Репин (1844—1930) — великий русский живописец. В своих картинах, созданных до революции, он правдиво, ярко, с глубоким сочувствием изображал жизнь угнетенных, несправедливо обиженных людей («Бурлаки на Волге»), а также тех, кто поднимался на борьбу с угнетателями («Арест пропагандиста», «Под конвоем», «Отказ от исповеди»). Многие сюжеты для своих картин он черпал из русской истории: «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»). Репин известен также как замечательный портретист («Стрекоза», «Осенний букет», портреты деятелей науки и искусства).

И. И. Шишкин. Рожь.

Иван Иванович Шишкин (1832—1898) — один из крупнейших мастеров пейзажной живописи, воспевавший величие и красоту родной земли, ее лесов и полей. Наибольшей известностью пользуются его картины «Рубка леса», «Рожь», «Лесные дали», «Корабельная роща» и др.

Ф. С. Богородский. Братишка.

Федор Семенович Богородский (1895—1959) — советский живописец. В годы гражданской войны был комиссаром матросского отряда на Волге. После завершения художественного образования писал картины, посвященные матросам — участникам гражданской и Великой Отечественной войн. Особенно известны «Матросы в засаде», «Братишка», «Слава павшим героям» и др.

В. А. Серов. Ждут сигнала.

Владимир Александрович Серов (1910—1968) — народный художник СССР. Серов работал преимущественно в области историко-революционной живописи («В. И. Ленин провозглашает Советскую власть», «Ходоки у В. И. Ленина», «Зимний взят» и др.).

П. П. Белоусов. В. И. Ленин среди делегатов III съезда РКСМ.

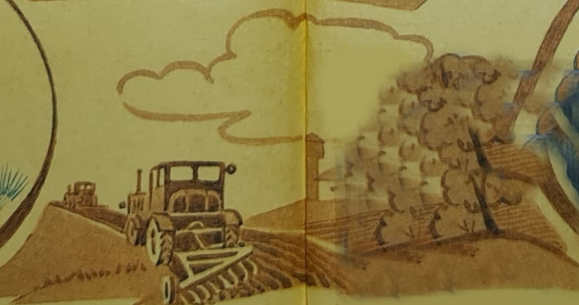
Петр Петрович Белоусов (род. в 1912 г.) — живописец и график, автор многих картин и рисунков, посвященных В. И. Ленину («Мы пойдем другим путем», «За чтением» и др.).

Лучшие сыны человеческого, те, кто боролся в прошлом и борется в настоящем за счастье трудящихся во всем мире, с детских лет шли к познанию жизни, общаясь с книгой.

...Шагайте смелее к свету и любите книгу всей душой! Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник!

М. Шолохов

45 коп.

